

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Е. Р. НИКОЛАЕВ

**ЛИЧНЫЕ ИМЕНА САХА
В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ**

Ответственный редактор

Н. И. Данилова

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

2020

УДК 811.512.157'81'373.231
ББК 81.66(=634.1)
Н63

Николаев, Е. Р.

Н63 Личные имена саха в лингвокультурологическом контексте / Е. Р. Николаев; отв. ред. Н. И. Данилова; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т гум. исслед. и проблем малочисленных народов Севера. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2020. – 215 с.

ISBN 978-5-7692-1685-5

Монография посвящена исследованию структуры и семантики личных имен саха в лингвокультурологическом контексте. Рассмотрены способы образования, диалектные признаки, правописание, выполнена семантическая классификация. Полученные результаты позволили автору изложить свое видение в интерпретации семантики личных имен саха, а также создать их ономастическую (антропонимическую) модель.

Адресуется лингвистам, ономатологам, преподавателям и студентам, научным сотрудникам, работникам ЗАГС, а также всем, кто интересуется проблемами ономастики.

УДК 811.512.157'81'373.231
ББК 81.66(=634.1)

Рецензенты:

доктор филологических наук, доцент *Г. Р. Галиуллина*
кандидат филологических наук *Ф. Н. Дьячковский*
кандидат филологических наук, доцент *А. К. Прокопьева*

Утверждено к печати Ученым советом
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

ISBN 978-5-7692-1685-5

© Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН, 2020
© Николаев Е. Р., 2020

*Посвящается светлой памяти бабушки
Петровой (Прокопьевой) Ксении Алексеевны,
уроженки Кангаласского наслега
Сунтарского улуса*

ВВЕДЕНИЕ

В процессе освоения действительности, накопления опыта и его передачи последующим поколениям язык играет главную роль в качестве ключевого фактора осмысления окружающего мира и самого человека. Человек имеет возможность создавать духовный и материальный мир культуры, сам же оставаясь ее неотъемлемой частью. Данный процесс происходит с помощью и под влиянием языка, языковой среды.

Язык как средство общения и передачи информации представляет собой «главную форму выражения и существования национальной культуры» [Воробьев, 2008: 12]. По сути, язык, как и культура, являясь знаковой системой, обозначающей все аспекты жизни человека, обусловлен историко-культурными, социально-экономическими, политическими факторами, зависит от природно-климатических, ландшафтных особенностей. Акт обозначения, т. е. номинации (называние, именование, присвоение имени, процесс наименования) всех проявлений культуры, в том числе и человека в качестве номинатора (имянарекатель, имядатель, именующий) и номинируемого (именуемый), наиболее характерно вырисовывается в личном имени человека. Личное имя как «социальный знак» представляет собой поле деятельности для изучения национальной системы личных имен, которое подразумевает сплетение различных отраслей науки.

Изучение антропонимической системы саха не может происходить вне системы тюркского ономастикона, исследования которого традиционно посвящены выявлению традиций именования, мотивов выбора имени, анализу структурно-семантических особенностей. В результате решения этих и различных лингвистических задач в тюркской ономастике в разное время издано достаточно много специальных трудов. Значительный вклад в изучение тюркской

антропонимии внесли Г. Ф. Благова [1997, 1998], Э. А. Бегматов [2007], Ш. Жапаров [1989], Г. В. Косточаков [1995], Т. Х. Кусимова [Кусимова, Биккулова, 2010], В. У. Махпиров [1997], В. А. Никонов [1974], В. И. Рассадин [1976], Н. Д. Сувандии [2004], А. Т. Тыбыкова [2010], А. Г. Шайхулов [1983] и др.

Тюркские личные имена (антропонимы) во взаимосвязи языка и культуры (лингвокультурологии) были рассмотрены в трудах Г. Ф. Благовой (космологические и социальные представления в пратюркских именах) [Благова, 2006: 660–763], Г. Р. Галиуллиной (татарские имена в лингвокультурологическом контексте) [Галиуллина, 2009], А. Ж. Мамажакыповой (коды культуры киргизских имен) [Мамажакыпова, 2009], Е. И. Убрятовой и Н. Е. Петрова (имена саха в связи с данными словесного народного творчества) [СЛИН РСФСР, 1979: 200–207] и др.

Существенный вклад в становлении антропонимики саха внесли лингвисты Н. И. Филиппова [2016], Л. А. Афанасьев [1989, 1990], Багдарыын Сүлбэ [2011], В. Д. Монастырёв [1993, 2016], Нь. С. уола Багдарыын [Иванов, 2001], Н. Г. Самсонов [2000], Ф. Г. Сафронов [1985] и др.

Еще в начале XX в. тюрколог А. Н. Самойлович указал ориентиры и перспективы изучения тюркских личных имен, тем самым обозначив самую большую проблему и высоту антропонимических исследований: «Следовало бы составлять полные алфавитные списки личных имен, (...) с подробными указаниями, в каких случаях, в какую историческую эпоху, кому и почему давалось или дается данное имя. Впоследствии явилась бы возможность произвести весьма интересное в культурно-историческом отношении сравнительное исследование личных имен всего турецкого народа» [Самойлович, 2005: 275]. В связи с этим на данном этапе развития тюркской ономастики, наряду со сравнительно-сопоставительным изучением структуры, семантики личных имен тюркских народов, вырисовывается новая задача в подобных исследованиях – «глубинное культурно-ориентированное осмысление именованности» [Березович, 2001: 45], т. е. исследование уже существующих именованности в контексте синтеза языка и культуры. Таким образом, актуальность данного исследования определяется не только отсутствием специальных работ, рассматривающих структуру и семантику личных имен саха в лингвокультурологическом контексте, но и важно для решения вопросов взаимодействия и диалога народов современной России. Носители национальных языков формируют своеобразное видение мира, где культурные ценности, вербально запечатленные в национальных

личных именах, являются частью языковой картины мира. Их изучение необходимо для развития общего языкознания, тюркологии, постановки перспективных задач в интеграции ономастики с разными отраслями науки – истории, этнографии, психологии, фольклористики, когнитивной лингвистики, психолингвистики и т. д.

В данной монографии в качестве источников и материалов использовали:

– список прозвищ якутов Верхоянского округа, составленный фольклористом И. А. Худяковым (462 прозвища);

– «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского (более 1800 антропонимов);

– список личных имен, опубликованный в «Материалах по истории Якутии XVII века: (документы ясачного сбора)», являющийся результатом переписи, проведенной воеводой П. Головиным в 1642 г. (более 4800 антропонимов);

– имена, зафиксированные в земельных ведомостях 24 вилюйских волостей, составленные в 1776 г. чиновником Якутской воеводской канцелярии Егором Кычкиным (2576 антропонимов);

– именной дохристианских личных имен народов Севера-Востока Сибири, составленный историком Ф. Г. Сафроновым на основе ясачных документов (5954 мужских, 48 женских антропонимов) [Сафронов, 1985];

– диалектологические словари якутского языка [ДСЯЯ, 1976, 1995], «Этимологический словарь якутского языка» [Попов, 1993], «Большой толковый словарь якутского языка» [2007–2018].

– лексический материал, содержащийся в научных и научно-популярных трудах (Н. К. Антонов, Нь. С. уола Багдарыын и др.), в печатных СМИ РС (Я), в записях и информационно-аналитических обзорах органов ЗАГС РС (Я) [2008, 2011, 2015], в электронном Справочнике якутских имен и фамилий, составленный сотрудниками Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ИГИиПМНС СО РАН) (2014), в научно-популярных изданиях [Айыы ааттара, 1994; Тэрис, 2012], в фольклорных текстах (легенды, предания, олонхо и т. д.), которые являются культурным фоном, необходимым для данного исследования.

Для репрезентативности иллюстраций использованы материалы из рукописного фонда Архива ЯНЦ СО РАН (словарь образных слов Т. Е. Сосина, перевод труда Ст. Калужинского).

В ходе исследования автором собрано более 300 новых антропонимических единиц, которые еще не были зафиксированы в вышеука-

занных источниках. Ценным материалом и источником для монографии стал авторский проект-конкурс «Мин сахалыы аатым – мин киэн туттуум» («Мое якутское имя – моя гордость») для учащихся общеобразовательных школ Республики Саха (Якутия) (2015, 2018 гг.), работы которых были опубликованы в специальной рубрике «Айыы ааттара» («Имена айыы») республиканского детско-юношеского журнала «Хатан» в течение 2015–2018 гг.

Теоретическую и методологическую базу исследования составили труды отечественных лингвистов, этнографов, историков (Г. Ф. Благова, В. Д. Бондалетов, Г. Р. Галиуллина, В. В. Красных, А. Ф. Лосев, В. А. Никонов, Э. В. Севортян, А. В. Суперанская, В. Н. Телия, А. Г. Шайхулов, А. С. Щербак и др.), якутоведов (Н. К. Антонов, М. С. Иванов-Багдарыын Сүлбэ, Нь. С. уола Багдарыын, Л. Л. Габышева, Л. М. Готовцева, В. Д. Монастырёв, П. А. Слепцов, Н. И. Филиппова и др.). Обзор данных работ представлен в главе 1. Основными методами работы являются: оценочно-описательный метод, представленный такими приемами, как сбор, редактирование (обработка), интерпретация, классификация и обобщение фактического материала. При описании изменений состава и структуры антропонимических единиц использовались приемы структурной лингвистики. Выявление семантики проводилось в рамках синхронного и диахронического анализа. Для верификации семантики и дефиниций, субъективных интерпретаций привлекались исторические, этнографические, фольклорные, лексикографические данные. При описании лингвокультурологической репрезентации использовались приемы герменевтического метода.

Материалы монографии в будущем могут быть полезны для лексикографических, этимологических и грамматических исследований в тюркском языкознании. Полученные результаты также можно использовать в лекциях по тюркской ономастике в учебных заведениях разного уровня, актуализации и популяризации гуманитарной науки в целом. Данная работа представляет практическую значимость и для работников органов ЗАГС.

Слова благодарности адресую своему научному руководителю Надежде Ивановне Даниловой, доктору филологических наук, заведующей отделом якутского языка ИГиИПМНС СО РАН, оказавшей неоценимую помощь в работе над диссертацией, по результатам которой написана данная монография.

Хочу выразить признательность Лине Митрофановне Готовцевой, кандидату филологических наук, старшему научному сотруднику отдела якутского языка ИГиИПМНС СО РАН, Семену Семеновичу Протопопову, кандидату культурологии, доценту кафедры культурологии Института языка и культуры народов Северо-Востока Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (ИЯиКН СВ СВФУ), научные диалоги и дискуссии с которыми помогли домыслить структуру, содержание и подачу материала.

Особое признание и благодарность выражаю Алмасу Галимзяновичу Шайхулову, профессору, доктору филологических наук, заведующему кафедрой татарской филологии и культуры Башкирского государственного университета за научные беседы и поддержку, за помощь в работе с источниками в Межвузовской научно-исследовательской (учебной) лаборатории «Духовная культура тюркских, монгольских, финно-угорских и индоевропейских (славянских) народов Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона».

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНЫХ ИМЕН САХА

1.1. Из истории изучения тюркских личных имен

Теоретические, методологические и прикладные основы исследований личных имен, проблематика специфики личного имени (антропонима), его значения, структуры и семантики, функционирования в речи заложены и развиты в работах Г. Ф. Благовой [1997, 1998] – пратюркская антропонимика, В. Д. Бондалетова [1983] – русская ономастика, В. А. Никонова [1973, 1974, 1976] – тюркская ономастика, А. В. Суперанской [1970, 2009] – теория и методика ономастических исследований, А. Г. Шайхулова [1983] – татарская и башкирская ономастика, А. С. Щербак [2008, 2009, 2012] – когнитивная ономастика, ономастический концепт, М. Э. Рут [2008, 2009] – искусственная, образная номинации, В. И. Супрун [2000] – ономастическое поле и др.

Также важно отметить, что изучение и постановка различных проблем в области тюркской антропонимики в историко-культурном, теоретическом аспекте связаны с трудами Г. Ф. Миллера [2009], В. А. Гордлевского [1968], Л. Рашони [Rásonyi, 1953, 1961, 2007], К. М. Мусаева [1984] и др.

Классификацию личных имен тюркских народов в разное время провели: В. Я. Бутанаев – хакасские имена [Личные имена хакасов, 1993], Т. М. Гарипов [1973], А. Г. Гафуров [1987] – арабские и тюркские имена, Т. Дж. Джанузаков [1976] – казахские имена, Ш. Жапаров [1989] – киргизские имена, Г. В. Косточаков [1995] – шорские имена, Т. Х. Кусимова [Кусимова, Биккулова, 2010] – башкирские имена, В. У. Махпиров [1997] – древнетюркские имена, З. М. Раемгужина [2009] – башкирские имена, В. И. Рассадин [1976, 1978] – тофаларские имена, Г. Ф. Саттаров [1975] – татарские имена, Г. Х. Саттаров [1990] – узбекские имена, Н. Д. Сувандии [2004] – тувинские имена, А. Т. Тыбыкова [2010] – алтайские имена, А. Г. Шайхулов [1983] – татарские, башкирские имена; и др.

По отношению к тюркской антропонимии личные имена саха имеют обособленный характер в силу различных факторов: языковой и территориальной обособленности – «островной якутский ареал» [Широбокова, 2015: 242], природно-климатического (вечная мерзлота, продолжительное холодное время и т. д.), религиозных воззрений и т. д.

Как показывает ономастическая библиография, антропонимы саха являются достаточно изученными в рамках именника из православного календаря, что привело к тому, что во многих справочниках дано такое определение: «... большинство якутских имен – русские» [СЛИН РСФСР, 1987: 223]. Такое положение дел является вполне естественным, так как система основана «на единой норме официального именования лица по модели, выработанной в течение XVIII–XIX вв. в официальной практике записей именования» [СЛИН РСФСР, 1987: 4]. Тем не менее в свете постоянного возникновения новых экстралингвистических факторов – пополнение именника саха возрожденными исконными личными именами (далее – ЛИ) [Айыы ааттара, 1994; Тэрис, 2012], искусственная номинация, выход закона об именовании якутскими именами [Закон РС (Я), 2012], создание электронного Справочника якутских личных имен и фамилий [2014] и т. д. – возникла необходимость обратиться к именнику саха, который имеет свои корни в дохристианском времени.

Важно отметить, что одним из первых об именах саха высказался тюрколог, ономатолог В. А. Никонов: «... следы первичного именника сильнее у алтайцев, меньше у якутов, еще слабее у других тюркоязычных народов, где большинство имен не только вторично, но и заимствовано из других языков» [Никонов, 1974: 103]. Таким образом, историю изучения антропонимов саха необходимо рассматривать в связи с историей изучения систем тюркских личных имен.

Алтайские личные имена. Алтайский именник дооктябрьского периода характеризуется наличием отпугивающих, охранительных и обманно-охранительных имен. Наиболее архаичный и распространенный способ образования имен – от названий животных, птиц, насекомых, растений, предметов быта, орудий труда, небесных тел и т. д. Одним из главных способов образования алтайских ЛИ является присоединение аффиксов: *-ай*, *-ак*, *-аи*; *-бай*; *-дай*, *-дак*, *-дый*, *-дой*, *-дои*, *-дошкой*, *-дыс*, *-ду* и т. д. Как и в якутском языке, основным критерием группировки имен на мужские и женские служит семантика аппеллятивного слова. Так, признаком мужских имен являются антропокомпоненты *уул* ‘мальчик, парень’ и *бай* ‘богатый’, а женских – *кыс* ‘девочка, девушка’, например, *Сары-уул* ‘Желтый мальчик’, *Карабай* ‘Черный

богатый’, *Карагыс* ‘Черная девочка’ [Алтайские личные имена, 1993: 17, 22–23, 25]. Как отмечает А. Т. Тыбыкова, «основу антропонимики алтайского языка составляют имена, созданные в древности, которые активно возрождаются в настоящее время» [Тыбыкова, 2010: 113].

В тувинском антропонимиконе выделяют следующие лексико-семантические группы (далее ЛСГ): имена, связанные с фауной, флорой (*Артыш* ‘можжевельник’, *Арслан* ‘лев’ и др.), обозначающие природные явления (*Шолбан* ‘яркая звезда, Венера’, *Сылдыс* ‘звезда’ и др.) и др. Лексико-семантическая группа тувинских личных имен имеет некоторые особенности, например, личные имена, произошедшие от названий предметов быта (*Балды* ‘топор’, *Саадак* ‘охотничья сумка’), национальных блюд (*Тарак-оол* ‘простокваша’ и т. п.). Тувинские ЛИ по способу образования делятся на простые (производные и непроизводные) и сложные. Одним из самых распространенных антропоформантов тувинских имен является аффикс *-маа*, выступающий показателем женских имен [Сувандии, 2004].

В хакасских личных именах также нет резких различий между мужскими и женскими именами. В последнее время под влиянием русской антропонимики к женским именам стали добавлять окончание женского рода. Например, *Сояна*, *Карима*, *Намира*, *Сабира* и т. д. Большинство хакасских имен носит описательный характер, отражающий особенности ребенка, время и место его рождения, исторические события и т. д. Наиболее древними считаются имена из ЛСГ фауны и флоры: *Саасхан* ‘сорока’, *Хулун* ‘жеребенок’, *Порчо* ‘цветок’, *Ухсум* ‘лук’ и т. д. Отдельную группу составляют имена-пожелания, семантика которых подразумевает пожелание долгой жизни, богатства, счастья: *Айдас* ‘здоровый’, *Сындыр* ‘волевой’, *Тургун* ‘быстрый’ и т. д. Большинство хакасских имен образовано при помощи общетюркских компонентов *бай* ‘богатый’, *бий* ‘судья’, *хан* ‘царь’: *Арыхпай*, *Азылбай*, *Айдархан*, *Турабий* и т. д. Для мужских антропонимов характерен компонент *оол* ‘парень’ (*Хазах оол*, *Чабалоол*), а для женских – *хыс* ‘девушка’ (*Харахыс*, *Хыспира*) и т. д. Основные антропоаффиксы хакасских имен: *-ча*, *-пан*, *-тон*, *-чон*, *-лис* и др. (*Астанча*, *Соянча*, *Казанча*, *Тотахпан*, *Артон*, *Аларчон*, *Коклис* и т. д.) [ЛИХ, 1993: 1–8].

В шорской антропонимии представлены два субстратных (кетско-угро-самодийский и общеалтайский) и три суперстратных пластов: тюркский, монгольский и русско-христианский. Одна из особенностей шорских имен – отсутствуют имена-посвящения (меморативы). В структуру шорских антропонимов входят два компонента – корневая часть и различные аффиксы. Современная система шорских имен,

как и якутская, состоит полностью из русско-христианского именника, только в фамилиях сохранился древнейший принцип названия человека [Косточаков, 1995: 55, 93–94].

Тофаларский именник содержит заимствованные из русского, бурятского языков и собственные антропонимы, которые перешли в разряд вторых имен: *Годан* ‘Заяц’, *Сааскан* ‘Сойка’, *Батагана* ‘Комар’, *Лузу* ‘Филин’, *Гартыга* ‘Ястреб’ и т. д. В. И. Рассадин пришел к выводу, что тофалары обладают той же типологией личных имен, что и «эвенки, буряты, халха-монголы и тюрки Саяно-Алтайского нагорья» [Рассадин, 1976: 138].

Лексико-семантические группы систем личных имен «сибирской группы» с учетом некоторых особенностей, связанных с экстралингвистическими факторами (ведение традиционного хозяйства, религиозные воззрения, географическое расположение и т. д.), имеют много сходств. Некоторую параллель можно провести в способах словообразования (аффиксальный, способ сложения). Различия могут быть отмечены в использовании антропокомпонентов, например, *бай*, *оол*, *кыыс* и т. д. Семантика апеллятивов сходится в общетюркском пласте, а отличием являются заимствования (монгольские, русские, тунгусо-маньчжурские и др.). Синонимия в антропонимии наблюдается редко, так как, вероятно, это связано с мотивацией именования.

В основе **киргизских антропонимов** лежат доисламские религиозные представления, например, языческие культы неба, солнца, луны, ветра и других стихийных явлений (тотемические имена). Имена киргизов, как и в других тюркских языках, классифицируются по Л. Рашинову и В. А. Никонову на тотемические, дескриптивные и дезидеративные. Также выделяются ЛИ, дающие этнографические характеристики, хроноантропонимы, календарно-праздничные имена. По сравнению с рассмотренными тюркскими именами, в изучении киргизских имен больше внимания уделено их структуре: простые и сложные, производные и непроизводные; антропоформанты (мужские (-*дин*, -*чы*), женские (-*ым*, -*ат*, -*ыя*, -*па*, -*зада*), антропокомпоненты (*жан*-, *бай*-, *бек*-, *алы*-, *кул*-, *нур*- и др.), их частота употребления, что предоставляет больше материала для сравнительного исследования [Жапаров, 1989].

Многие вопросы **башкирской антропонимики** на сегодняшний день выяснены и детально описаны Т. Х. Кусимовой, С. Э. Биккуловой [2010], М. И. Карабаевым [Karabaev et al., 2015], Р. А. Сулеймановой [2013] и др. Основной фонд личных имен составляют, по Т. Х. Кусимовой, исконно башкирские слова, которые связаны с древними обычаями наречения. Следы анимистического мировоззрения сохранились в именах,

связанных с одухотворением явлений природы, небесных тел, с названиями животного мира и тотемов [Кусимова, Биккулова, 2010]. Некоторые имена данной группы указывают на время рождения ребенка. Компонентами таких имен выступают слова *көн* ‘день’, *төн* ‘ночь’, *ай* ‘луна’, *кояш* ‘солнце’, *таң* ‘заря’ и т. д. Например, *Айгөл – Айгуль*, *Айтуган – Айтуган*, *Көнһылыу – Кунсулу*. Во многих именах нашел свое отражение древний полукочевой образ жизни башкир. В составе таких сложных имен употребляются слова *юл* ‘дорога’, ‘путь’, *күсәу* ‘переселяться’: *Юлдаш*, *Юлдыбай*, *Юламан*, *Күсем – Кучим*, *Күсәрбай – Кучербай*. В системе башкирских имен встречаются имена-обереги, например: *Торһон – Турсун*, *Торһонғужа – Турсунғужа*, *Үлмәсбай – Ульмасбай*, *Үлмәсбикә – Ульмасбика*, *Исәнбай – Исянбай*, *Исәнгол – Исянгул*, где компонентами являются слова *тор* ‘жить’, *үлмәс* ‘не умрет’, *исән* ‘благополучный’, ‘живой’. Имена, представленные названиями животных, активно используются башкирами. Например, *Арысланбай*, *Арыслан*, *Арысланбикә*: *арыслан* ‘лев’, *Һандугас*: *һандугас* ‘соловей’, *Карлугас*: *карлугас* ‘ласточка’, *Бурейбай*: *бурей* ‘волк’. Вторую большую группу башкирских имен составляют слова, заимствованные из арабского, персидского, монгольского, русского, еврейского, а также из европейских языков [Karabaev et al., 2015: 73–82].

Корпус татарских имен также имеет следующие классические ЛСГ: имена-посвящения (культ неба, явления природы, вера в магическую силу слова, культ животных), описательные имена (обстоятельство рождения, физические особенности ребенка, социальное положение), имена-пожелания. Одним из древних способов словообразования татарских имен являются аффиксация, основосложение, именное и глагольное словообразование [Шайхулов, 1983: 3; 2018: 35–39].

Проблемы **казахской антропонимии** наиболее полно отражены в работах Т. Дж. Джанузакова [1976], историко-лингвистический анализ антропонимикона казахов 40–90-х годов XX в. освещен в исследованиях З. Р. Жаненовой [1994], этнокультурные основы номинации и функционирование казахских имен рассмотрены в работе Е. А. Керимбаева [1992]. Образование казахских антропонимов от апеллятивов чаще всего происходит по принципу выделения каких-либо признаков человека. Лексический состав именика казахов состоит из общеалтайского, тюркского, монгольского, иранского, арабского, славянского, новоказахского пластов. Особую подгруппу личных имен представляют собой сложные гибридные имена, образованные путем соединения арабо-тюрко-казахских, персидско-тюрко-казахских, монголо-казахских компонентов [Жаненова, 1994: 68, 92]. Современная

казахская антропонимическая система двухчленна (*Смагулулы Кайрат*, *Смагул Кайрат*) и трехчленна (*Мурат Мухтарович Ауэзов*, *Музафар Айтмагамбет Алимбайулы*), т. е. потомкам присваивается фамилии, производные от имени отца [Ниетбаева, 1998].

Многие современные **каракалпакские личные имена** по происхождению являются древнетюркскими. Элементы *ел*, *огул*, *иол* и др., встречающиеся в памятниках древнетюркской письменности (V–VIII вв.), в составе этих имен употребляются и в современных каракалпакских именах: *Елгелди*, *Елмурат*, *Улбосын*, *Жоллыбай* и т. п. А компоненты *царан*, *тегин*, *тархан*, *хан* и др. обозначали социальное положение и титулы этих людей. По структуре каракалпакские антропонимы делятся на простые и сложные. Производные простые имена являются различными формами имен существительных, прилагательных и глаголов, снабженных слово- и формообразующими (иногда словоизменительными) аффиксами имен существительных: *-ман* (*-мен*, *-пан*): *Айман*, *Байман*, *Бегман*, *Караман*, *Бекпан*, *Доспан* и др.; *-лан* (*-лен*): *Ерлан*, *Нурлан* и др.; *-ыс* (*-ис*), *-ыш* (*-иш*): *Жутишис*, *Кууаныш*, *Жубаныш* и др. В личных именах встречается также ряд непродуктивных аффиксов имен существительных: *-стан* (*Гуллстан*), *-зар* (*Гулзар*), *-к* (*Тилек*) и др.; имен прилагательных *-лы* (*-ли*): *Бахытлы*, *Кутлы*, *Каллы*, *Медли*, *Шашлы* и др. Некоторые антропонимы образованы от глагольных форм: 1) залоговые формы: возвратный залог – *Суйин*, *Жубан*, *Дузел*, *Тепел*, *Курал* и т. д.; взаимно-совместный залог – *Оцгар*, *Жеткер* и т. д. 2) формы косвенных наклонений: повелительное наклонение III лица – *Турсын*, *Койсын* и т. д. [Сайымбетов, 1998].

Древние и средневековые **ногайские личные имена** носят в основном общетюркский характер и имеют мало отличий от казахских, каракалпакских, татарских, крымско-татарских имен. Словообразование ногайских имен также идентично вышеобозначенным языкам [Каракаев, 2002: 51–53.]. В ногайских ЛИ наряду с тюркскими именами – *Айдар*, *Айтуган*, *Сатай*, *Сарыбас*, *Айгуль*, *Тансылув* – присутствует много арабских имен, наличие которых репрезентируют компоненты, например, *абд-*, что объясняется их географическим месторасположением и лингвистическими, историко-культурными взаимовлияниями [Сводный словарь..., 2012: 367–374].

Карачаево-балкарский именовник имеет лексические параллели с туркменским, алтайским, тофаларским, хакасским, чулымско-тюркским, шорским, тувинским языками. Самую большую группу заимствований составляют арабские ЛИ. Лексико-семантические группы распределяются по трем большим группам: описательные,

охранные и теофорные имена. В образовании антропонимов участвуют такие компоненты и форманты, как: *-бай, -бек, -герий, -жан, -кӱл, -мырза, -укъ*. Карачаево-балкарские антропонимы в структурно-морфологическом плане делятся на непроезводимые и произведимые, на простые и сложные, на образованные синтетическим и аналитическим способами [Джуртубаев, 2004]. Отмечается, что тюркские имена в карачаево-балкарском именнике считаются «очень ранними»: *Айю* ‘Медведь’, *Бата* ‘Благословенный’, *Болат* ‘Сталь’, *Карабаиш* ‘Великий глава’, *Кылыч* ‘Меч’, жен. *Актамак* ‘Прозрачное, хрустальное горло’, *Акбоюн* ‘Белая Шея’ и др. [Сводный словарь..., 2012: 324–366].

Для **туркменской антропонимии** характерны сложные, многосоставные имена: *Atamyrāt* ‘цель отца’, *eldi* ‘праздник пришел’ и т. д. Как и во многих тюркских языках, грамматический род обозначают антропокомпоненты: женские – *bi: bi, bi: ke* ‘госпожа’, *gül* ‘цветок’ и т. д., мужские – *oγul* ‘сын’, *guly* ‘раб его’ и т. д. [Чарыяров, Атанязов, 1976: 42–48].

Гагаузская антропонимия. В происхождении гагаузов большую роль сыграли кочевые тюркоязычные племена и народности. В исследовании М. Н. Губогло отмечается, что «у тюркских народностей конца XVI – начала XVII в. не было четкой границы между прозвищем и неофициальным именем или официальной фамилией». Данный факт отчасти относится и к именнику саха. В списках имен, датированных 1573 г., встречаются следующие тюркские прозвища: *Тилки* ‘лиса’, *Коча* ‘баран’, *Кучук* ‘малый’, *Дебак* ‘табак’, *Чобан* ‘пастух’, *Ташчи* ‘каменщик’, *Чилингир* ‘жестянщик’, *Кылыджи* ‘сабельщик’, *Кылыч* ‘сабля’ и др. [Губогло, 2006: 47–48].

Узбекская антропонимия. Узбекский язык входит в карлукскую ветвь огузо-карлуко-кыпчакских языков западно-хуннских тюркских языков [СИГТЯ, 2006: 767]. По сравнению с рассмотренными тюркскими СЛИ, узбекская антропонимика предстает перед нами как наиболее изученная, свидетельством чего являются традиционные научные конференции «Ономастика Узбекистана», проводившиеся в советское время [Ономастика Узбекистана, 1987, 1989]. Большой фонд узбекских имен собрал Э. А. Бегматов в своем словаре (14 600 личных имен) [Бегматов, 2007]. Тюркскому пласту в узбекских именах посвящена работа Г. Х. Саттарова, где автор выделяет также традиционные три ЛСГ – дескриптивы, дезидеративы, меморативы. Г. Х. Саттаров акцентирует внимание на наличие собственно узбекского и исконно тюркского пластов, а также заимствованных имен. Наряду с узбекскими антропонимами с прозрачной апеллятивной основой существуют также и имена

с затемненной и мертвой семантикой. Г. Х. Саттаров проанализировал около 50 слово- и формообразующих антропоформантов, более 40 типов смысловых моделей образования имен [Саттаров, 1990].

Обзор показал следующие общие и особенные признаки, связывающие СЛИС со СЛИ тюркских народов:

– в тюркских ЛИ разделению мужских и женских имен способствовали антропонимические компоненты и аффиксы, присущие той или иной системе ЛИ;

– современные тюркские антропонимические системы сохраняют «пратюркский “костяк” с реальными односоставными ЛИ и компонентами сложносоставных имен» [Благова, 1997: 5], так как эта модель была «свойственна тюркским языкам еще задолго до распространения мусульманства. Составные имена выражали привилегированность социальной верхушки» [Никонов, 1976: 207];

– объекты мира природы – космонимы (*Чолпан*, *Йулдуз*, *Сулус*), имена, связанные с объектами мира человека (военная лексика (*Кылыч*, *Булат*, *Болот*), названия металлов (*Темир*, *Тимир*, *Алтын*, *Алтан*), титулярные имена (*Таркан*, *Дархан* и т. д.)), присутствуют практически во всех системах ЛИ в качестве общетюркского пласта апеллативной лексики;

– устойчивый тип модели тюркских ЛИ «непроизводное Имя» (*Кун* ‘солнце’, *Йулдуз* ‘звезда’, *Чолбон* ‘утренняя звезда’), «Имя+аффикс» (*Таш+чи* ‘каменщик’, *Кун+нэй* ‘подобный солнцу’), безаффиксальное сложение «Имя+Имя» (*Аан Чангый*, *Абааны Дадыр*) проявляется во всех СЛИ. Подавляющее большинство ЛИ образуется с помощью антропокомпонентов (др.-тюрк. *Vaş qara* ‘Голова-черная’, башк. *Карабай* ‘черный; сильный, могучий, грозный’+бай (компонент мужских имен)) и др.;

– как отмечает Г. Ф. Благова, структура «антропонимической системы сохраняется, несмотря на то, что сакральные и многие ценностные установки, отражаемые в этой системе, претерпевают значительные изменения в связи со сменой религиозных воззрений» [Благова, 1997: 10], что свидетельствует о некоторой общности религиозных (или дорелигиозных) воззрений и антропонимов тюркских народов;

– кроме изучения собственно лингвистических признаков (структура, семантика), СЛИС требует также исследования экстралингвистических факторов (религиозные воззрения, культурно-исторические особенности, местный ландшафт, традиционные занятия и т. д.), которые могут помочь раскрыть не только особенности мотивации именования, но и обозначить место СЛИС среди СЛИ тюркских народов.

1.2. Изучение личных имен саха

Источники именника саха. Одним из значимых источников служат лексикографические издания (научно-популярные словари, научные справочники, научно-популярные именники), исторические материалы, а также именники, составленные по материалам словарей.

В качестве источника могут служить личные имена, которые были опубликованы в «Материалах по истории Якутии XVII века: (документы ясачного сбора)», являющиеся «результатом переписи, проведенной воеводой Петром Головиным» [Скрябина, 1980: 140]. Данный список считается «полным каталогом всех якутских (мужских) имен» (4810 антропонимов, в том числе 8 женских) [Указатель, 1970]. Несмотря на полноту каталога дополнительным источником могут быть также имена, зафиксированные в земельных ведомостях 24 вилюйских волостей, составленных в 1776 г. чиновником Якутской воеводской канцелярии, сыном боярским Егором Кычкиным (2576 антропонимов) [Башарин, 1960: 69–170]. Одной из не решенных до конца проблем является расшифровка этих списков. Как отметил историк С. А. Токарев, «якутские имена в документах читаются порой в весьма сомнительном виде, зачастую явно искажены при передаче через толмачей и малограмотных подьячих» (*Такуул Каясыло, Кулут Тотомин, Моргочо Себлей* и т. п.) [Указатель, 1970: XX].

Именник содержит также список прозвищ якутов, составленный И. А. Худяковым [1969: 420–430], включающий 462 прозвища, в том числе 110 женских (прозвища – по Худякову), которые были распространены в Верхоянском округе. Стоит отметить, что именно имена из худяковского списка впервые определены как образные имена: «224 произошли от образных слов, например, *Алчак, Атарбас, Баттык, Божорбой, Быкыйа, Дьэһирбэй, Котоорой, Күүкэ, Мыкыр, Хабатаа, Токур, Чахаанай, Ыдаҕар* и т. п.» [Афанасьев, 1990: 117].

«Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского [1959] является одним из главных источников в изучении антропонимов саха. По нашим подсчетам в Словаре зафиксировано 1804 антропонима разного разряда (930 мужских и 64 женских прозвищ, в том числе имена известных шаманов и названий родов (*аҕа ууһа* букв. ‘отцовский род’, *ийэ ууһа* букв. ‘материнский род; ряд поколений, происходящих от одного предка’), 114 мужских и 33 женских имен, заимствованных из русского антропонимикона, 309 – имена божеств, духов, 417 – сказочные имена, 70 – клички домашних и сказочных животных).

Наиболее известным в научной среде является именник христианских личных имен (5954 мужских, 48 женских антропонимов,

из которых 839 автору транскрибировать не удалось), составленный историком Ф. Г. Сафроновым [1985] на основе ясачных документов. Автор классифицировал прозвища (имена) саха по их исходной семантике, по мере возможности выявил их этимологию, определил мотивации имянаречения. Как отмечает Р. И. Бравина, «работа Ф. Г. Сафронова фактически открыла новое научное направление в изучении истории, культуры и языков коренных народов Северо-Востока Сибири» [Бравина, 2015: 65].

Одним из значимых источников именника саха являются имена из фольклорных источников – именник персонажей олонхо Н. В. Емельянова [1980].

На основе письменных источников в 2014 г. в электронном формате размещен «Справочник якутских имен и фамилий», который содержит 3225 личных имен и фамилий саха (718 мужских, 872 женских имен и 1635 фамилий) [Справочник, 2014].

В изучении антропонимов саха важную роль играют исследования грамматики языка саха О. Н. Бетлингга, С. В. Ястремского. Первые упоминания об антропонимах саха (в том числе и заимствованных из русского языка) опубликованы в известном труде О. Н. Бетлингга [1990]. В словаре Бетлингга мы находим имена божеств, духов (*Кубэй Хотун, Байанай* и др.), названия улусов (племен, родов, прародителей: *Элэй, Бахсы, Нам, Баатылы, Ботурус, Боробон, Омобой баай* и др.), а также заимствованные имена из русского именника (*Аана, Баска, Кириллэ, Киристэпэр, Өгрөпөөнө, Өлөксөй, Уйбаан, Хасыйан* и др.). Таким образом, следует полагать, что изучение морфологических признаков слова и языка саха в целом не обходится без замечаний по личным именам.

Кроме лексикографических источников, материалы (примеры антропонимов), содержащиеся в исследованиях по грамматике языка саха, также являются важным составляющим в интерпретации и анализе всего антропонимикона.

С. В. Ястремский отметил заимствованные имена в связи с суффиксами совместного падежа простого склонения *-лан, -лаан*. Соучастие в действии вместе с подлежащим и другого лица выражается суффиксами: *-лан*: (*-лэн, -лон, -лөн*), *-тан, -дан* и т. д., *-дан* и т. д., *-нан* и т. д. По мнению С. В. Ястремского, «эта форма в именах нарицательных почти не ходит, но она вполне возможна от имен собственных: *Ааналаан* ‘с Анною’, *Уйбааннаан* ‘вместе с Иваном’» [Ястремский, 1938: 162]. Он же указал на то, что этот аффикс «очень часто присоединяется к именам собственным и к именам лиц известных должности,

профессии, ремесла, занятия, давая тогда именам значение собира- тельных» [Ястремский, 1938: 162].

Л. Н. Харитонов проанализировал ЛИС в связи с образованием образных глаголов: «... уместно обратить внимание также на существование значительного количества людских прозвищ и кличек, представляющих собой различные глагольные формы (преимущественно образные и звукоподражательные – *Ангай, Арбай, Ханкый, Сыллай, Бабынаан, Ньэлчэс* и т. п.)» [Харитонов, 1954: 17]. Он также отметил, что «значительная часть прозвищ представляет собой образные глаголы, выступающие в форме основы», а также «самостоятельную роль аффикса *-аар* (*Дыйаар, Мычаар*)» [Харитонов, 1954: 210, 255].

Е. И. Убрятова рассмотрела морфологические средства выражения экспрессивности в заимствованных антропонимах (аффиксы *-чык, -ык(ка)* (*Бүтүккэ/Бүөтүр, Сүөдэркэ/Сүөдэр*), *-тай* (*Үрүҥ Уолантай, Кулантай*), *-с* (*Ааныс/Аана, Даайыс/Даарыйа, Ньукулай/Ньукуус* и т. п.), *-каан* и *-чаан, -лыыр* (*Омобойдуур оҕонньор, Элиэнэлиир эбэкэйбит*), *-лаан* (*Дьөгүөрдээн, Маайыстаан, Тааттакайдаан*) [Убрятова, 1950: 267, 269–270, 272]. Она уже в соавторстве с Н. Е. Петровым опубликовала также обзорные статьи «Якутские имена» [СЛИН РСФСР, 1965, 1987], где были даны заимствованные имена и фамилии (*Өлөөнө, Өрүүнэ, Миитэрэй, Хабырылла, Дьаакыбылап, Ойуунускай* и др.), их русское и якутское написание, их словообразование с помощью аффиксов *-скай, -лаан, -чаан, -а*, а также литературные имена (*Уулаах Уйбаан, Баһахтыыр Балбаара, Күннэй, Сайсары* и др.) и образование новых имен (от имен героев легенд – *Омобой, Элэй, Манчаары*, от имен героев эпоса олонхо – *Туйаарыма, Ньургун, Уолан*). В переизданиях данного Справочника дано весьма характерное определение: «большинство якутских имен – русские».

Некоторые выводы Е. И. Убрятовой были дополнены К. Ф. Гриценко, которая отметила словообразовательные аффиксы *-кы (-кү), -й*; уменьшительные формы на *-дыыр, -лиир, -нуур, -ныыр* [Гриценко, 1970: 159–162]. Помимо этого, она является автором статьи «Якуты», в которой представлен анализ современной антропонимической трехчленной модели, соответствующей русской «имя+отчество+фамилия» (*Егор Захарович Иванов*), заимствованных имен (*Анна – Аана, Григорий – Киргизлэй, Павел – Байбал* и т. п.), широко распространенных словообразовательных аффиксов (*-с, -ча, -лаан, -чик, -лыыр, -ка: Дьаакытчаан, Маарыйа, Уйбаанныыр, Ааныка, Уйбаанчык* и т. п.). Автор выяснила мотивацию выбора исконного имени (прозвища), при этом указала, что многие имена-прозвища утратили свои этимологи-

ческие значения (*Бухха, Мээнчэ, Лаппарыйа, Ычыгыр* и др.). В статье отмечена тенденция возрождения собственных имен саха (*Айал, Айдар, Дюлустан, Нюргун, Айта, Сайсары, Сардана* и т. п.) с постепенным четким разделением на мужские и женские (с помощью аффикса *-а*), а также образование фамилий от имен (*Тайахов, Кыльяров, Тингеев* и др.) [Системы..., 1989: 358–362]. Примечательно, что у К. Ф. Гриценко прозвища определяются как личные имена.

А. И. Рудных на основе документов по истории Якутии XVII – начала XVIII в. в своей статье отмечает о «развитой национальной антропонимической традиции, системе имен» [Рудных, 1970: 223]. Автор сделала вывод, что «национальные имена вытеснены русскими антропонимами до положения вторых имен. (...) Вторые имена стали важным источником якутского фамильника». Таким образом, она придерживается термина *якутское прозвище* в значении *якутское личное имя*.

В статье С. Ф. Табаровской, как и в исследованиях Е. И. Убрятовой, были отмечены уменьшительно-ласкательные аффиксы *-ка, -каан, -лаан, -лыыр, -с, -ча, -чаан, -чык, (-ык)ка*. Автор пришла к мысли, что «значительное количество якутских прозвищ определяет черты характера (положительные и отрицательные), свойства и наклонности, физические преимущества и недостатки» [Табаровская, 1970: 22].

Более обстоятельный анализ ЛИС можно найти в статье Е. А. Шмаковой, в которой автор представила итоги исследования 772 личных имен, прозвищ и фамилий саха, определив, что мотивация выбора прозвища в языке саха связана с различными сторонами жизни [Шмакова 1974: 97]. Она выделила исконные (*Лахаан Эмээхсин, Осохчут, Бабат, Ахый, Тюрэн* и т. п.), заимствованные (*Хаптагын Сэмэн, Минньигэс Миитэрэй, Мутук Сааба, Торуйо* и т. п.) прозвища, связанные с христианизацией народа саха и постепенным отходом от исконных прозвищ, факты наделения человека с русским именем двумя-тремя исконными прозвищами (*Васильев Петр Егорович – Бээгэй, Мааджах*), а также сгруппировала прозвища саха в семантические группы (названия животных, птиц, растений; названия предмета быта и окружающей среды; названия явлений, качеств, действий, состояний; термины родства). По тексту можно понять, что Е. А. Шмакова склонна считать личные имена саха прозвищами, а не исконными личными именами: «... после принятия православия якуты заимствовали русскую систему личных имен, которые стали их единственными именами. Но наряду с ними у якутов бытуют прозвища...» [Шмакова, 1974: 94].

Одним из лингвистов, исследовавших региональный антропонимикон Якутии, является Н. П. Скрыбина, которая в свое время отме-

тила, что: «Широкое распространение национальные якутские имена получили в конце 50-х годов, устанавливается довольно постоянный ассортимент антропонимов», «специфика антропонимики Якутии XVII – XVIII вв. определяется живым отражением традиционных элементов именования: личное имя, патроним, имя-оберег» [Скрябина, 1983: 13, 14].

Если грамматические и морфологические особенности антропонимов саха попали в поле зрения многих ученых, то фонетический аспект исследований находится на начальном этапе, и первые попытки в этом направлении были сделаны Л. А. Афанасьевым. Он, проанализировав 5954 мужских имени из именника Ф. Г. Сафронова, выявил, что более 1300 имен являются образными словами, которые «... превращаясь в личные имена, в какой-то степени теряют первичное, свободное состояние, они как бы делают прыжок в другую орбиту, приобретая более предметное состояние» [Афанасьев, 1990: 116]. Таким образом, автор, придерживаясь термина «личные имена», ставит новую задачу для ономастологов – выявить и определить знаковость личных имен в фоносемантическом аспекте.

В исследовании разнообразных форм личных имен важные замечания сделал фонетист Н. Д. Дьячковский: «... С помощью этих аффиксов (-*каан*, -*чаан*: *Кэдээкээн*, *Мородукаан*, *Маайысчаан* и т. п.) ... образуются имена собственные, названия местностей, клички животных...» [Дьячковский, 1993: 103–136]. Он также отметил, что аффикс *-тай* (-*дай*) непосредственно связан с аффиксом *-тай* (-*дай*) монгольских языков, с помощью которого образуются названия местностей и личные имена [1993: 121].

К исследованию современных имен в свое время подключались и русоведы. Например, работа (как результат многолетних исследований и публикаций) проф. Н. Г. Самсонова охватывает имена XX в. г. Якутска по данным органов ЗАГС. Автор классифицировал фамилии саха по 22 группам и проанализировал распространение имен саха: «... следует заметить, что в 1930 г. список якутских имен был чуть больше, чем в последующие годы. Взлет же этих имен отмечается в семидесятых – восьмидесятых годах» [Самсонов, 2000]. Его труд значим тем, что система новых имен саха исследована в социологическом аспекте, а также отслежены этапы возрождения исконных ЛИ в советское время.

Лексико-семантические особенности личных имен, заимствованных из русского антропонимикона, подробно рассмотрел П. А. Слепцов [1964, 1975]. Он проанализировал изменения согласных в за-

имствованных именах (дистактная ассимиляция, диссимиляция, назализация, метатеза, замещение), обозначил ономастические термины – *сүрэхтэммит аата* ‘крещеное имя’, *нууччалыгы* или *нууччатын аата* ‘русское имя’, *үчүгэй аата* ‘хорошее (приличное) имя’, а также безродовые фамилии у женщин, как доказательство традиционного имяобразования без аффиксов, и утраты его в наше время [Слепцов, 1975: 71–72].

В своей специальной работе Н. И. Филиппова рассматривает лексический состав, структуру имен персонажей эпоса олонхо, проводит сравнительно-сопоставительный анализ имен, выявляет более 30 различных имяобразующих аффиксов, тем самым устанавливает, что исконные имена саха имеют эпические корни. Эпические имена представляют собой эпическую формулу, имеют трехкомпонентную структуру «эпитет + имя + показатель». Автор в своей работе проводит аналогию с титулами у тюрко-монгольских народов основные антропонимические компоненты *бэки*, *дархан*, *тутук*, *күлүк*, *алын* и т. д. Она отмечает, что в олонхо не наблюдаются различия в морфологическом оформлении мужских и женских имен. Разнообразие ЛСГ апеллятивных слов подчеркивает божественность происхождения героев, отражает мифологию, тотемистические воззрения, несет открытую оценочную характеристику, идеализирует человека. Н. И. Филиппова обозначила один важный момент, присущий изучению антропонимов, – связь лингвистических исследований с историей народа саха, с развитием его материальной и духовной культур, мировоззрением и верованием [Филиппова, 2016].

Интересные этимологические наблюдения предоставляет этнограф, фольклорист В. М. Никифоров. Им проанализированы титулярные имена персонажей олонхо: «Рассмотрение имен собственных героев якутского фольклора, относящихся к титулатуре (*Тойон*, *Туйгун*, *Дархан*, *Тыгын* и т. п.), ... дает возможность утверждать, что у предков якутов была такая же политическая структура, социально-экономический строй, как у народов соседних современных им государств – древних тюрков, енисейских кыргызов» [Никифоров, 2002: 72].

Для изучения антропонимов необходимо учитывать и результаты исследований топонимистов: «Образование топонимов от имен, фамилий и прозвищ оказалось одним из продуктивных. Так, на территории Лено-Амгинского междуречья им зафиксировано 527 таких антропотопонимов. Личными именами чаще названы места старых поселений, заимок, а также временных летовок: *Былатыанатар отордору*, *Лэпсэй Элгээнэ*, *Лыксыгыр Сайылыга* и т. п.» [Монастырёв, 1993:

19]. Также автор посвятил ЛИС ряд статей, где анализирует морфологический способ образования, например, выделяет женские форманты в современных именах, акцентирует внимание на тенденцию образования ЛИС путем присоединения к определенному опорному слову (имени-доминанту) различных аффиксов [Монастырёв, 2014: 48–50]. Исследователь выделяет ЛСГ личных имен (охранительные, имена благословляющего характера, титулярные), а также обращает внимание на группу дескриптивных имен, присущих дохристианскому именнику саха, и подчеркивает трудность в разграничении личных имен от прозвищ. В. Д. Монастырёв уделяет внимание фамилиям саха, образованным путем присоединения окончания *-ов, -ин, -ский* (*Арылахов, Барчалыров, Догордуров, Оросунский*). Возрождение имен саха он связывает с государственной политикой в сфере национальных языков [Монастырёв, 2016; Павлова, Монастырёв, 2017].

Источники и способы образования антропотопонимов-монголизмов центральных улусов Якутии с точки зрения топонимиста были рассмотрены Н. М. Ивановым. Выявленные им аффиксы-монголизмы являются также и словообразовательными аффиксами некоторых исконных имен, образованных от образных слов (глаголов), например, *Сэгэбил, Былтабар* и др. [Иванов, 2001].

В изучении антропонимов важное место занимают исследования в сравнительно-историческом аспекте. В своем труде диалектолог С. А. Иванов сделал подробный анализ словообразования антропонимов (*Омобой, Элэй* и др.), подтвердив их монгольские корни: «... многочисленные антропонимы древних саха: *Аймак, Амудай, Багалдай, Баканай, Калагай, Магалай, Омогой, Сатага* (...), в какой-то мере напоминающие монгольские слова, а также этнонимы: *Өлүөтү, Сортуол, Тумат, Хоро*, видимо, свидетельствуют о том, что здесь (в Центральной Якутии) когда-то звучала монгольская речь» [Иванов, 1980: 91, 96]. Позднее автор расширил свои изыскания в аффиксах *-лдаан, -ча*, отмечая признаки «уподобительного падежа» в аффиксе *-айы*, с помощью которых образованы некоторые ЛИС [Иванов, 2014: 86, 87, 149–150]. Его выводы в перспективе могут быть применены в поиске «монгольского следа» в именах саха.

Сравнительно-сопоставительное изучение лексики якутского языка было продолжено Ю. И. Васильевым. Он рассмотрел аффиксы *-тай, -дай*, используемые для образования некоторых личных имен: «В подобных именах кажется оправданным видеть сравнительное значение аффикса *-тай*: *Хахадай, Куннэй*; ср. имя *Айдай* – луноподобная в киргизском языке» [Васильев, 1986: 33].

Значительное место в изучении имен саха занимают научно-популярные статьи, труды отдельных исследователей-энтузиастов. Одной из первых статей публицистического характера об именах саха считается работа Г. В. Байшева-Алтан Сарын [Байшев, 1928]. Он предлагал отойти от православных заимствованных имен и вводить в обиход якутские имена, фамилии и отчества без заимствованных аффиксов: «... *аҕабыт аатын бастатан киллэриэхтээхпит... Холобур, Алтан уола Күн Сарын, Күн уола Кус Сарын...*» [... отчество мы должны внести в первую очередь... Например, *Алтан уола Күн Сарын, Күн уола Кус Сарын...*»].

Богатым источником для изучения исконных антропонимов служит частная картотека известного топонимиста М. С. Иванова-Багдарыын Сүлбэ, которая содержит около 50 тыс. единиц ЛИ [Монастырёв, 2012: 42]. А популярное издание учителя С. И. Жиркова [1990] основано на опыте изучения имен разных народов. Общие заметки о личных именах саха и разных народов содержатся в книге Е. В. Федорова [1999]. Значительный вклад в возрождение и популяризацию имен саха внесли Л. А. Афанасьев-Тэрис и А. Н. Павлов-Дабыл [Айыы ааттара, 1994; Тэрис, 2012]. В этих изданиях даны образцы более 1200 имен саха, приводятся их источники, разъясняется смысловая нагрузка, дается русское написание.

Развитие антропонимики саха происходит в русле традиционных направлений исследований грамматики языка саха, т. е. лексикографические, исторические, фольклорные материалы, классические труды О. Н. Бетлингга, Л. Н. Харитоновой, Е. И. Убрятовой, П. А. Слепцова и других служат основой для дальнейших сравнительно-исторических, этимологических исследований. Из всего этого вытекает задача систематизации первоисточников антропонимов саха, возможность составления полного именника (словаря, справочника), организация системы исследований в аспекте междисциплинарной связи антропонимики с историей, этнографией, культурологией, социолингвистикой и др., а также последовательное, углубленное изучение антропонимики саха как «общественного проявления языка» [Филиппов, 2006: 61].

1.3. Проблема разграничения прозвищ и личных имен саха

Для исследования антропонимов саха считаем целесообразным обозначить границы использования терминов *прозвище, личное имя, имя собственное*. В Словаре русской ономастической терминологии прозвище определяется как «вид антропонима. Дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его

характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством или по какой-либо аналогии – *Елена Рыжая, Алеша Цыган* и т. д.» [Подольская, 1978: 115]. Также приводится определение прозвищного имени: «личное некалендарное имя, возникшее из прозвища, выполняющее функцию официального личного имени. Например, *Милюта Ананьин сын, Невежа поп Никольский*» [Подольская, 1978: 117]. Как известно, по функциональным характеристикам личное имя и прозвище различаются: 1. Имя – официальное, прозвище – неофициальное. 2. Имя является единственным антропонимом – антропонимом первого порядка, прозвище выступает в качестве альтернативного имени, т. е. является антропонимом второго порядка. 3. Имя остается за его носителем на всю жизнь, оно более стабильно, а «прозвище носит ситуативный характер, всецело зависит от характера социальной среды» [Щербак, Бурькин, 2009]. Среда играет большую роль в определении мотиваций, структуры и семантики прозвищ. Как отмечают исследователи, прозвища возникают и функционируют в сельской среде, из чего возник и своеобразный термин «деревенское прозвище» [Кушкова, 2009], что в некоторой степени соответствует обозначению современных прозвищ саха.

Включенные в Словарь Э. К. Пекарского личные имена были определены автором по-разному: *прозвище, мужское прозвище, собственное имя, имя, прозвище (имя) шамана, название рода (аба, ийэ ууһа), кличка человека, имя родоначальника, якутское прозвище, детское имя, имя кузнеца, имя знаменитого певца, имя новорожденного мальчика, детское прозвище, предок якутов, родовое якутское имя, прозвище старика, название одного из поколений рода, прозвище дьячка, прозвище человека, женское прозвище, имя девушки, прозвище, данное ей мужем, имя девочки, имя шаманки, имя легендарной старухи* и т. д. Таким образом, лексикографический источник подводит к мысли, что дохристианские личные имена саха являются *прозвищными именами* – «личными некалендарными именами, возникшими из прозвищ, выполняющими функцию официального личного имени» [Подольская, 1978: 117]), но ввиду употребления их и в значении *личного имени*, и в качестве «основного официального имени, данного человеку при рождении», и «неофициальной формы имени» [Подольская, 1978: 69], уместно использовать тождественные по значению термины *антропоним* или *личное имя*.

В якутском языкознании в ряде научных статей использовался и сохраняется до наших дней термин *якутское прозвище* или просто *прозвище*, если идет речь о личных именах саха. С. Ф. Табаровская

связывает личные имена дохристианского времени (*Абырдай, Мохсобол, Хабды, Кырыпта* и т. д.) с современными прозвищами: «До сих пор среди якутов бытуют мелкие, колоритные и остроумные прозвища, большинство из которых до такой степени закрепились за тем или иным человеком, что часто официальное имя забывается и в своем наслеге этот человек известен только по прозвищу» [Табаровская, 1970: 172].

Е. А. Шмакова тоже придерживается такого мнения: «... но наряду с ними у якутов бытуют прозвища...» [1974: 94]. В работе К. Ф. Гриценко также отмечено, что «у якутов, как в свое время у русских, до принятия православия в качестве личных имен использовались прозвища» [1970: 155].

Более точное определение дает А. И. Рудных: «Архивные и полевые данные, которыми располагает автор, позволяют вполне определенно говорить о категории вторых, национальных, имен, которые в литературе о Якутии, как правило, фигурируют в качестве “прозвищ” или “прозваний”» [Рудных, 1970: 223–224]. В основных источниках, например в худяковском списке, личные имена саха обозначены тоже как *прозвища якутов* [Худяков, 1969: 420–430].

Свое мнение по этой проблеме также высказал и доктор исторических наук Ф. Г. Сафронов: «Имена якутов тех времен, состоящие из нарицательных слов, не были прозвищами. Они являлись на деле собственными именами в настоящем смысле слова» [Сафронов, 1985: 21].

Для уточнения основных признаков объекта исследования, необходимо обратить внимание на различие семантики термина *прозвища* в связи с историко-культурными факторами развития общества. В Словаре Э. К. Пекарского якутские имена даются как *прозвища* (например, *мужское прозвище, прозвище человека, женское прозвище* и т. п.), а заимствованные имена из русского антропонимикона представляются как *личные имена*. В словнике слова *аат* дается такое определение: «*сахатын аата* – его якутское имя, его прозвище; *ньууччатын аата* – его русское (крестное) имя» [Пекарский, 1959, I: 183]; «*хос аат* – прозвище» [Пекарский, 1959, I: 3520], но они даются без уточнений и без конкретного примера. Практически невозможно установить, были ли эти имена личными, которые давались при рождении ребенка, или прозвищами, приобретенными на каком-то этапе жизни. По всей видимости, официальные национальные имена саха, по укоренившейся традиции в научной литературе, обозначились как *прозвище*. Вследствие этого в научных статьях в отношении одних и тех же по семантике и структуре личных имен прослеживается использование одновременно двух терминов – *личное имя* и *прозвище*. Такое смешение терминологии так-

же может быть следствием процесса становления новой системы личных имен саха – православных имен, так как «христианизация якутов, эвенков, эвенов и юкагиров завершилась в 20-х годах XIX в. Это подтверждается и наблюдениями Ф. П. Врангеля и Н. С. Щукина, посетивших Якутию в 20–30-х годах XIX в. В своих сочинениях они писали о завершении крещения ее населения» [Шишигин, 1991: 72]. Обращение исконных имен саха можно связать и с указом Екатерины II от 29 апреля 1769 г., запрещающим писать «*новокрещеных ясаиных прежними иноверческими именами*» [Указ, 1769].

Переход исконных личных имен саха в разряд прозвищ отчасти связан с более глобальным процессом – со становлением русской антропонимической системы: «... Принятие греческих имен в качестве личных и изменение русских имен в прозвища были обусловлены закономерностями русского исторического процесса, а не волею отдельных лиц» [Чичагов, 1957: 77, 80]. Тем не менее прозвищный характер исконных ЛИС выводит к гумилевскому утверждению, что раннетюркские антропонимы представляли собой «не канонизированные имена, а описательные, меняющиеся в связи с возрастом и общественным положением человека. Это скорее *прозвища*» [Гумилев, 1967: 82–83].

Прозвищу как ономастическому термину во многих тюркских языках последовательно уделяется должное внимание. Например, у татар *кушамат* (прозвище) имеет несколько синонимов (*тагылма* – придаточное имя, *уртэм* – дразнилка, *ялган исем* – ложное имя, *урам аты* – уличное имя, *мыскыл* – оскорбление, унижение, *усал исем* – злое имя) [Гасимова, 2006: 8], у башкир также – *кушамат* [Раемгужина, 2009: 36], у алтайцев – *шола* – «имя, прозвание; имя подставное, употребляемое теми лицами, которым нельзя произносить настоящего имени» [САиАНТЯ, 1884: 440], *чоло ад(ы)* [РАС, 1963: 595], у хакасов – *ады-солазы* – прозвище [ХРС, 1953: 34], у чуваш – *кушамат* – фамилия, прозвище [ЭСЧЯ, 1996: 376], у карачай-балкарцев – *чам ат* – прозвище [РКБС, 1965: 493].

В диалектной лексике языка саха сохранился эндемический термин *эгэ аат*, *эгэ аата*, что означает ‘его настоящее имя, его прозвище’: *эрим (тойонум, абам, эһэм) эгэ аатын эпэппин* ‘мужа (свекра, отца, деда) я (невестка) не называю настоящим его именем’ [Пекарский, 1959, I: 224; ДСЯЯ, 1976: 318]. Данный термин подтверждает сакральность имени человека у народа саха. Поэтому, скорее всего, условие, при котором можно не называть настоящее имя саха, стало одним из факторов перехода на христианские имена.

В нашем случае необходимо определить и обозначить границы использования терминов *личные имена саха* и *прозвища саха*. Так, целесообразнее к прозвищам саха относить те, обладателей (с официальным именем) которых можно установить по тем или иным фактам (документы, ссылки на источник, контекст и т. п.). К прозвищам саха также относятся современные личные прозвища, используемые в быту, которые можно установить путем проведения личного опроса (анкетирования), и прозвища, упомянутые в качестве собственно прозвища в научной, художественной литературе, в печатных и электронных СМИ.

На материале лексикографических источников можно выделить следующие разряды личных имен в языке саха:

1. **Имя собственное** – *анал аат* [ТСЯЯ, 2004: 199, 463]; собственное имя – *аат* [ТСЯЯ, 2004: 192].

2. **Дохристианское имя якутов; имя, даваемое помимо христианских имен**, – *саха сүрэхтэниэн иннинээби аата; саха тылынан бэрлэлэр сүрэхтээх аатын таһынан аат* [ТСЯЯ, 2004: 199].

3. **Православное имя** (после принятия христианства) – *сүрэхтэммит аата* (крещеное имя) [Слепцов, 1964: 61] (как вариант: *сүрэхтээх аат (аата)* [Слепцов, 1990: 199]); *сүрэхтээх аата* [ТСЯЯ, 2004: 199].

4. **Прозвище** – *хос аат* ‘прозвище человека’ [РЯС, 1968: 25, 228, 498], ‘прозвище (обычно с отрицательным, иногда ругательным оттенком)’ [ТСЯЯ, 2004: 200]; *тантал аат (аата)* ‘прозвище, данное родителями, близкими (часто с положительным оттенком), обычно используемое в кругу семьи’ [БТСЯЯ, 2013: 24, 199; 230].

5. **Кличка** – *аат* ‘имя’; *ыт аата* ‘кличка собаки’, *сүөһү аата* ‘кличка домашних животных’ [РЯС, 1968: 24, 25, 192].

6. **Псевдоним** – *суруйар аат, бэйэ ылыммыт суруйар аата* [РЯС, 1968: 513; СТСТ, 2015: 463].

Термин *хос аат* буквально означает ‘вторичное (второе; повторное) имя’, который, скорее, соответствует общепринятому ономастическому термину *прозвище*, а не «второму (двойному) имени» [Подольская, 1978: 52]. Этот термин дополняется составным термином *ыыс аат* ‘бранное прозвище’, ‘бранное имя’ или ‘ругательное имя’ от *ыыс тыл* ‘грубая ругань, брань’ [ЯРС, 1972: 534; ТСЯЯ, 2004: 200]. Исходя из того, что прозвище считается неофициальным именем, на наш взгляд, корректно перевести якутский *ыыс аат* на **прозвищепейоратив** (*пейоративный* – уничижительный, депрециативный, детериоративный, неодобрительный – от англ. *pejorative, deteriorative* – обладающий отрицательной экспрессивно-эмоционально-оценочной

коннотацией [Ахманова, 1969: 315]), где терминологическое значение опорного компонента распространяется на все словосочетание: родовое терминологическое поле – *aam*, а видовые различия – *хос* и *ыыс*, являются «конкретно-предметными терминами» [Оконешников, 2004: 133], определяющими специфику прозвищ саха. Тонкую грань между этими терминами можно выявить только при семантическом анализе прозвищ. В прозвищах-пейоративах с меньшей или с большей долей унижения, оскорбления в эмоционально-экспрессивной окраске обозначается называемый (обладатель прозвища). Важны мотивация, оценка и отношение придумавшего, употребляющего прозвище-пейоратив. В большинстве случаев прозвища ‘*хос аамтар*, *ыыс аамтар*’ относятся к образным словам (глаголам). Прозвища-пейоративы, как и собственно прозвища, хоть и являются своего рода маркерами уникальности языка саха, характеризуются своеобразным замкнутым ареалом использования, например, в кругу коллектива, двора, улицы, поселка, трудноподдающимися лингвистическим исследованиям (анкетированию, оценке материала, социальной, этнографической характеристике территории сбора материала и т. п.). Их корни, «образные слова, имеющие яркий негативный эмоционально-оценочный заряд, всегда вызывали ответные реакции. Люди стыдились своих “кричащих”, “улюлюкающих” прозвищ и оскорблялись пущенным по их адресу “картинным” словом» [Слепцов, 1990: 146]. Такие прозвища с изменением социальных условий, с развитием новых условий развития языка (например, билингвизм, переход на другой язык общения) утрачивают былую активность, которая также связана с процессом исчезновения языка (глобализация атрибутов культуры, урбанизация, более высокий статус преобладающего языка в быту среди городского населения и т. д.).

Таким образом, к *хос аамтар* ‘прозвищам’ относятся современные лично-индивидуальные прозвища. Прозвища саха тяготеют к разряду *ыыс аамтар* ‘прозвища-пейоративы’, имеющие негативную (отрицательную) эмоционально-экспрессивную окраску, смысл. Для выявления и систематизации функционально-стилистических, структурно-семантических особенностей прозвищ саха исследователь, как и придумавший прозвище, должен обладать незаурядным образным, ассоциативным мышлением, воспитываться в окружении среды, образов, ситуаций, их порождающих, быть ярким носителем языка саха.

Глава 2

СТРУКТУРНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНЫХ ИМЕН САХА

2.1. Способы образования личных имен саха

В исследовании словообразования ЛИС мы исходим из определения, что словообразование «... это не просто акт словотворчества, а часть общего целенаправленного языкового процесса созидания, обусловленного внутренними потребностями как самого человека, так и языка. (...) Словообразование является одним из средств языковой концептуализации картины мира» [Вендина, 2002: 44, 46]. Концептуализация мира представляет собой процесс освоения и постижения его, т. е. происходит окультуривание окружающей природы. Сам процесс акта номинации есть осмысленная субъективная оценка, где мотивация является ее основанием (оценка вкуса, цвета, роста, объема и т. д.). Сознание с помощью знаковых средств отражает реальность, вычленяет, акцентирует на более значимые признаки и свойства предмета, которые ему необходимы в жизни. Таким образом, словообразующие морфемы (аффиксы) дают возможность интерпретировать действительность, раскрыть сущность самого носителя имени.

Словообразующие аффиксы

Изучение словообразования личных имен саха тесно связано с изучением именного словообразования языка саха [Антонов, 1971; Слепцов, 1990; Иванова, 2011; и др.]. При этом учитывается, что ЛИС являются «лишь особым семантическим разрядом существительных» и могут «только иметь отдельные уменьшительные формы» [ГСЯЛЯ, 1982: 109]. В одном из первых специальных исследований словообразования ЭИ «обнаружено более 30 имяобразующих аффиксов: *-тай (-дай), -ыйа, -к, -кы, -каан, -лдьын (-балдьын, -балдьын), -л, -лы, -лык, -лыын, -лба, -йба, -ын, -на, -лаан (-даан), -ыма (-ыман), -а, -аайы, -ааны, -ла, -ра, -рыын, -ча, -чах, -хсын, -с, -гар* и т. д» [Филиппова, 2016: 90]. Последние исследования отмечают в образова-

нии ЛИС «аффиксальный и способом словосложения (словообразовательный), а также с помощью имяобразующих компонентов» [Монастырёв, 2016: 16–24]. Также, отмечая то, что словообразование ЛИС отличается от словообразования имен, перечисляются следующие типы аффиксов: уменьшительно-ласкательные (-*каан*, -*чаан*, -*лыыр*); аффиксы, образующие ЛИС монгольского типа (-*бай*, -*тай*); словообразование имен, содержащихся в преданиях, легендах (-*й*, -*ааны*, -*кээн*, -*ча*, -*а/о*, -*ба*, -*н*, -*ар*, -*тай*, -*ыыр*); аффиксы современных ЛИС (-*н/-ан/-ын*, -*аан/-таан*, -*с*, -*ман*, -*л*, -*хан*, -*ам/-дам*, -*ыыр*, -*гэй*, -*ыын*, -*лаан*, -*тал*, -*чээн*; жен.: -*а*, -*тэй*, -*шинэ*, -*айа/-йа*, -*аан*, -*ма*, -*да*) [Морполуогуйа, 2009: 21–23]. В различных исследованиях определяется, что «производные личные имена образуют относительное меньшинство в древнетюркской антропонимии, ... способ имятворчества (морфологический) был недостаточно продуктивным» [Алиев, 1989: 109]. Данные факты дают нам возможность более скрупулезно подходить к анализу аффиксов ЛИС, поскольку «... различного рода морфологические показатели, свойственные только онима́м, представляют для исследователя надежный материал, свидетельствующий о формально выраженной специфике ономастики» [Суперанская и др., 2009: 173], т. е. специфике системы личных имен саха.

Анализ антропонимов саха выявил антропоформанты – словообразовательные аффиксы, характеризующие специфические черты ЛИС. Так как «аффикс моносемантичен, ... количество грамматических показателей соответствует количеству грамматических значений» [Щербак, 1977: 21], мы сделали попытку выделить основные антропонимические аффиксы и обозначить их основные функционально-семантические характеристики. Аффиксы расположены в алфавитном порядке.

По функционально-семантическим характеристикам нами выделены следующие аффиксы, с помощью которых образуются ЛИС:

-чаан; **-каан:** муж. *Арылыкаан*, *Атаскаан*, *Бээчээн*, *Ордукаан*, *Омукчаан*, *Сатакаан*, *Саһылыкаан*, *Иникээн*, *Кыымчаан*, *Хаарчачан*, *Эрэлкээн*, *Чэмэлкээн*; жен. *Этирикээн*, *Сарыкчаана*. Личные имена саха с диминутивной формой выявляются и в фольклорных материалах, и в ясачных документах. Их особенное положение среди эмоционально-экспрессивных аффиксов, распространенность и использование отметила Е. И. Убрятова: «... при большом числе уменьшительно-ласкательных аффиксов поражает полное отсутствие увеличительных» [Убрятова, 1950: 275]. Аффиксы **-каан** (**-кээн**, **-коон**, **-көөн**), **-чаан** (**-чээн**, **-чоон**, **-чөөн**) считаются заимствованными из тунгусских языков – эвенкийского и эвенского [ГСЯЛЯ, 1982: 112].

Более широкое употребление имеют в северных говорах языка саха (особенно в северо-западных) уменьшительно-ласкательные и уничижительные аффиксы. В литературном языке употребляются редко [Воронкин, 1999: 134]. Аффикс **-чаан** преимущественно присоединяется к именам существительным, а **-каан**, в первую очередь, к именам прилагательным: *Модьукаан* – от прилаг. *модьу* ‘крепкий, сильный’, ‘единственный сын *Оноҕой баайа*, имевший 9 сыновей; сын Игидэя’, *Мөддүкээн* (*Батас, Бөтөс*) *Мөддүкээн*, он же *Өһүк Мөддүкээн* и *Сарын Мөддүкээн* ‘отец родоначальников *Үрүҥ Бас Болтоҕо, Кытааннах Баллы* и *Алчаҕар Ньымньэх*’; *Ньууччакаан*=*Нууччакаан* – от сущ. *нуучча* ‘русский’; *Обонньорукаан* – от сущ. *обонньор* ‘старик, старец’; *Саһылыкаан* – от сущ. *саһыл* ‘лиса’; *Хоччордуур Куохачаан* – вероятно, от обр. глаг. *куохай*; жен. – *Этирикээн эмээхсин* ‘старуха, у которой от худобы видны ребра’, прилаг. *этирик* ‘дугообразный железный скобель, которым смягчают кожу’, *Сынтакаан* ‘курносый’ и т. д. Несмотря на кажущуюся сходность по значению, исследователи отмечают, что они в современном языке саха используются как отдельные аффиксы [Дьячковская, 1993: 111]. Тожественный якутскому **-чаан** уменьшительно-ласкательный оттенок аффикса в эвенкийском языке **-чан (-чэн, -чон)** чаще выражает пренебрежение [Романова и др., 1975: 158]. Есть мнение, что аффиксы **-каан, -чаан** «почти не выражают эмоциональной оценки уменьшительности, ласкательности или пренебрежительности, а выполняют в основном словообразовательную функцию» [Иванов, 2014: 18]. С этим можно согласиться, скорее всего, в части нарицательной диалектной лексики, заимствованной из тунгусо-маньчжурских языков в язык саха (*котокоон/хотокоон, хабыйахаан/кабыйакаан, табысхаан* и т. д.) в виде непрямой основы. Заимствованные из эвенкийского языка аффиксы **-каан, -чаан** придают ЛИС своеобразный оттенок: ласкательность – *Тымтыкыйаан* ‘лучинушка’; уменьшительность – *Эрбэхчээн* ‘маленький большой палец’; восхищение – *Саһылыкаан* ‘лисичка’; в некоторых случаях безобидное высмеивание его качественных признаков: внешности (маленький рост, симпатичность, некрасивость и т. п.), характера (умный, недалекий и т. п.) – *Мөкөчөөн* ‘кругляшок’, *Обонньорукаан* ‘старичок’.

Вероятно, схожий по семантике аффикс в образовании имен существительных используется в п. монг. языке: **-хан (-ken)** – *öndörken* ‘высоенький’ от *öndör* ‘высокий’, *улауахан* ‘красенький’ от *улауан* ‘красный’ [Поппе, 1937: 107], а также в антропонимах: бур. *Шархан* ‘желтый’ [Митрошкина, 1976: 56]. Бурятские аффиксы *-хан (-хон, -хэн), -хаан/-хоон* передают эмоционально-субъективное отношение

к предметам или лицам и животным, образуя имена существительные и прилагательные со значением уменьшительности и ласкательности: *Баахан* – *баа* ‘маленький’, *Баяхан/Баяхаан* – *баян* ‘богатый’, *Улаахан* – *улаан* ‘красный’ [Митрошкина, 1987: 129, 130].

-џан, -хан: *Айарџан, Айылџан, Байаџан, Намаџан, Номоџон* ‘Приятный; Толковый’, *Чаџылџан* ‘Молния’. Можно провести параллель с идентичным по звучанию аффиксом в тюркских языках: казах. *Косылган* ‘добавленный’, *Табылган* ‘найденный’ [Жаненова, 1994: 80]; **-хан, -хон:** *Арылхан, Дьоройхон, Толухсан*. Судя по семантике имен, аффикс придает имени законченность, выделяя какое-либо определенное качество человека.

-чык (-чик, -чүк): муж., ласкат. *Өбүчүк* ‘маленький мужской детородный орган’, *Ньэлбичик* ‘с маленьким припухлым лицом’. Особенности морфологических средств выражения экспрессивности, относящиеся к современным заимствованным ЛИС, были рассмотрены Е. И. Убрятовой: «... В числе аффиксов, отмечаемых обычно в грамматиках по языку саха, а также еще не отмеченных, можно встретить почти все общетюркские уменьшительно-ласкательные аффиксы. Например: **-чык:** а) в личных именах: *Аанчык от Аана, Өлөөнчүк от Өлөөнө, Уйбаанчык от Уйбаан, Сэмэнчик от Сэмэн* и т. п. (...) Аффикс **-чык** при именах же собственных его можно встретить очень часто, причем полная или усеченная основа собственного имени имеет конечное **-н**» [Убрятова, 1950: 266–276]. В тюркских языках также наблюдается образование личных имен с помощью уменьшительных аффиксов: др.-тюрк. *Огулчик* ‘сыннок’, *Сунгурчик* ‘птенец птицы шингар’ [Алиев, 1989: 110]; тув. *Далганчык* от ‘мука’, *Сүгежик* ‘топорик’ [Сувандии, 2004: 10].

-ка, -кө, -кэ, -нкэ, -(у)ку: *Көнөккө* – от прилаг. *көнө* ‘непритворный, бесхитростный, простодушный, правдивый; простой, прямой’, *Лээһэнкэ* – от образ. глаг. *лээһэй* ‘иметь заметно увеличенный живот при широкой и невысокой фигуре’; *Сыгынай уола Ытыкка, Көрсүөкэ* – от прилаг. *көрсүө* ‘смирный, тихий, спокойный’; *Ньайака, Натыкка Балааџырап, Ньһырыкы* – от обр. глаг. *ньһырый* ‘с трудом тащиться, волочиться’; *Онолуку* – от обр. глаг. *онолуй* ‘выть, завывать, подвывать’; *Ыыстыыйкы* – от сущ. *ыыс тыл* ‘грубая ругань, брань’; жен. *Сиччиикэ* – от ласкат. сущ. *сиччий*, *Уоруку-Суоруку* ‘имя шаманки’ и т. д. Данный аффикс присоединяется к двусложным основам, придает усилительный оттенок исходной семантики имени. Также в данной группе отмечается усилительный аффикс **-ык(ка)**, используемый в обьякученных русских именах: *Бүөтүккэ* от *Бүөтүр* ‘Петр’, *Сүүэдэр-*

кэ от *Сүөдэр* ‘Федор’ [Убрятова, 1950: 267]. В разговорной речи якутского языка данный аффикс используется наиболее продуктивно преимущественно в современных женских именах, например: *Ньукку*, *Ньургу* от *Ньургуяана*, *Куннэйкэ* от *Куннэй*, *Туйаарка* от *Туйаара* и т. д. Ср.: хакас. *Апсалка*, *Мукулка*, *Мылтиска*, *Түптиске*, *Кучурка* [ХРС, 1953: 348–356]; тув. *Кестиккай* ‘ножик’ [Сувандии, 2004: 10].

-ча, -чча, -чэ, (-чой): муж. *Сиэнчэ* – от сущ. *сиэн* ‘внучок’, *Хабарча* *Мөгдөһөйөөн*; *Быһыахча* – от глаг. *быс* ‘резать’, *Алаачча* – вероятно, от прилаг. *алаа* ‘косоглазый’; *Даҕанча*, *Дагданча* – от обр. глаг. *дагдай* ‘казаться, выглядеть крупным, объемным, увеличиться в размерах’; *Дарынча*, *Тумарча* – от сущ. *тумара* ‘болотистое место в тайге, поросшее кустарником, марь’; *Орбоочой Тэлэһиийэн* – от обр. глаг. *орбой* ‘выставлять, вытягивать свои мясистые губы’; жен. *Долгунча* – от сущ. *долгун* ‘волна’; *Мутукча* – от сущ. *мутук* ‘сук, ветка’ и т. д. Аффикс *-ча* чаще всего можно встретить в заимствованных мужских именах: *Мэхээчэ* от ‘Михась’, *Уйбаача* от ‘Ивашка’. В этом случае его можно было бы сопоставить с эвенкийским аффиксом мужских имен *-ча*. Однако изредка этот уменьшительно-ласкательный аффикс можно встретить и при именах нарицательных: *көлүччэ* ‘озерцо’, *быһычча* ‘ножик, ножичек’. Чаще при именах нарицательных этот аффикс выступает в форме *-чай*: *кыһылчай* ‘красненький’, *оҕонньорчай* ‘старичок’. «Это заставляет предположить, что это какой-то пережиточно сохранившийся тюркский уменьшительно-ласкательный аффикс, отмечаемый в некоторых других тюркских языках» [Убрятова, 1950: 270]. Также аффикс *-чай* «образует частицу со значением возбужденного, игривого, радостного отношения говорящего. Принадлежит к просторечию и детскому языку» [Петров, 1978: 134]. Уменьшительность *-ча* придает антропониму оттенок уподобления или сравнения предметов по признаку величины [ГСЯЛЯ, 1982: 149], что вполне соответствует значениям антропонимов с таким аффиксом. В современном языке саха в сокращенных женских именах также вычленяется уменьшительно-ласкательный аффикс *-ча*: *Саргычча* от *Саргы*. В некоторых тюркских языках данный аффикс тоже является формантом ЛИ в различных значениях: др.-тюрк. *Карача/Гарача* ‘очень черный’ [Алиев, 1989: 111]; хакас. муж. *Сухтанча* ‘проказник’, *Уранча* – от *уран* ‘боевой клич’, *Тыгынча* ‘древнетюркский князь’, *Төргинче* – от *төргин* ‘поездка к родителям жены’.

-лэй (-ллой): *Бизхэлэй*, *Соболлой*. Специфичный антропонимический аффикс, выделяющий (усиливающий) какое-либо характерное качество, черты человека, например в его внешности. Чаще мож-

но выделить в образных ЛИС. Ср.: бур., монг. **-лай, -лой, -лэй**: бур. *Нагаслай* – *нагаса* ‘дядя по матери’, *Танхалай* – *танха* ‘чугунный кувшин’, *Монхолой* – *монхо(гор)* ‘с горбинкой (о носе)’; монг. *Батлай* – *бат* ‘крепкий, прочный’, *Бэллэй* – *бэх* ‘крепкий, прочный’ [Ламожапова, 2008: 47]. Данный аффикс часто употребляется в заимствованных антропонимах с ласкательным оттенком, например, *Сааскыллай* (от Саша).

-дай (-дэй), -тай (-той, -тэй): *Аргыдай, Баргыдай* – вероятно, от сущ. *баргый* ‘издавать лающие звуки низкого тона’, *Боротой, Далантай* – вероятно, от *далай* ‘с силой взмахивать руками или чем-либо находящимся в руках’; *Дьаргыстай, Кулантай* – от сущ. *кулан* ‘жеребенок’, *Дабырдай*, жен. *Дьэргэстэй* – от обр. глаг. *дьэргэй* ‘очень подвижная, светливая, непоседа’, *Топпо Дымардай, Үс түүлээх бүтэй бүрүү ытыстаах Манган Түһэхтэй* букв. ‘С трехслойной волосатой закрытой ладонью Белое Колено’ и т. д. В эту группу можно отнести удлиненный вариант **-гай**: *Чарастай*. Значение данного аффикса различно. Во-первых, имеет уменьшительно-ласкательное значение: *сэгэр=сэгэртэй, кыталык=кыталыктай* [Филиппова, 2016: 40]. Во-вторых, аффикс **-тай (-дай)**, образующий имена (прилагательные, существительные), является просто омонимичным явлением, преимущественно используется в образовании антропонимов и топонимов [Дьячковский, 1993: 121]. В-третьих, имеет сравнивающее значение с апеллятивом: «*Күннэй* – как солнце, *Тимирдэй* – как железо. ... Во многих тюркских языках имеется аффикс: *-дай*= *-тай*, выражающий подобие. Этот аффикс восходит к аффиксу сравнительного падежа, который в одних тюркских языках представляет собою живую падежную форму, в других – падежную форму, употребляемую только в отношении какой-нибудь одной группы слов, в-третьих – словообразовательный аффикс прилагательных и наречий» [Убрятова, 1950: 268–269]. В подкреплении этой мысли существуют следующие заметки: «В подобных именах кажется оправданным видеть сравнительное значение аффикса *-тай*: *Хахадай, Күннэй*. Ср. имя *Айдай* ‘луноподобная’ в киргизском языке» [Васильев, 1986: 33]; сходство аффикса-последелога *-тиг/-дыг/-диг* со значением прилагательного «подобный тому-то», «такой как тот», в значении наречия «как то-то», «вроде того» в шорском языке с ойротским аффиксом-последелогом сравнения *-дый*: *кардый* ‘подобный снегу’, ‘как снег’, *айдый* ‘подобный месяцу’, ‘как месяц’ [Дыренкова, 1941: 67].

По Ст. Калужинскому, этот аффикс заимствован из монгольского, при помощи которого обычно образуются личные имена [Kaluzynski, 1961: 97]. В языке саха было выявлено около 300 единиц топонимов

с конечным элементом *-дай/-тай* (*Амыдай алаас, Бағаадай Үрүйэтэ, Оломтой, Аадай Лүнкэтэ, Мугудай и т. д.*) [Иванов, 2001: 139]. Данный аффикс считается монголизмом: «аффикс *-дай/-тай* в бурятском языке образует преимущественно имена, обозначающие одушевленные предметы, и употребляется в названиях лиц с уменьшительно-ласкательным значением, а также в фольклорных ЛИ» [Иванов, 2001: 140].

Г. Дёрфер считает, что аффикс (суффикс) *-tai* (или *-dai*) встречается только в монгольском языке, в типах имен, состоящих из названия племени и данного аффикса [Дёрфер, 1986: 91], например, монг., бур. **-дай, -дой, -дуй**: бур. *Ангадай – анга(гар) аман* ‘разинутый рот’, *Бушуудай* ‘быстрый, проворный, юркий’, *Булгадай* – от *булган* ‘соболь’. В монгольских языках присоединяется к основам существительных, прилагательных с различными семантическими наполнениями: монг. *Бордой* ‘невзрачный’, *Луудай* – луу ‘дракон’, *Хонгордой* – *хонгор* ‘буланный, светло-желтый (о масти)’, ‘простодушный, бесхитростный’ [Ламожопова, 2008: 45]. В п. монг.: **-tai (-tei)**: *axatai* ‘имеющий старшего брата’, *gertei* ‘имеющий юрту’ [Поппе, 1937: 112]. В тюркских антропонимах аналогичный аффикс тоже присутствует: алт. *Күрендей* ‘коричневатый’; хакас. *Хулатай, Чибетей, Чилдей* ‘имя хозяина ветра’, *Чилбеетей* ‘мифический персонаж подземного мира’, *Чигетей* ‘имя фольклорного героя’; тув. *Бичелдей* ‘маленький’, *Чарындай* ‘лопатка’; башк. *Каратай* ‘сильный, могучий, грозный’, где **-тай** – аффикс наличия.

Материалы ЛИС дают основание склониться к предположению якутского лингвиста Ю. И. Васильева о сравнительном значении данного аффикса, заменяющего послелого *как, словно, будто* (як. *курдук*): *Күннэй* ‘как солнце’, *Кулантай* ‘резвый как жеребец’, как сравнительный показатель величины, обладания (и их наличие) определенными выдающимися качествами.

-дьыт, -ньыт, -сыт, -һит, -һыт, -һүт, -чүт, -чыт: *Айанныыт Билээбин* – от сущ. *айан* ‘путь; путник’; *Булчут Бөтөгүн* – от сущ. *булт* ‘охота; охотник’; *Маньыһыт Чапчаалан* – от глаг. *манаа* ‘охранять; охранник; дозор’; *Хайахсыт Нялбяхин* – от сущ. *хайах* ‘человек, который занимается приготовлением хаяка, мастер-изготовитель хаяка’; *Көмөрөһүт Тахаянов* – от сущ. *көмөр* ‘уголь; угольщик’; *Эрдэһит* – от нареч. *эрдэ* ‘рано; встающий рано’, *Бэсчит* ‘занимающийся заготовкой заболони’ и др. Аффикс *-һыт* по семантике восходит к пратюркскому *-сй*, который обозначает деятеля. Морфологически он осложнен *-т*, а это окончание множественного числа, например, *кыргыттар, хотуттар, эрэттэр* [СИГТЯ, 2002: 668]. С помощью

данной группы аффиксов образуются производные имена, обозначающие лицо или деятеля, для которого данный предмет (понятие) представляет объект его занятия или профессию, либо составляет его особую склонность, мастерство, сноровку, пристрастие и т. п. [ГСЯЛЯ, 1982: 111]. Аффиксу *-һыт* и его производным по семантике тождественны тюркские аффиксы, которые также образуют антропонимы, обозначающие имя того, кто осуществляет определенное действие, например: др.-тюрк. *-чы, -чи, -чу, -чу*: *Јагичи* ‘захватчик’, *Балтачы* ‘дровосек’ [Алиев, 1989: 110]; *-чы, -ча, -жы*: тув. *Алдынчы* ‘рабочий золотых приисков’, *Чылгычы* ‘табунщик’, *Анчы* ‘охотник’, *Адыгжы* ‘стрелок’; хак. *Көбiрчi Тайчы* ‘угольщик-принц’, *Мырча* ‘певец’; *Номчы* – из монг. ‘книжник, грамотный’; алт. *Адучи* ‘табунщик’, *Малчы* ‘чабан’, *Аргачы* ‘предприниматель’; башк. *-сы, -се*: *Брымсы* ‘знахарь’, *Көмөшсө* ‘серебряных дел мастер’; тат. *-чы, -че*: *Балыкчы* ‘рыбак’, *Уракчы* ‘жница’; кирг. *Карачы* ‘земледелец, пахарь’, *Олбңгчү* ‘собирающая траву’.

Семантика аффикса *-һыт* в некоторых случаях расширяется, выражая и внешний облик человека: *Маадыакаһыт* ‘передвигающий кривые ноги’, обстоятельство рождения: алт. *Эртечи* ‘ранний’, наклонности, страсти; як. *Умнаһыт Тебирин* ‘просящий милостыню’; башк. *Боласы* ‘смутьян’; тат. *Алдакчы* ‘обманщик’.

-ааччы, -ээччи: жен. *Эбирээччи*. Образует некоторое количество существительных, представляющих собой название (имя) действующего лица [ГСЯЛЯ, 1982: 118]. По семантике похож на аффикс *-һыт*, тем самым используется для обозначения деятельности, присущей носителю имени. В п. монг. есть аффикс *-чи (-чин)*, обозначающий профессию: *етчи* ‘лекарь’, *хоничи* ‘овчар’ [Поппе, 1937: 106].

-мны (-мнү): *Бүрүмнү* ‘защитник’, *Булумдү* ‘находка’, *Ахсынны* ‘декабрьский’. Мы находим семантическое соответствие в монгольском аффиксе *-мды (-мды)*, который встречается и в языке саха как вариант формы *хормнү* ‘убыток’, *булумнү* ‘незаконнорожденный ребенок’. Данные аффиксы обозначают качество человека, время, события, связанные с рождением человека. В п. монг. похожий аффикс *-мжи* обозначает абстрактное понятие действия: *seremji* ‘бдительность, осторожность’ [Поппе, 1937: 100], т. е. образует отглагольное имя существительное.

-ыы, -уу: *Бактырыы (шаман)*, жен. *Ньургуу* ‘лучшая’. Присоединяется преимущественно к глагольным основам с конечным согласным. Образует существительные, представляющие собою название и иногда результат действия [ГСЯЛЯ, 1982: 117]. Личные имена

сахы с такими аффиксами встречаются крайне редко в фольклорных текстах, а также в художественной литературе.

-ааһын, -ээһин: *Кэрчээһин, Сагдааһын*. Данный аффикс образует от глаголов имена, близкие по значению к предыдущим. В якутском языке считается заимствованным элементом из монгольского языка [ГСЯЛЯ, 1982: 118]. Аффикс *-сун* в якутских топонимах выступает как топонимообразующий: *Намыыһын, Одьоохун* [Иванов, 2001: 149, 151]. Вероятно, исходит от п. монг. *-сун* (*-һын, -һун, -һүн*), образующего названия предметов, состоящих из однородных частиц, которые выполняют собирательную функцию. В нашем случае, аффикс указывает на цельность природы, проявляющейся в его действиях.

-был, -бил: *Акабыл, Эрэбил* 'Надежный'. Приставляется к основам с конечной долгой гласной или *й*-. Образует имена, обозначающие имя действия. Этому аффиксу соответствует форма *-бул, -бу* (монг. *харабул*; др.-тюрк. *харабу* 'караул, охрана'; як. *харабыл*) [ГСЯЛЯ, 1982: 119, 120]. Встречается главным образом в названиях разных военных и феодальных должностей, восходит к среднемонгольской форме *-аул*. Считается, что является следствием «распространения монгольской военной организации и администрации. Подобного рода формы в якутском языке приобрели долгие гласные или дифтонги» [Калужинский, 1961: 14–15].

-к (-ик), -уук: муж. *Аайдык, Хаандык, Эрилик, Эрэлик, Добойук* 'ходить легко пружинистым шагом на цыпочках', *Хотойук* 'орленок'; жен. *Тоттук* 'пресытившаяся', *Лаппыйык, Тутуук, Доллук* и т. д. Малопродуктивный, присоединяется в большинстве случаев к глагольным основам на *-й* (*лаппый, эрилий*) [ГСЯЛЯ, 1982: 166]. В тюркских языках «аффикс *-уq/-ik, -q/-k* считается образующим результат действия, например, *bič-k* 'книга', уйг. *jata-q* 'зарплата', тур. *qar-u(q)* 'ворота» [Баскаков, 1981: 85]. Прилагательные с аффиксом *-ыык* обозначают склонность к какому-нибудь действию, к чему-нибудь, что обозначается производящей основой. Данный аффикс имеет уменьшительно-ласкательный оттенок.

-кта: *Мукукта* 'с согнутыми, подгибающимися ногами', жен. *Сиибиктэ* 'хвощ пестрый', *Мутукча* 'хвоя лиственницы'. Данный аффикс является заимствованием из тунгусо-маньчжурских языков. Относительно способа словообразования заимствований И. Н. Новгородов отмечает, что «... слова, состоящие из корня и аффикса в эвенкийском языке, в якутском языке становятся в большинстве своем неразложимыми и воспринимаются в виде непроизводных основ. Например, аффикс *-кта*: як. *мутукча* 'хвоя (еловая, лиственничная,

сосновая)»; эвенк. *мучуктэ* ‘хвоя лиственницы’, ‘почки (на дереве)’, ‘шишка (еловая, кедровая)’, эвенк. ‘зеленеть (лиственнице)’. (...) Данные эвенкизмы якутского языка являются вкраплениями и обнаруживаются в различных тематических группах, связанных с освоением пространства, окультуриванием ландшафтных реалий, например, типы растительности: як. *чагда* ‘сосняк’, эвенк. *дыагда* ‘сосна’, як. *болбукта* ‘кустарный кедр’, эвенк. *болгикта* и др.» [Новгородов, 2009: 19, 24].

-лаах: *Абааһылаах* ‘с чертовщинкой’, *Абырахтаах* ‘с заплатами’, *Мобойдоох* ‘со змеей’, *Кынаттаах* ‘как будто с крыльями’ и т. д. Данный антропонимический аффикс несет в себе два свойства: 1) образует имена прилагательные со значением свойства или признака; 2) образует имена прилагательные со значением обладания [Харитонов, 1943: 134; ГСЯЛЯ, 1982: 163]. Также аффикс *-лаах* может быть и показателем экспрессивности, выражающим восхищение: *хаарыаннаах доборум* ‘несравненный мой друг’, *ымыылаах чыычаабыам* ‘несравненная снегирка моя’ [Николаева, 2014: 60].

-аар, -нир, -уур, -үүр: *Айхаар, Дайдаар, Суустуур* ‘подтрунивающий, насмехающийся’, *Тайбыыр* ‘размахивать руками при ходьбе»; жен. *Хааньяар эмээхсин* ‘наклоненная набок’, *Ноонуур, Дьалкыыр* ‘ведущий беспорядочный образ жизни»; **-тыыр:** жен. *Ааныстыыр* от ‘Ааныс=Анна’, *Быйанныыр* ‘изобилующий, богатый’, *Ньуунналыыр, Эрдэлиир* ‘рано встающий’, *Күлүмнүүр* ‘блестящий, сверкающий, вспыхивающий; яркий’. У Л. Н. Харитонова аффикс *-аар* был отмечен как омертвелый и малопроизводительный аффикс глагола действия-состояния [Харитонов, 1954: 238]. Аффикс *-лыыр* употребляется «при именах существительных, именах собственных и именах нарицательных: *Омобойдуур оюнньор, Элиэнэлиир эбэкэйбит*» [Убрятова, 1950: 271]. Отмечается, что в монгольском языке эта форма первоначально имела вид *-бур* [ГСЯЛЯ, 1982: 124]. Данная группа аффиксов обозначает и усиливает действие, свойство, качество человека. Сюда можно включить аффиксы, которые можно найти преимущественно в ЛИ персонажей фольклорных текстов, в художественных произведениях. **-ныыр:** *Быйанныыр*; **-нүүр:** *Күлүмнүүр*; **-ыыра, -уура:** жен. *Ачалыыра*, жен. *Суһумнуура*.

-быт, -бит, -бүт: *Сөллөөбүт* ‘с длинным лицом, с отвислой губой’, *Тиэтэйбит* ‘всегда спешащий’. Аффикс причастия присоединяется после глагольных основ, оканчивающихся на гласные, дифтонги и *-р, -л* [ГСЯЛЯ, 1982: 230]. Причастие на *-быт* определяет образ действия, совершенный когда-либо. Таким образом, вероятно, личное имя связано с каким-то ярким событием или действием носителя имени.

-х: муж. *Бөчөх* ‘шаровидный, круглый; как копна’, *Онньунах* ‘с выдающейся вперед узкой нижней челюстью’, *Ньямных* ‘с растянувшимися, опустившимися по углам губами’. Аффикс, образующий имена существительные, глаголы от именных основ, глаголов, выделяет какой-либо характерный признак внешности. Функционально *-х* имеет разнообразные свойства, с помощью которых образуются различные части речи: *сэрэй+х* ‘предполагать’, *сынпаа+х* ‘тупеть’, *уллун+х* ‘подошва’, *бөбө+х* ‘сильный’ [Антонов, 1952: 6].

-(аа)х: *Нараах* ‘маленького роста, слабый, с большим животом’, *Дэлгээх* ‘свободный;двигающийся свободно; вразвалку’, *Ньукуйаах* ‘съежившийся’, *Ньолоох* ‘с длинным, вытянутым лицом’, *Чоноох* ‘с задранной головой’; жен. *Тэбээх* ‘быстро ходящая’. Аффикс *-(аа)х* присоединяется к основам, оканчивающимся на долгий гласный: *абыйаа – абыйах*, *элбээ – элбэх*, *кытараа – кытарах* [ГСЯЛЯ, 1982: 166], а также к основам с конечным *-й*: *нарай- – нараах*, *дэлгэй- – дэлгээх*, *чоной- – чоноох* и т. д. Данный аффикс образует преимущественно антропони-мы, выделяя характерный признак человека (походку, фигуру и т. д.).

-аан, -ээн, -уун: *Алжаан* ‘благословенный’, *Быйамаан* ‘щедрый’, *Далайаан* ‘ходит, сильно размахивая руками’, *Элэйээн* ‘с изношенной одеждой’, *Сэгэйээн* ‘ходит слегка приподнимаясь, раскачиваясь; быстрый, расторопный’, *Бакайаан* ‘ходит нетвердой походкой, делая частые короткие шаги’, *Кылбаан* ‘сияющий’, *Чончуун* ‘бесхитростный’, *Олгуйаан* ‘с фигурой как котел’ и т. д. У Н. И. Филипповой аффиксы *-аан/-лаан/-наан* отмечены как «возникшие в результате действия на основе (*-лаа+н*), образовываясь, в основном, от звукоподражательных и образных слов (ЭИ: *Битык Нуруллаан хатын*, *Муус Буюдьулаан оюнньор* и т. д.)» [Филиппова, 2016: 38]. Н. М. Иванов со ссылкой на Ст. Калужинского определяет, что «*-аан* – древнемонг. аффикс *-уан, -ен*: *Мандабан, Мандаанг, Мандан, Мандаан, Чаалабан, Чалаан, Намылдаан, Намылдьян, Морхоон* (*морхо* ‘носатый’+*-оон*). Образованные от глагольных основ монгольского происхождения, имеют отвлеченные значения качества или признака» [Иванов, 2001: 130, 132]. К данной группе аффиксов относятся также *-даан, -дээн; -лаан, -лээн; -таан, -тоон, -маан*: *Байытаан* ‘богатый’, *Самабайаан*, *Сыра-лаан* ‘энергичный’, *Аарсылаан*, *Айталаан* ‘творящий’, *Айылгылаан* ‘творящий добро’, *Айыылаан* ‘добросердечный’, *Дьулуस्ताан* ‘стремящийся’, *Тимирдээн* ‘крепкий как железо’, *Тойтоон* ‘маленького и полного роста’, *Бычырдаан* ‘ходящий мелкими шажками’, *Хойутаан* ‘опоздавший; поздний’, *Хомустаан* ‘играющий на варгане’, *Омоллоон* ‘слегка приоткрытым маленьким ртом, сложенным в трубочку

губами; говорящий’, *Дьоройхоон* ‘статный, высокий; сублильный’. Данная группа аффиксов репрезентирует в ЛИС действие, внешний облик, движение и качество человека. Ср.: хакас., жен. *Сугдураан* ‘ветреная, легкомысленная’; бур. (уменьш.-ласкат. аффикс); монг. **-даан, -дуун, -дуун**; калм. **-дан, -дон**: *Ангардаан – Ангар* ‘название реки’, муж., жен. *Мухардаан – мухар* ‘куцый’, ст.-п. монг. *тогир* ‘неуклюжий’; калм. *Товрдан* ‘пылинка’ [Ламожапова, 2008: 45], **-аан, -оон, -өөн, -ээн, -уун, -үүн**: *Морхоон – морхо(гор)* ‘с горбинкой (о носе) (як. *морхобор*), *Шантаан – шанта(гар)* ‘курносый, вздернутый’ (як. *сантабар*), *Тэрзээн – тэрээ(гэр)* ‘пузатый; с голым животом’ (як. *тэрэгэр*) [Митрошкина, 1987: 106].

-аѳас: муж. *Даадаѳас*. Малопродуктивный аффикс. Образует имена прилагательные, обозначающие признак, мыслимый как результат действия, также обозначает качество, свойственное преимущественно людям. В данном случае семантику имени можно предположить так: 1) образовано от обр. глаг. *даадай* ‘двигаться неповоротливо, неуклюже’+аѳас=*даадаѳас*; 2) от диалектного названия *буучээн* ‘кабарга’.

-с, -ис, -ыс, -ус: *Ньымарыс, Молукус* – от образ. глаг. *молой* ‘быть, казаться гладким, полным, выпуклым, продолговатым (о лице)’; *Дьалтыс* – от обр. глаг. *дьалтай* ‘широко раскрываться, раздуваться (о рте, ноздрях)’; *Ньалтыс* – от обр. глаг. *ньалтай* ‘широкое и плоское лицо со сплюснутым носом, тяжелыми веками’; *Аппайыс* – от обр. глаг. *аппай* ‘с широко разинутым ртом’ и т. д. Чаще аффикс **-с** присоединяется к сокращенному личному имени, и, возможно, поэтому предшествующий ему гласный получает долготу: *Ньукуус* от *Ньукулай* ‘Николай’, *Кэтириис* от *Кэтиринэ* ‘Екатерина’, *Баһылаас* от *Баһылай* ‘Василий’. Но возможно также и то, что долготы в ЛИ с этим аффиксом вызвана тем, что здесь имеются сложные аффиксы **-ыыс** и **-аас** [Убрятова, 1950: 269]. Аффикс **-с** довольно продуктивный, образует имена прилагательные от звукоподражательных и некоторых образных глаголов. От основ звукоподражательных глаголов образуются качественные имена прилагательные, характеризующие различные оттенки звуков: *бааѳынас, биллиргэс, дааѳынас*... [Харитонов, 1954: 166]. Выражает мгновенность возникновения или появления образа (т. е. начальный момент восприятия). ЛИС с этим аффиксом репрезентируют быстрореагирующего человека на те или иные явления, события, его движения. Данная группа аффиксов используется в образовании дохристианских имен, в заимствованных именах в разговорной речи, в художественных произведениях. Ср.: **-ис, -ус**: калм. *Идрис* ‘возмужа-

лый, в расцвете сил’, *Морхус* – морх(һр) ‘горбатый (о носе); монг. *Хохос* – *хохи(гор)* ‘что-либо искривленное и продолговатое’; монг. *Наймас* – *найман*, *Пахас* – *паха(гар)* ‘коренастый’ [Ламожапова, 2008: 46, 49]. Также сюда можно отнести аффиксы **-уус**, **-ыыс**: муж. *Чочукуус*, *Добойуус*, *Дьонуус*, *Эрэлиис*. Посредством аффикса **-с** образуются прилагательные от некоторых глаголов действия и состояния [ГСЯЛЯ, 1982: 166]. Ср.: **-аас**, **-оос**: бур. *Халхаас* – *халха(гар)* ‘широкий, мешковатый (о носе)’ [Ламожапова, 2008: 46].

-ба: *Айаарба* ‘петь; горланить; реветь’, *Кытарба* ‘красный, красноватый’, *Олорбо*, вероятно, от обр. глаг. *олоорунгаа* ‘недоуменно оглядываться, вытягивая шею’, *Чынаарба* ‘ходящий с выставленной вперед грудью, со вскинутой на затылок головой’, *Элэйибэ* ‘изношенный; старый’, *Кындамба* ‘ходящий с гордо поднятой головой’, *Суудалбы* ‘высокий, крупный, внушительного вида’ (аффикс **-бы** – антропонимическая форма **-ба**). Непродуктивный аффикс, образующий имена прилагательные от глаголов и образных глаголов, в современных ЛИС не используется. Ср.: бур. **-б**, **-ба**, **-бу**: *Борбо* – *боро* ‘смуглый (о цвете лица)’, *Хүүгэлбэ* – *хүүгэл(хэ)* ‘родить ребенка’, охр. и. *Бутаба* – *бута* ‘кочка’ [Ламожапова, 2008: 58].

-бэх: жен. *Сэгэйбэх* ‘быстрая, расторопная, проворная’. Непродуктивный и омертвелый аффикс. Приставлялся, по-видимому, преимущественно к глагольным основам. Служил для образования имен, обозначающих орудие или результат действия (*тарбах* ‘палец’, *көпнөх* ‘всплывший мох, сор на поверхности воды’). Некоторые из подобных слов имеют значение прилагательного: *саарбах* ‘сомнительный’, *көтүмэх* ‘небрежный’ и пр. [ГСЯЛЯ, 1982: 123]. Аффикс **-бэх** обозначает психологические особенности, которые отражаются в движениях человека.

-та (**-да**, **-до**, **-то**), **-тта**, **-тто**: муж. *Балыда*, *Боһуута*, *Уйбаата*, *Чуорда*, *Сабарта*, *Баабырда*, *Бочууда*, *Быйамайда*, *Абаџатта*, *Сомџотто*, жен. *Чолоодо*, *Абакайаада*, *Айыыда*, *Айыыта*. Считается, что в данных антропонимах присутствует аффикс **-та** бурятского языка, образующий имена прилагательные, выражающие обладание чем-либо, содержание чего-либо и т. п., имена существительные, обозначающие имя обладателя признака, топонимы (*Көнчүэтэ*, *Намта Алааһа*, *Салбахта* и пр.) [Иванов, 2001: 151]. Аффикс **-тта** имеет, скорее всего, семантику цельности натуры, уважаемого человека, усиливает признаки, присущие носителю имени (*Абаџатта*, *Сомџотто*). В бур. и монг. яз. **-та** – редуцированная форма **-тай**: бур. *Борто* – *боро* ‘серый (о масти)’, *Сойто* – *сой* ‘наст, гололедица’ [Ламожапова, 2008: 49].

-лдьын, -лдьыйа: *Ыамалдьын* ‘слабенький, жиденский’, *Туоралдьын* ‘широкий’, жен. *Суоһалдьыйа* ‘жаркая, горячая; внушающая страх’. В фольклоре чаще всего данным аффиксом образуются имена шаманов и удаганок, женских богинь изйэхсит (*Нэлэмэйдьын*, *Ытык Ылбаалдьын удаган*). Отмечается, что ЛИС с такими аффиксами в быту широко не употреблялись [Филиппова, 2016: 37]. Аффикс, предположительно, образован от *-лдьый* – аффикса однократности образных глаголов. Он может присоединяться почти к любой двусложной основе образного глагола, что соответствует семантике приведенных примеров [Харитонов, 1954: 252]. Образование современных ЛИС с помощью данного аффикса не отмечено.

-һа, -(уу)һа: *Доборууһа* ‘очень близкий друг’, *Дыгыһа* ‘ходящий легко и быстро переступая ногами’, *Огдолуһа* ‘с коротким туловищем с приподнятыми плечами’, *Чабылыһа* ‘сверкающий; яркий’, *Дойдууһа* ‘местная’. Добавляется к сложному аффиксу *-уус (-аас)*, репрезентирующему длительность движения, определенный оттенок субъективной оценки. Ср.: бур. **-са, -со, -сэ:** *Мэргэсэ – мэргэ(н)* ‘меткий стрелок, мудрый’, *Молосо* [Ламожапова, 2008: 59, 60].

-а, -э, -ы: *Эбэрэ, Этэйэ* ‘с выдающимся вперед широким животом и грудью’ (ср. *өтөй* ‘выдаваться вперед грудью’), *Эрбийэ* ‘малорослый’, *Элэмэ, Эйээрэ* ‘с заливающимся сильным голосом’, *Айыла*; жен. *Аабыйа* ‘хилая, с врожденным дефектом; уродливая’ (ср. *аамыйа*), *Айаала, Кыыма* ‘искорка’, хозяйка’, *Күндээрэ* ‘сверкающая, блестящая’, *Күөгэйэ* ‘тихо и плавно передвигающаяся, кокетливо наклонившись в сторону, с величавой осанкой’, *Сабыйа, Күбэйэ, Намылы* ‘ласковая, с кротким нравом’ и т. д. Основой данных аффиксов является аффикс *-а*, который считается непродуктивным, образующим имена прилагательные (*көнө* ‘прямой, ровный’, *ыкса* ‘близкий, тесный’) [ГСЯЛЯ, 1982: 167].

-(о)т, -(а)т, -оот, -аат: *Тоомот, Хордьот, Сулумаат* ‘мечущийся; суетливый’, *Айынаат, Удьумат, Чымыыт* (этимология не ясна). Представляется как аффикс собирательности, множественного числа в монгольском языке, который также сохранился и в якутских топонимах, например, *Модут, Чочумаат* [Иванов, 2001: 151]. Относится к омертвелым аффиксам, обозначающим конкретный предмет, объект [Антонов, 1967: 68]. Ср.: бур. *-д* – аффикс множественности: *Бүхэд – бүхэ* ‘крепкий, борец’, *Шонтод – шонто(гор)* ‘остролицый (о человеке)’, *Тэнишүүд – тэнишүү* ‘придурковатый’; монг. *Олзод – олз(он)* ‘находка, добыча’ [Ламожапова, 2008: 44–45]. В личных именах данная группа аффиксов выделяет какие-либо качества человека, определяющие его основные черты характера.

-тыны: муж. *Абааһытыны*. Аффикс образования имени прилагательного с модальным оттенком. В разговорной речи выражает «оценку пренебрежения наряду с интенсивностью» [Николаева, 2014: 60]. В языке саха существует частица *собус*, которая, сочетаясь с прилагательным, почти совпадает по значению со словообразующим аффиксом *-тыны*, выражая сравнительно слабую степень или неполноту признака предмета [ГСЯЛЯ, 1982: 433]. Аффикс *-тыны* как антропонимический формант придает сравнительную степень со значением ‘как будто’, ‘это не он, а другой’, что соответствует семантике апотропеических имен.

-ннаа (-нноо, -ннээ, -ннөө): *Бахчанньыр* ‘ходит с широко расставленными, раздвинутыми, слегка согнутыми ногами’, *Болчоннуур* ‘с опухшим, с одутловатым лицом’, *Болдьоннуур* ‘с неизящными выступающими щеками’; жен. *Хонньоннуур* ‘ходит с высоко поднятой головой, вытянувшись в струнку’ и т. д. Данная группа аффиксов образует группу дескриптивных имен-движений. Выражает повторяемость движений, «ритмические колебания, сотрясения при ходьбе или беге» [Харитонов, 1954: 247, 248], при этом промежутки между повторениями мыслятся как равномерные, а качество или характер явления остаются без изменения. Как антропоформант дает оттенок повторяющегося, но постоянного атрибута явления, действия. В современных ЛИС не наблюдается, так как относится к формантам ЛИС дохристианского времени, прозвищ.

-аайы: *Сулустаайы* ‘как звезда’, *Халлаайы*, *Халтаайы*, *Чаллаайы* – вероятно, от образ. глаг. *чаллай* ‘большеротый’ [Якутский фольклор, 1936: 302], *Харатаайы*, *Хатылаайы*; жен. *Тырымнаайы* ‘мерцающая, лучистая’. В некоторых исследованиях отмечается, что «возможно, сохранились следы показателей “уподобительного падежа”, в существовании которого в древнетюркских и некоторых современных тюркских языках был уверен А. М. Щербак» [Иванов, 2014: 87]. Следы этого древнего «уподобительного падежа», возможно, сохранились и в некоторых ЛИС: *Кытарбаайы* ‘краснолицый’ [Пекарский, 1959, II: 1443], *Ньырбаайы* *Боотур* ‘старинное мужское имя’, возможно, от *ньырба* ‘недоросший, жидкий, редкий (о шерсти, траве)’ [БТСЯЯ, 2010: 178; Пекарский, 1959, II: 1749], *Суордаайы* ‘подобно ворону’ [Пекарский, 1959, II: 2349], *Ытык Тимирдээйи бухатыыр* [Пекарский, 1959, III: 2673], где *Тимирдээйи* ‘как железо; железный’ [Пекарский, 1959, III: 2673], *Чангаайы бөбө* ‘как бронза’ [Пекарский, 1959, III: 3604], *Харатаайы* ‘почти черный’, *Хастаайы*, *Хатылаайы* [Пекарский, 1959, III: 3407], *Чараннаайы* ‘подобен березе; светлый

(?) [Справочник..., 2014]; жен. *Кыымнаайы* ‘подобна искре’, *Намнаайы*, *Уранаайы* ‘как мастер’, *Хабанаайы* и т. д. А. М. Щербак отметил, что «в некоторых тюркских языках, включая древние, аффикс *-лајјин* (*-лају*, *-лај*) употребляется довольно регулярно, и серьезных препятствий для отнесения образуемой им формы к падежной, по существу, нет» [Щербак, 1977: 58]. Аффикс *-лајјин* (*-лају*, *-лај*) выполняет своеобразную функцию в значении «подобно: *бөрлөјү* – подобно волкам; как: *күзүрчинлэј* – как голубь; по-: *балалај* – по-детски» [Щербак, 1977: 59]. Примерно такую функцию некоторых аффиксов указывает и О. Н. Бетлингк: «*лы*, *ли*, *лу*, *лү*, *ты* и т. д., *ны* и т. д. образует творительный падеж: *kici-li* ‘по-человечески’, *ölör-dü* ‘до смерти’ (напр., перепугаться), *ол аттарды* ‘как те кони’» [Бетлингк, 1990: 281]. В местных говорах языка саха встречается употребление словообразовательного аффикса *-аайы*: *кураайы* ‘засушливый’, *хаамаайы* ‘бедняк, нищий, бродяга, скиталец’, *тотоойу* ‘сытный’, *үүнээйи* ‘растение’, *унаайы* ‘эпилептик’, *хотоойу* ‘смелый, решительный, волевой’ и т. д. [Иванов, 2014: 88], который в современном якутском языке известен как имяобразующий аффикс, например, *халдьаайы* ‘южный склон косогора, горы’, диал. *кырдаайы* ‘мошка’, диал. *кыымаайы* ‘мошка’, *туотаайы* ‘поганка серощекая (утка)’, *эркээйи* ‘метка, вежа (при дороге); зарубка, засечка (на дереве)’, *чыыбаайы* ‘отава’, *ньыраайык* ‘побег, росток’. Наряду с личными именами, в якутских топонимах тоже присутствуют названия с аффиксом *-аайы*: *Баптааайы Кэбээйи*, *Элгээйи*, *Чымынаайы*, *Халамнаайы*, *Кылаайы*, *Хадаайы*, *Күөрээйи*. Следы древнего уподобительного падежа являются свидетельством сохранения принципа имянаращения, который условно можно назвать «сравнительным (или уподобительным) принципом». Такой принцип указывает на физические и внешние особенности, черты характера, наиболее яркие свойства личности имяносителя. Как правило, такие антропонимы выполняют идентифицирующую функцию с эмоционально-экспрессивной окраской, что характерно для дохристианских ЛИС. В современных ЛИС такой аффикс не встречается.

-гор, гыр, -бар, -бор: *Хапчыгыр* ‘с втянутым животом; поджарый’, *Аскабар*, вероятно, от обр. глаг. *асхарый* ‘пыхтеть, потеть от чрезмерного ожирения’, *Алчабар* ‘раскоряка’, *Балтаһыт Балтабар* ‘имеющий крупное, широкое снизу тело или лицо’, *Тортобор Омордоон*, вероятно, от *тордохус* ‘с очень короткими зубами или усами, которые топорчатся’, *Томтобор Чыычаахан* ‘крупный, выдающийся’, *Өкчөгөр Тыкыйаахан* ‘высокий, худощавый человек со впалой грудью’ и т. д. Отмечается как довольно рано заимствованный из монгольского

языка аффикс *-yar* для образования прилагательных от образных глаголов [СИГТЯ, 2002: 669]. Продуктивный, присоединяется к глагольным основам на *-й*. Характеризует или описывает внешний признак предмета и соответствует бурятскому аффиксу *-zar* (*-ээр*, *-зор*), также передающему образное описание внешнего вида человека [ГСЯЛЯ, 1982: 164]. Насчитывается около 300 имен прилагательных от глагольных основ с аффиксом *-бар* [Kaluzinski, 1961: 79]. Высказывание монголооведа В. И. Рассадина «эти прилагательные характеризуют предмет также с внешней стороны, но с упором на выделение какой-либо одной характерной черты предмета либо существа, которая сразу бросается в глаза и отличает его от других подобных по остальным признакам предметов и существ» [Рассадин, 1980: 71] соответствует семантике данной группы аффиксов. Ср.: п. монг.: аффикс, обозначающий качество результата действия: **-yar (-ger):** *xabtaуar* ‘плоский’, *sertegeг* ‘взъерошенный’ [Поппе, 1937: 103].

-ман, -мэн: *Күндүмэн* ‘любимый, милый, дорогой’, *Быйман* ‘щедрый; богатый’, *Кэрэмэн* ‘прекрасный’, *Талыман* ‘лучший’, *Толомон* ‘самый крупный; отборный’, *Сыралыман* ‘согревающий’, *Тураман* ‘крепко стоящий на ногах’, *Тэлэмэн* ‘с широко распахнутой душой, открытый’, *Толлуман* ‘бесстрашный’ [Морполуогуйа, 2009: 22], *Баччайман* [Пекарский, 1959, I: 415] и т. д. В некоторых тюркских языках аффикс *-ман/-мен* не имеет самостоятельного лексического значения и употребляется только в составе личных имен: казах. *Ерман* ‘ер – мужчина’, *Кулман* ‘кул – раб’, *Байман* ‘бай – богатый’ [Жаненова, 1994: 78]. С помощью данного аффикса образуются преимущественно новые ЛИС, вероятно, исходящие из ЭИ: *Толомон*, *Сыралыман*.

-ллан: муж. *Айхаллан* ‘будь славным’, *Махталлан* букв. ‘будь благодарным’. Аффикс возвратного глагола *-н (-ын)* приставляется к основам с конечным долгим гласным или дифтонгом, придавая слову страдательное значение: *айхал+лаа+н*. Судя по собранным материалам, используется только в новообразованиях.

Непродуктивные аффиксы. Существует трудность в проведении границы между терминами «малопродуктивный», «непродуктивный» и «омертвелый» [ГСЯЛЯ, 1982: 123]. К непродуктивным относятся аффиксы, которые «более не образуют новые слова и формы» [Ахманова, 1969: 265]. Но, как показывает антропонимический материал, современный именник редко, но все же пополняется новыми именами, которые образуются с помощью непродуктивных или омертвелых аффиксов. Принимая во внимание наиболее применяемый термин *непродуктивные аффиксы* и следуя характеристике основных

непродуктивных форм существительных, прилагательных в грамматике [ГСЯЛЯ, 1982: 123, 166], выявлены следующие непродуктивные словообразовательные аффиксы, которые мы склонны определить как **эмоционально-экспрессивные аффиксы ЛИС**, описывающие наиболее характерные черты характера, внешности человека:

-ар: муж. *Хахайар*. Аффикс отыменного глагола, выражающий различные процессы и состояния в настоящем времени [ГСЯЛЯ, 1982: 220]. В тюркских и монгольских языках используется как один из формантов антропонимов, например, в казах. **-р, -ар:** *Жанар* ‘гореть’, *Осер* ‘вырастит’, *Басар* ‘превзойдет’ [Жаненова, 1994: 80]; в бур. **-р:** *Гүсэр – гүсэ* ‘небольшой чайник’; в монг. *Загар – загал* ‘серый (о масти)’ [Ламожапова, 2008: 48].

-ан: *Тобунан, Тулуһан*. Данный аффикс, скорее всего, является сугобо антропонимическим.

Антропонимы с аффиксом **-ылын, -үлүн** (*Күндүлүн*, жен. *Нырылын*) внешне схожи с аффиксом страдательного глагола. Скорее всего, данный формант предпочтительно считать собственно антропонимическим. К данному аффиксу примыкают **-ин (-ын, -н, -ан):** муж. *Бэйбэнгин, Кутайын, Абажан, Айталын, Баардан, Бахсын*. Их семантика очень близка к аффиксу **-ын**, который прибавляется к частицам *бажаһын, бэрдин, сүүрүн* в качестве эмоционально-усилительного аффикса [Петров, 1978: 59]. Возможно, антропонимической вариацией **-ын, -ин** являются **-инн, -бын, -ээн:** *Айталыын, Албакыын, Багдарыын, Махталыын, Сүргэлиин, Эрдиин, Чаллыын, Эрдэлээн, Эрдиин, Эристиин*.

-тан: муж. *Айтан, Алгыстан*. Данный аффикс используется преимущественно в образовании новых ЛИС.

-на, -нэ, -но, -нө: *Бөлтөнгө, Болтоно, Сэлэнгэ, Айынга; -ма, -мэ, -ми:* *Ырдыама* ‘скалиться’, *Дьэргэмэ, Иэримэ*, жен. *Байыыма, Долгурума* ‘ходящая плавно, словно колыхаясь’, *Туйма, Илгэми; -м (-ма):* бур. *Халсама – халсан* ‘лысый’ [Ламожапова, 2008: 53]. Вероятно, данную группу аффиксов можно отнести к п. монг. аффиксу **-та (-те)**, обозначающему способность или возможность совершить действие: *elgüte* ‘такой, который можно повесить’ [Поппе, 1937: 104]; **-ла, -лэ:** муж. *Барчыла, Ускала, Мардыалла, Ыгдаала, Дайдаала*, жен. *Бускүүлэ. -на, -нэ, -ни:* жен. *Дьырибинэ, Дьыриминэ, Дьырыбына, Кыттана, Кэрэмэнэ, Онокуна. -уйа, -ийэ, -ыйа* (с уменьшительной семантикой, ср.: *күөл/көлүйэ, ыаҕас/ыаҕайа):* *Омуоруйа*, жен. *Алыкыйа, Түһийэ, Эгдэлийэ; -о:* *Томойо; -лла:* *Айылла, Аргылла, Чабылла, Чоргулла*, жен. *Сарыалла; -и:* *Эрили, Эрэли, Эркээйи; -ы, -лы:* *Айталы, Харалы*, жен. *Хаттылы, Арылы, Кыталы; -ны:* *Хаханы*, жен. *Тыаһааны, Аяааны; -ха,*

-ху, -хы, -хо: *Нойоху, Мойоху, Нороху, Топпооху, Найахы, Мойтохо, Сатаха, Лабынха*. Бур. **-ха, -хо, -хэ:** *Баянха – баян ‘богатый’, Тобишохо – тобишо ‘пуговица’, Эридхэ – эрид ‘решительный, крутой’* [Ламожжапова, 2008: 50]; **-кы:** *Ныһырыкы, Онодуку, Ыыстыыйкы, Чубуруку, Андыкы*. Вероятно, п. монг. аффикс **-ki**, обозначающий принадлежность тому или нахождения в том: *endeki ‘здесь’, degēreki ‘находящийся наверху’* [Поппе, 1937: 110]; **-гы, -ги:** муж. *Айылгы, Быйалгы, Быралгы, Идэлги*; **-ры:** *Дайдары, Куйаары*, жен. *Сайсары*. Усиливает обозначаемый оттенок; ср.: *түктэри, хааньары, ыксары*; **-ра:** *Баатара*, жен. *Айаара, Асхаара, Тумара*. Бур. **-ри:** *Бадри – бадри(гар) ‘крепкий, мускулистый’, Жирхэри – жиргэ ‘бурундук’* [Ламожжапова, 2008: 59]; **-й, -ай, -ый, -най:** муж. *Кыымнай, Уранай, Ураанай, Хатынай*; жен. *Арылй, Далбарай*; **-ллай:** *Айыллай*. Ср.: бур., монг.: **-най, -ной, -нэй:** бур. *Ахайнай – ахай ‘старший брат’, Бишаанай – от бишайхан ‘маленький’, Дүүнэй – дүү ‘младший’*; монг. *Харнай – хар ‘черный, смуглый’, Тогтоной – тогтох ‘остаться (жить)’* [Ламожжапова, 2008: 48]. В бурятском языке аффиксы *-ай, -ой* образуют мужские имена от глагольных, именных и (реже) изобразительных слов: *Абарай – абар ‘защищать’, Мордой – мордо(гор) ‘большой, крупный (о носе)’, Халзай – халзан ‘лысый’, Урбай – урба(гар) ‘вывернутый’* [Митрошкина, 1987: 104, 105]; **-лџа:** *Хамалџа, Намылџа*. Вероятно, от п. монг.: отглагольные аффиксы **-үяп (-gēn)**, обозначающие качество, вызванное действием: *xibilyān ‘перерожденец’, šitügēn ‘предмет поклонения’* [Поппе, 1937: 95]; **-л, -гал, -дал, -даал:** *Ачыастал, Байхал, Аргыдал, Дайдаал*. Аффикс **-л** образует имена прилагательные со значением результата действия: *набыл, суһал, күскэл, суодал*. Ср.: **-л:** бур. *Бэрхэл – диал. бэрхэ ‘способный’, Мухал – муха ‘милый, милая (при обращении)’*, *Шарал – шара ‘желтый’*; монг. *Мэнгэл – мэнгэ ‘родинка, родимое пятно’*; калм. *Сарал – сар ‘луна, месяц’* [Ламожжапова, 2008: 46]. Также у Н. Н. Поппе аффиксы **-л, -дал** определены как аффиксы отглагольных имен существительных, обозначающих абстрактные понятия действия: *urusxal ‘течение’ от urusxa ‘заставить течь, лить’, žiryal ‘наслаждение’ от žiryal- ‘наслаждаться’, bjdл ‘быт, бытие, жизнь’ от bǰ- ‘быть’* в п. монг. языках [Поппе 1937: 99, 100]; **-ааны, -эни:** *Халтааны, Эркээни*, жен. *Тыаһааны, Суоһааны* (псевдоним); **-аанай:** *Сардаанай, Тураанай*. **-мал:** *Түһүмэл ойуун ‘прорицатель’* [Щербак, 1997: 14]. По Ст. Калужинскому, аффикс **-мал** присутствует только в словах, заимствованных из монгольского языка: *саамал, Түһүмэл ойуун, хадьымал* [Иванов, 2001: 144, 145]. В тувинском языке существует похожий словообразовательный аффикс **-мал, -ымал:** *Чорумал ‘путник’, Ха-*

лымал 'легкомысленный' [Сувандии, 2004: 42]. В бур., монг. аффиксами **-мал**, **-бал**, **-мол** от глаголов образуются прилагательные: бур. *Боһомол* – *боһо* 'неистово лаять, бросаться, кидаться (о собаке)', *Боромол* – *боро* 'серый'; монг. **-мэл**: *Нүдмэл* – *нүд(эн)* 'глаз, глаза' [Ламожанова, 2008: 47]. Также в п. монг. аффикс **-mal (-mel)** обозначает качество, приобретенное в результате действия: *Žirumal* 'разрисованный' [Поппе, 1937: 103]; **-хсын**: *Ньыкаа Харахсын (Харахчын)*. В п. монг. похожий аффикс **-үсін (-gčīn)** используется для обозначения существ женского пола: *xarayčīn* 'черная', *erijēgčīn* 'пестрая' [Поппе, 1937: 112]. Ср.: бур. **-гша**, **-гшан**: *Урбагша* – *урба(гар)* 'вывернутый (о веках)'; *Даабашан* – *дааба* (*даба* – хлопчатобумажная ткань) [Ламожанова, 2008: 44] и т. д.

Также мы выделили **форманты, обозначающие женский род: -а** и ее производные: **-ыана**, **-аана**, **-ууна**, **-нинэ**, **-ыына**: жен. *Аммылана*, *Илгэлиинэ*, *Тобойдууна*, *Айдыына*, *Дойдууна*, *Дьоройхооно*, *Бичиктээнэ*, *Айыына*, *Абыраана*, *Аартыктаана*, *Арылыкаана*, но муж. *Дансаана* (шаман); **-айа**: жен. *Уранаайа*. Данный аффикс начал с недавних пор использоваться в новых (искусственных) именах саха, например, *Дойдууна*.

Большинство ЛИС рассмотренных аффиксов представляют собой различные оттенки образных и звукоподражательных слов. Отмеченные аффиксальные элементы в том или ином своем виде находятся «и в тюркских, и в монгольских языках. Они и здесь представляют собой преимущественно омертвелые образования. При этом более близкими к якутским формам часто оказываются формы монгольские» [Харитонов, 1954: 17, 18, 59]. Данное определение более всего относится к образным ЛИС. Основной исходный аффикс **-й** отмечается в большинстве образных ЛИС (*Баллай*, *Быллай*, *Бырдьай*, *Дьаргыый* и т. д.). Знаковость таких именных основ образных слов отмечает Л. А. Афанасьев: «Все они при помощи аффикса **-й** и других глагольных аффиксов становятся образными глаголами. (...)» [Афанасьев, 1990: 119–120]. Так как образный корневой элемент в них является обычно омертвелым, смысловое содержание производных образных слов (имен) в современном языке, как правило, воспринимается по значению слова в целом.

Попытка выявления семантики рассмотренных аффиксов позволяет представить следующие признаки мотивации, которые концептуализируют различные знания об окружающем мире:

1) признак, указывающий на внешние особенности носителя имени, в результате которого образуется цельный образ: **-ыыр (-уур)**; **-ааһын**; **-аан**; **-аҕас**; **-ба**, **-лба**; **-лдьын**; **-һа**, **-ууһа**; **-а**; **-т**; **-нһаа**; **-ҕар**; **-ман**, **-мэн**;

2) пространственный признак, идентифицирующий принадлежность имени к какой-либо территории: *-кта* как освоение северных территорий;

3) эмпирический признак, указывающий на профессию, опыт в жизни: *-һыт, -ааччы*;

4) признаки величины: уменьшительно-ласкательные *-каан, -чаан*; *-чык; -ка; -ча, -чой, -к (-ыык)*; увеличительные *-лай, -ллой*;

5) признаки результата действия или обстоятельства, ставшего мотивирующей основой для именованя: *-мньы; -был; -быт; -х, -(аа)х; -с, -ыыс; -бэх; -бан*;

6) апелляционный как признак сравнения: *-тай; -лаах; -та; -тыгы; -аайы*.

Непродуктивные ныне аффиксы, определенные нами как эмоционально-экспрессивные, имеют общий признак – оценочность, так как они выражают субъективные ценностные отношения, связанные с чувственно-мыслительным восприятием и осознанием человека окружающего его мира, предметов, объектов, в том числе и самого человека.

Как известно, в тюркских языках женские личные имена выявляются исходя из семантики текста или антропокомпонентов, присущих женским именам. В языке саха отмечаются словообразовательные аффиксы *-а, -на, -аана, -йаана, -лаана, -таана, -уура, -ыана*, которые являются «признаками дифференциации мужских и женских имен» [Монастырёв, 2016: 21]. Но есть мнение, что «... окончание женского рода (*Ньургустаана, Сардаана, Туйаара*) ... нельзя считать заимствованием аффиксов или грамматической формы из русского языка» [Петров и др., 1971: 112]. Мы можем отследить аффиксы родового различия в ЭИ: *Аан Ахталыйа* ‘женщина айыы’; ахталый ‘с важностью, лениво разваливаться, пребывать в неге’ [Емельянов, 1980: 339]; в дохристианском именнике: *Быгыайа, Бытыкаайка, Бакайаана, Лаглайа, Микэйэ, Муттуйа, Чоҕуйа* [Сафронов, 1985: 157 – 158]. Таким образом, аффиксальное обозначение женского рода в ЛИС имеет давние традиции, а не является полностью заимствованным из русского языка.

Антропокомпоненты

Словосложение является распространенным способом образования ЛИ в тюркских языках. Например, элементы сложных башкирских ЛИ обозначаются терминами *формант* и *компонент* (например, слово ‘ислам’ – компонент в *Исламбек*, ‘бикэ’ – компонент в *Айбикэ*, формант *-дин* в *Динбай, Динахмет* [Раемгужина, 2009: 18, 19], в татарских личных именах употребляется термин *антропоформант* для обозначения

ния антропонимического компонента, образованного от нарицательных имен, а элемент, употребляющийся в качестве самостоятельного антропонима либо выступающий в качестве детерминатива сложного имени, называет *антропокомпонентом* [Хазиева-Демирбаш, 2014: 96]. Таким образом, мы наблюдаем единство ономастической терминологии тюркской и общей ономастики, где антропоформант – аффиксальный элемент антропонима, а антропокомпонент – морфологически значимая единица, входящая в состав личного имени [Подольская, 1978: 37, 67].

Сложные ЛИС в своем составе имеют характерные антропокомпоненты.

Антропокомпонент *күо* ‘красивый с оттенком игривости’; ср.: *күо дьэллик кымныбы* ‘красивая непоседа-плеть’; ‘красавица, неженка’ (как приставка к именам сказочных героинь (в олонхо)) [Пекарский, 1959, I: 1220]; ‘красивый, прекрасный; красавица, краса’ [БТСЯ, 2007: 482]. «... частица *күо* является одним из наиболее древних архаизмов, утративших свое первоначальное значение» [Филиппова, 2016: 48]. Сочетания с *күо* по использованию в качестве компонента имени имеет сходства с сочетанием имя+*gül* (цветок, роза) в тюркских ЛИ Средней Азии, например, каракалп. *Alma-gül* ‘яблоневый цветок’, *Aj-gül* ‘лунный цветок, луноцвет’; туркм. *Baydagül* ‘роза в саду’, *Gülsat* ‘веселая роза’; казах. *Asemkül* ‘красивый цветок’ [Баскаков, 1978: 134, 135]. Есть версия, что этимология *күо* тождественна: монгольской приставке *го*: жен. *Гоа-Марал*, *Монголчжин-гоа*, *Алан-гоа* [Сокровенное сказание монголов, 1990: 12]; алтайскому *коо* в качестве компонентов эпических имен общетюрко-монгольских фольклорных текстов [Филиппова, 2016: 50]. В якутском материале *күо* использовалось не только в эпических, но и в древних ЛИС: *Сэмэй Күо* ‘Скромная Красавица’, ‘старшая, любимая дочь Омобой баайа’ [Боло, 1994: 28], *Ньуруллуи Күо*, *Күо Сынньалан* [Багдарыын Сүлбэ, 2015: 677–679]. Во многих исследованиях *күо* определяется как частица, но в работе Н. Е. Петрова «Частицы в якутском языке» [1978] она не упоминается. Тем не менее компонент *күо* активно используется в современных женских ЛИС: *Айкүо*, *Ай-Күо Айталы Күо*, *Айталы-Күо*, *Ай Күо*, *Айталы-күо*, иногда пишется на русский манер как *ко* – *Айко*. Таким образом, антропокомпонент *күо*, придающий имени эмоционально-экспрессивную окраску, имеет свои истоки в эпических текстах, преданиях и легендах как показатель имени эпических героинь-красавиц, как компонент мифологического имени.

Антропокомпонент *хаан* (в усеченной форме *хан*): *Арылхаан*, *Арылхан*, *Уйусхаан*, *Эр Хаан*, *Кылысхан*, *Эрхан*, *Тимирхан*, жен. *Ай-*

ысхаана и т. д. Хан определяют как «большой, великий, важный, почтенный, степенный, почтенье; в соединении с другими именами употребляется для выражения почтения как самый высший титул; часть имени былинных и сказочных героев и георинь, а также духов и сказочных животных» [Пекарский, 1959, III: 3295–3296]. Вероятно, восходит к древнему слову *кабан*, *хаан* ‘князь, царь’, которое, потеряв прямое значение, употреблялось как аффиксид при мифологических именах (*Харах хаан*, *Сүн хаан*, *Илбис хаан* и т. п.) или выступало как синоним слова *тойон* ‘господин (тойон-хаан, хотун-хаан)’. Как служебное слово, частица *хаан* «употребляется как усилительно-эмоциональное слово при именах существительных, когда необходимо подчеркнуть трудность или длительность того, что выражено именем существительным» [Петров, 1978: 223; Убрятова, 1950: 264]. В современных ЛИС компонент *хан* используется и в мужских, и в женских именах: в препозиции: *Хаан Этилик* ‘нелюбимая дочь Омоёй баайа’ [Боло, 1994: 27], *Хаан Дьаралык* ‘владыка, у которого служил отец Эллейя’ [ИПРЯ, 1960, 1: 342]. Присутствие данного компонента, возможно, восходит к общетюркским канонам: «Так, южнее Амударьи все имена с элементом *хан* считаются мужскими, а в долинах Узбекистана и Таджикистана он служил компонентом главным образом женского имени. (...) В Средней Азии он вошел в употребление после завоевания Мавераннахра караханидами в 999 г. н. э. В последующие века титул *хан* распространился в Иран, Афганистан и Индию. В этих странах он стал почетным украшением имен предводителей племен и крупных военачальников; компонент *хан* присоединялось к именам всех ближайших родственников главы племени и ... служил знаком уважения к предку» [Гафуров, 1987: 18, 34]. Предполагается, что антропокомпонент *хаан* является социальным показателем, который сохранился в якутских ЭИ, в именах якутского мифического пантеона, исторических персонажей преданий, а также иногда используется в современных ЛИС: *Эрхаан*, *Кылысхан*, *Уйусхан* и т. д.

К современным антропокомпонентам также относятся лексемы, которые употребляются в искусственных ЛИС: **сиэн**: *Айысиэн*, *Айыы-Сиэн*, *Айыы Сиэн*, *Күнсиэн*; **уол**, **уолан**: *Эруол*, *Ай Уол*, *Айыы Уолан*, *Алаас Уол* и т. п. Все эти имена являются новообразованиями, используемыми в качестве никнеймов в социальных сетях, литературных псевдонимов.

В дохристианских ЛИС также отмечаются следующие антропокомпоненты: **баай** ‘богач’: *Лөгөй Борофон баай*, *Боло Күүлэжэн баай* [Боло, 1994: 73, 81]; **хара** ‘черный (цвет); человек (эвф.)’: *Дайбаахы*

Хара [Боло, 1994: 27]; *даххан* от *дархан* ‘очень солидный, серьезный’: *Аан Даххан* ‘жена Омоҕой баайа’; *удаҕан* ‘удаганка; шаманка’: *Байыма удаҕан*; *ойуун* ‘шаман’: *Байым ойуун, Кээрэкээн ойуун* [Боло, 1994: 27, 116], *бөҕө* от *бөҕөс* ‘силач, участвующий в силовых, а отчасти и в воинских состязаниях’: *Эллэй Бөҕө* [Боло, 1994: 28], *Сүүлэ Бөҕө, Туу Бөҕө* [Боло 1994: 69]; *боотур/баатыр* ‘человек большой физической силы, обладающий также воинской выучкой, воин, витязь’: *Ураанай Боотур, Мүкэс Баатыр* [Боло, 1994: 69]; *тойон* ‘господин’: *Тыгын Тойон* [Боло, 1994: 42]; *оҕонньор* ‘старик’: *Көдөҕөй Оҕонньор, Бахсыгыр Оҕонньор баай* [Боло, 1994: 68]; *эмээхсин* ‘старуха’: *Муоҕан Эмээхсин, Куһаҕан Эмээхсин* [Боло, 1994: 68, 69]; *ул* ‘парень; сын’: *Оноохой Уол, Аба Уол Соххо* [Боло, 1994: 32, 81]; *хатын* ‘госпожа’: *Чынгыс Хатын* ‘жена Омоҕой Баайа’ [Боло, 1994: 26]; *уус* ‘мастер; кузнец’: *Чугуун Уус* [Боло, 1994: 72]; *бэргэн* ‘меткий стрелок’: *Чынааха Бэргэн* [Боло, 1994: 73]; *кыыс* ‘девушка; дочь’: *Аһар Кыыһа* [Боло, 1994: 122]. Выявленные антропокомпоненты ЛИС имеют общетюркские корни, сохраненные и (или) отчасти развитые на якутской основе, находятся в постпозитивной части (редко в препозиции: жен. *Куо Сынньалаҥ*) составного антропонима. Данные компоненты являются активными репрезентантами социального статуса человека в обществе: князь, богач, воин, шаман, уважаемый, старейшина и т. п.

Рассмотренный антропонимический материал позволяет выявить следующие структурные типы модели ЛИС:

1) **простые непроезводные (безаффиксные) антропонимы.** Тип **ИМЯсущ.0**, где ‘ИМЯ’ обозначает часть речи, 0 – безаффиксальную основу: *Батас, Кустук, Чолбон, Кэнчээри, Сардаана, Собо* и т. п. – апеллятивы, ставшие ЛИ и неподдающиеся дальнейшему морфологическому членению на основы и аффиксы;

2) **простые производные (аффиксальные) антропонимы.** Тип **ИМЯсущ.+афф.:** *Күннэйэ, Алгыстаан, Арчылан, Уруйдаан; ИМЯприлаг.+афф.:* *Кэлэбэй, Кытарбаайы*. Это антропонимы, образованные от нарицательных имен с различной семантикой, а также от глагольных основ с помощью антропонимического аффикса. Из типа ИМЯафф. можно выделить следующую специфическую модель: **ИМЯобр. глаг.:** *Ласпаҕар, Күкүһүйэ, Хаахтыя, Хонойоон* и т. п., которая в нынешнем виде активно используется в прозвищах, никнеймах, литературных псевдонимах.

3) **составные (сложные) производные антропонимы.** Якутские лингвисты выделяют активно функционирующие двусоставные антропонимы, образованные путем сложения двух основ, например, *Айсуо-*

Структурные типы сложных личных имен саха

№	Тип составного (сложного) производного антропонима	Пример
1	Сложные двухосновные имена, разделенные дефисом: ИМЯсущ.-ИМЯсущ.	<i>Ай-Тимир Байдам-Уолан</i>
2	Сложные двухосновные имена, соединенные в одно слово: ИМЯсущ. + глаг.	<i>Эрсан</i> [эр ‘мужчина; мужественный’] + [сан – санаалан’будь мужественным’]
3	Сложные двухосновные имена из якутского и русского основ: ИМЯсущ.як. + сущ.рус. ИМЯсущ.рус. + сущ.як.	<i>Айдамир</i> [ай ‘твори’, ‘творец’] + [дамир ~ ‘тимир – железный’] <i>Николай Уол</i> [Николай]+ [уол ‘юноша’] <i>Сахамир</i> [саха] + [мир]
Сложные производные составные имена, состоящие из двух и более основ (частей речи)		
4	ИМЯсущ.-ИМЯсущ.– (+ИМЯсущ.)	<i>Аан Өрүөчэй Аба Уол Соххо Алтан Төбө Кыыс</i>
5	ИМЯприлаг.(+ИМЯприлаг.)-ИМЯсущ.	<i>Куһаҕан эмээхсин Айаатыыр Бөбө Күүстээх Саалаах Күһэнэй Баатыр</i>
6	ИМЯчисл.-ИМЯприлаг. – ИМЯсущ.	<i>Үс түүлээх бүтэй бүрүө ытыстаах Манган Түһэхтэй</i>
7	ИМЯсущ.-ИМЯпритяж.сущ.-ИМЯприлаг.(+ИМЯприлаг.)-ИМЯсущ.	<i>Күн уота моонньохтоох Манган Эмчэй</i>
8	ИМЯсущ.-ИМЯпритяж.сущ.	<i>Айыы ойууна, Аһар Кыыһа</i>
9	ИМЯприлаг.-ИМЯприлаг.	<i>Бэрт Хара</i>
10	ИМЯсущ.-ИМЯприлаг.	<i>Лабынха Сүүрүк</i>

ла ‘путь айыы’, *Кункуо* ‘красивая как солнце’ [Монастырёв, 2016: 22]. Такие составные ЛИС являются новообразованиями, которые подразделяются на типы, представленные в табл. 1.

Анализ ЛИ исторических личностей по нарративным источникам показал [Боло, 1994], что из 519 ЛИ:

- 139 – тип ИМЯ (сущ., глаг.);
 322 – тип ИМЯ (сущ., глаг.) + ИМЯ (сущ., глаг.);
 46 – ИМЯ (сущ., глаг.) + ИМЯ (сущ., глаг.) + ИМЯ (сущ., глаг.);
 6 – ИМЯ (сущ., глаг.) + ИМЯ (сущ., глаг.) + ИМЯ (сущ., глаг.) + ИМЯ (сущ., глаг.);
 3 – ИМЯ (сущ., глаг.) + ИМЯ (сущ., глаг.) + ИМЯ (сущ., глаг.) + ИМЯ (сущ., глаг.) + ИМЯ (сущ., глаг.);
 2 – ИМЯ (сущ., глаг.) + ИМЯ (сущ., глаг.) + ИМЯ (сущ., глаг.) + ИМЯ (сущ., глаг.) + ИМЯ (сущ., глаг.);.....
 1 – ИМЯ (сущ., глаг.) + ИМЯ (сущ., глаг.) + ИМЯ (сущ., глаг.) + ИМЯ (сущ., глаг.) + ИМЯ (сущ., глаг.) + ИМЯ (сущ., глаг.) + ИМЯ (сущ., глаг.) + ИМЯ (сущ., глаг.).

Таким образом, около двух третьих ЛИ состоят из двух основ с разными или одинаковыми частями речи.

В Словаре Э. К. Пекарского (1887–1930 гг.) из 1804 ЛИС только 79 являются двусоставными, 4 – трехсоставными, 2 – четырехсоставными. Остальная масса имеет тип ИМЯ сущ.+фамилия, что обусловлено с уже установившейся официальной моделью именованья.

В дохристианских структурных типах ЛИС прилагательное обычно привлекается в субстантивированном значении. Количество таких прилагательных может доходить до шести-семи слов, как преемственность от ЭИ, в этом случае семантика имени будет представлять собой цельный образ носителя имени, характеризующий человека с разных сторон (внешность, характер, род деятельности и т. д.). Как показывают материалы, чем сложнее состав, тем древнее корни имени, ближе к мифическим и эпическим именам, фрагментарно запечатленных в преданиях и легендах, и чем проще, короче имя, тем более он склоняется к типу обычных, бытовых или прозвищных, или официально признанных имен. В антропонимической конструкции составных имен всегда есть одно слово-знаменатель, которое может находиться и в пост-, и в препозиции. Предположительно, в препозиции стоит слово-определитель: 1) характеризующее человеческие качества (внешность, характер, силу, красоту и т. д.); 2) имеющее эпические или мифологические корни, характеристики. В постпозиции слово-определитель в большинстве случаев является антропокомпонентом, репрезентирующим социальный статус носителя имени (богач, сын, воин, охотник и т. д.).

Таким образом, смысловая структура антропонимической конструкции выглядит так: *определяющее – определяемое, определяемое – определяющее, определяющее – определяемое*. Семантику со-

ставной части имени – аффиксов – можно охарактеризовать как разнообразную, представляющую долгий процесс освоения окружающего мира и изменение картины мира у народа саха, которую мы видим в следующем: 1) подавляющее большинство аффиксов в современной модели именования не используется, а применяется в другом разряде онимов – в прозвищах предпочтительно в образных прозвищах. И это является следствием изменения национальной составляющей якутов, связанной с социальной структурой общества; 2) акт номинации как акт словотворчества, образования личного имени претерпел трансформацию: субъективность номинации была отодвинута на задний план новой лингвокультурой – привнесенными формами новой трехчленной модели именования.

2.2. Диалектные признаки в личных именах саха

«Выполнение языковой единицей своего коммуникативного предназначения всегда связано со сложным соотношением его функции и значения» [Данилова, 2001: 22], т. е. соотношение функции и значения, а также формы, по сути, является «треугольным каркасом» изучения онимов любого разряда, их фундаментом для последующих исследований в разных аспектах, например в лингвокультурологическом. В этом качестве лексические вариации апеллятивных основ национальных ЛИ в диалектном ареале изучаемого языка, особенности правописания национальных ЛИ в свете современных требований в составлении ономастических словарей можно считать их активным **функционированием** в лингвокультурологическом поле языка саха.

В теории описательной ономастики национальные системы ЛИ народов России относят к «локальным (местным), т. е. употребляемым лишь на части территории одного языка» [Суперанская, 2009: 216], т. е. как локальный ономастикон (антропонимикон) на территории распространения государственного русского языка. И, как отмечают ономатологи, «ни один из региональных вариантов национального языка реально не может иметь своего собственного индивидуального ономастикона, поскольку реально региональный ономастикон в части антропонимики на 80–90 процентов будет соответствовать ономастикону национального литературного языка» [Щербак, 2012: 51], т. е. русскому языку. В свете этого высказывания подтверждается тот факт, что современный антропонимикон языка саха, имеющий письменные источники с 1632 г., в основном состоит из «канонических имен по святым», в результате чего современный якутский именник «мало чем отличается от русского» [Самсонов, 2000: 25, 26], который,

в свою очередь, тоже «... в основном заимствован, он древнееврейско-греко-латинского происхождения» [Матвеев, 2004: 10]. Отсюда следует, что национальная (региональная) СЛИ представляет собой значительный интерес для описания лексических состояний, например диалектов.

Признаки, имеющие диалектный характер, могут репрезентировать «**функционирование имени** во времени и распределение по ареалам, представляя собой диахронический аспект в исторической ономастике» [Нерознак, 1977: 35]. Рассматриваемый антропонимический материал в данной работе непосредственно относится ко времени прихода русских, когда племенные объединения с ярко выраженными диалектными чертами начали консолидироваться. «Данный исторический период языкового развития составляет первый этап образования диалектов в якутском языке» [Воронкин, 1999: 167], лексика которой также отразилась и в проприальной лексике.

Диалектолог С. А. Иванов указывает, что в словах монгольского и тюркского происхождения, перекочевавших из якутского языка в эвенкийский (*катун, камуй, манус*), звук *о* перед слогом с кратким *у* переходит в краткий *а*, что и свидетельствуют записи в именах *Амуй, Батур, Дабук, Камук, Сагуй, Чакур*, т. е. налицо восстановление акающих вариантов [Иванов, 1980: 141]. Древнетюркское гармоничное сочетание *а~у* сохранялось долго: *Камос Гуликанов* ‘хомуос’, *Самуро* ‘сонуруо’, *Солюр* ‘солуур’, *Чорос* ‘чооруос’ [Иванов, 1980: 149]. Таким образом, неогубленные варианты являются сохраненными в языке древними формами, а огубленные – инновации. В связи с этим в апелливах ЛИС выявлены следующие наиболее типичные соответствия:

– соответствие *ы~и*: *Сырай Мөгдөөөрөп, Куһаҕан Сырай Кусентеев, Хара Сирэй Дьобуудай*, где *сырай/сирэй* ‘лицо’;

– соответствие *ө~о*: *Өнчөх* ‘спинка ножа, обух’. Окающий вариант *ончох* не был отмечен;

– соответствие *а~о*: *Аччыгыһ Кураҕаччы, Обуруолаах ойуун, Чокуур Одукаайап, Саргы Будууйап*. Окающие варианты *оччугуй, соргу* в ЛИС не отмечены;

– соответствие *э~ө*: *Сэллик*. Слово *сөллүк* [ДАЯЯ, 2004: 12] не отмечено;

– соответствие *о~у*: *Сутуруо*. Другой вариант *сотуруо* не отмечен. Соответствие *б~н* в середине слова: *Мобой*. Другой вариант *монгой* не отмечен;

– соответствие *б~м* в начале слова: *Бэргэн*. Другой вариант *мэргэн* не отмечен;

– соответствие *г~дь~нь* в начале слова: *Чаалбаан Мохсойун* ‘жесть, жестяной’. Этот неназализованный вариант считается прерогативой северо-западной и олекмо-виллюйской диалектных зон [ДАЯЯ, 2004: 24] и восходит к тунгусо-маньчжурским языкам [Воронкин, 1999: 92];

– соответствие *т~д* в начале слова: *Дархан (Даркан), Тархан, Дэли Дархан, Дэхи Дархан, Түһүлгэ Дархан, Курсэн Дархан, Мэнги Дархан, Дэги Дархан, Дэли Дархан, Дэри Дархан, Баҗадаһын Дархан, Үөлэн Дархан, Игидэй Дархан, Мунньан Дархан, Хомуйан Дархан, Тыгын Дархан, Тыгын Мунньан, Тыгын Тойон*. В современном именнике зафиксировано имя *Дыгын*. Сама семантика слов *дархан/тархан, дыгын/тыгын* используется для обозначения персонажей преданий и легенд, описывающих события, происходившие в центральных улусах, что соответствует превалирующему начальному *д*. По Н. Д. Дьячковскому, вариации *д~т* в начале слов можно объяснить «... колебанием в употреблении этих согласных в монгольских источниках» [Дьячковский, 1977: 106];

– соответствие *рх~рк*: *Чаархаан*: литер. *чааркаан*. соответствие *мдбу~мнбу*: *Булумдбу*: литер. *Булумнбу*;

– соответствие *хс~хх~х*: *Болотой Оххон/Болотой Орхон*. Удвоенный *хх* – звук ассимилятивного происхождения, характерное его употребление наблюдается только в говорах центральной диалектной зоны [ДАЯЯ, 2004: 107–108];

– геминация увулярного *х*: *Улаххан Кураҗаччы*.

Также в антропонимических материалах отмечаются некоторые языковые факты, характерные для диалектных единиц. Например, лексема *бас/төбө* ‘голова’: *Дал Бас, Баҗа Бас, Көндөй Бас Долгуура, Сиикэй Бас, Таас Бас, Тый Бас, Тымтай Бас, Тайах Бас, Ухун Бас, Үрүн Бас Болтоно, Эт Бас* и т. д. По материалам ДАЯЯ создается впечатление, что варианты *бас/төбө* используются в «равных долях», хотя современные носители языка обычно избегают употребления *бас, баһа* [Иванов, 2010: 63]. Таким образом, можно утверждать, что в дохристианское время и до начала XIX в. в проприальной лексике наиболее активно употреблялось слово *бас* ‘голова’.

Түөһэлбэ. Слово широко употребляется во всех современных диалектных зонах, кроме северо-восточных, где ‘старческое слабоумие’ передается исключительно словами монгольского происхождения – *алдьяас буолбут, алдьяаһырбыт* [Иванов, 2010: 64].

Баҗадья: баҗадьы ‘большая рыболовная сеть, невод для коллективного рыболовства’; п. монг. *bagaci* ‘инструмент, орудие’; лесная засека для ловли лосей и оленей [ДСЯЯ, 1976: 57]. Считается распространенным преимущественно в центральных говорах [Иванов, 2010: 66].

Таас Бас: ‘ёрш (рыба)’; литер. *альһар*.

Көмөрөһүт Тахаянов: *көмөр* ‘почерневший, остывший древесный уголь’; литер. *чох* ‘уголь’.

Күрдүгүэс Үнүкээйэп, Муруку Марҕаакын. Наиболее популярные *моҕотой, дырики* ‘бурундук’ [Иванов, 2010: 70] в качестве ЛИС не замечены.

Далбарай Сандрин ‘птенец, только начавший летать; маленькая певчая птичка; ласкательное выражение’; в современном языке саха ‘жаворонок’.

Кыһыыдай (Кыһыытай) ‘красноглазка, сибирская плотва’ [ДСЯЯ, 2010: 139]. *Алчач Кутетеев* ‘лягушка’; литер. *баҕа*.

Сылан – от диал. *сыылан* ‘змея’.

Аһыка – от литер. *аһыга* ‘крупная кобылка; кузничик’.

Күчүктэ Өрөгөһөйөп ‘название растения, которое раньше привозили с речки Уды и лечили с его помощью разные болезни’.

Лэбин – от диал. сущ. *лэбэн-түөрэ* ‘лекарственная полевая трава, крестовник’.

Самыыр ‘дождь’, *Ардах Ыктыгааран – ардах* ‘дождь’.

Хотокоон – от *хотохоон* ‘охотничий нож, похожий на пальму, с более широким острием, длиной в две пяди’ и т. д.

Как видно, диалектные признаки антропонимикона саха совпадают с процессами, связанными с закреплением диалектных единиц в разных диалектных зонах, хотя «границы между ними зыбки и непостоянны» [Воронкин, 1999: 170]. Выразительные и многочисленные признаки аканья или оканья, а также других диалектных различий сложно выявить, так как в первоисточниках могли быть искажения ЛИС. Как известно, один из первых именников саха [Указатель..., 1970] основан на ясачных списках, ЛИ в которых сложно транскрибировать и использовать в качестве достоверного материала для современного именника.

2.3. Правописание личных имен саха

Единство графического оформления и восприятия структуры любой языковой единицы есть залог единства и нормативности языка, который должен быть подкреплён стандартами, правилами правописания. Вопросы **правописания ЛИС** в научной литературе, в различных текстах (например, в рекламных), официальных документах органов государственной власти рассматриваются как «особый экстралингвистический фактор функционирования» ЛИ [Суперанская и др., 2009: 33]. В «Орфографическом словаре якутского языка» указывается

только то, что личные имена людей, псевдонимы, прозвища, клички домашних животных, скота и т. д. пишутся с большой буквы [СТСТ, 2015: 463]. Также в правилах указано, что топонимы и личные имена «могут быть написаны и в русском, и в якутском варианте»: Мария – Маарыйа, Сүөкүлэ – Фёкла, Бүөтүр – Петр и т. д. [СТСТ, 2015: 461]. Таким образом, несмотря на подвижки в решении некоторых аспектов данной проблемы, Закон Республики Саха (Якутия), касающийся правописания ЛИ [Закон..., 2012], полностью не разрешил эту коллизию, что связано с графическим оформлением специфических звуков саха в официальных документах на русском языке.

Исследователи отмечают, что «... материальной базой для воздействия имени на человека являются, прежде всего, фонетические и смысловые ассоциации» [Матвеев, 2004: 11]. Такой материальной базой является национальный именник. У большинства тюркских народов практически все справочники ЛИ, которыми пользуются лингвисты, опубликованы на двух языках на основе кириллицы (на русском и национальном) [Кусимова, Биккулова, 2010; Сулейманова, 2013; Алтайские личные имена, 1993; ЛИХ, 1993; СЛИН РСФСР, 1965, 1979, 1987]. Упорядочение правописания национальных личных имен в первую очередь важно для сравнительно-сопоставительного изучения тюркских ЛИ. Необходимость данного аспекта мы находим в некоторых ошибках, которые происходят из-за отсутствия трехязычных словарей (справочников) с этимологическими иллюстрациями. Например, в «Тюркском ономастиконе» Ласло Рашони, состоящем из более 60 000 имен и их вариантов, использовавшихся тюркскими народами со времен начала тюркской истории до первой половины XX в., наряду с исконно якутскими *Büökästäy/Бүөкэстэй*, *Хончолун/Хончолуун* и т. д. мы находим объякученные русские имена *Büögük/Федул*, *Büöttür/Пётр*, воспринятые как исконно якутские [Rásony, Baski, 2007: 8].

Исходя из этого, на начальных этапах научных изысканий считаем необходимым применять адаптированную, смешанную транслитерацию для нормализации употребления и правописания якутских ЛИ. Опыт переводческой транскрипции эпических жанров показывает, что нужно избегать правила русско-английской транслитерации при передаче имен и названий саха на английский язык ввиду существенных акустико-артикуляторных различий между фонемами якутского и русского языков [Тарасова, 2013: 27].

Первые опыты графической передачи якутских ЛИ разного разряда мы находим в «Tabula Poliglotta» Ф.И. фон Страленберга: *Deptzi Tarchan tegin* ‘Дэпси Тархан тэгин’, *Areoyon* ‘Аар ойуун’,

Schugo-toygon and Tangara ‘Сүгэ Тойон Танара’, *Boro-Ganiska* ‘Бороҕон’, *Baitungski* ‘Болтоно’, *Badys* ‘Бээди’, *Jock-Soyon* ‘Дьохсоҕон’, *Menga* ‘Мэнэ’, *Kangalas* ‘Ханалас’, *Namin* ‘Нам’, *Bathruski* ‘Боотуруускай’, *Lugoi uuv(uus?)* ‘Лөгөй’, *Bolugur* ‘Болугур’, *Zacha* ‘Саха’ [Strahlenberg, 1730: 375]; Г. Ф. Миллера: *Sobo* ‘Карась’, *Tshitschach* ‘Пташка’, *Taragai* ‘Лысый’ и др. [Миллер, 2009: 395]; О. Н. Бетлингк: *Kÿbäi/Күбэй*, *Vajanai/Байанай*, *Äläi/Эллэй* и др. [Бетлингк, 1990: 254]; Я. И. Линденау: *Bosogo*, *Itsack*, *Sachod*, *Kutujak* ‘Мышь’, *Kuter* ‘Водяная Крыса’ и др. [Линденау, 1983: 34]; в Словаре Э. К. Пекарского: *Äbirän/Эбирэн*, *Börökjÿ Bötös/Бөрөкүйэ Бөтөс* [Пекарский, 1959, I: стлб. 220, 524] и др. Как видно, первые записи ЛИС адекватны, читабельны и могут передаваться не только кириллицей, но и латиницей или сообразными буквами других алфавитов с применением побуквенной передачи.

Опыт предшественников якутоведов можно использовать для составления справочника (словаря) ЛИС в научных целях. Представляется возможным применение принципов упрощенной транслитерации, где используются следующие латинские буквы для обозначения и написания ЛИС: A a, B b, G g, Ƶ, D d, J j, J j, I i, K k, L l, M m, N n, Ŋ ŋ, Ń ń, O o, Ɔ ɔ, P p, R r, S s, h, T t, U u, Y y, X x, Ɔ ɔ, Ш ш, E e. В данной группе буквы *в, е, ё, з, ж, ш, щ, ц, ь, ъ, ю, я* отсутствуют, так как для написания собственно ЛИС на языке саха они не используются. Для обозначения долгого гласного искомым знак обозначается дважды: *aa, ii, oo, œœ, uu, uuu, ee*: *Уолан*=Uolan, *Күөрэгэй*=Kuseregej, *Адыаччы*=Aduaččy, *Омобой*=Omovoj, *Хатынчаана*=Хатуңчаана, *Ньургуйаана*=Ńurgujaana, *Үөдүйээн*=Uœdujeen и т. п. Дифтонги передаются простым сочетанием гласных букв: *ya*= Ша ша, *yo*= Уо уо, *ie*= Ie ie, *yø*= Уœ уœ:

1. *Аан Тайбыыр/Аан Тажвиир* ‘сын *Омобой баайа*, встречается в числе имен якутской мифологии’;

2. *Аан Үүһэй/Аан Ууһей* – сущ., перен. *аан* ‘начало чего-л.; почин, начинание’, ‘первый шаман’.

Использование упрощенной транслитерации исходит из проявлений содержания якутских звуков в составе образных слов (глаголов), отражающих «внешнее проявление предметов, а не их сущность» [Афанасьев, 1990: 116]. Исследователь разделяет развитие образных слов на стадии: первичное состояние зафиксировано в антропонимах, изображая форму человека; вторичное – образные обрегательные названия, а также загадковые имена; заключительный переход образных слов в знаковые слова есть переход их в настоящее

название предметов [Афанасьев, 1990: 117–118]. «... губные гласные идеофоны (звуки, имеющие значение) изображают выпуклость, удлиненность, негубные – ширину. Лабиальные согласные идеофоны обозначают губообразную, круглую форму, дентальные – туловище или грудную часть кого-либо и т. п. ... в основе образных слов лежит ртово-звуковая имитация внешних форм, проявлений предметов» [Афанасьев, 1989: 128]. Все фонемы, составляющие основы образных слов, имеют конкретное образное содержание, представляют собой идеофонемы, создавая цельный образ. Согласные образуют каркас (модель) формы, а гласные заполняют пространственное содержание [Афанасьев, 1993: 100, 113].

Таким образом, звуки, переданные в том графическом плане (пусть хоть и условно), в каком они произносятся носителями языка, наиболее близки к графической репрезентации антропонимов саха, более всего – образных. Практическая транскрипция с применением принципов упрощенной транслитерации обогащает научный потенциал изучения региональной (национальной) ономастики, тюркской антропонимии в целом. Орфография, как социальный показатель развития не только лингвистической науки, но и как показатель развитой языковой личности, создает «фонетический облик речи, ... характер и объем лексики...» любого языка [Сепир, 1965: 248]. Полнота, в то же время и простота лексикографической обработки ономастического пространства саха может служить для «систематизации важной лингвокультурной информации, а также своеобразной лабораторией для развития последующей ономастической номинации» [Рут, 2009: 242], т. е. правильное функционирование ЛИС предопределяет и связывает все аспекты лингвокультурологических эксплицированных.

Глава 3

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЛИЧНЫХ ИМЕН САХА

Антропонимы как особый разряд лексики, объединяясь в группы, подгруппы, представляют собой «различные типы ... парадигм (лексических, словообразовательных, морфологических и синтаксических) с каким-либо общим семантическим стержнем» [Васильев, 1990: 135]. Категоризация личных имен немного отличается от классификации нарицательной лексики, так как «семантика имен – совсем не значения тех слов, от которых имена образованы, а отношение в сознании называющих между называемым (носителем имени) и тем понятием, которое выражено словом-основой» [Никонов, 1974: 95]. То есть классификация антропонимов исходит от принципа мотивированности имен. Несмотря на такой основополагающий принцип, во многих исследованиях подход к классификации антропонимов различен, так как «очень трудно составить такую классификацию, которая была бы исчерпывающей» [Суперанская и др., 2009: 203]. Это связано с тем, что ономатологи во многом оперируют онимами, которые фиксированы в различных документах (списках), вследствие чего невозможно в полной мере раскрыть конкретный мотив выбора имени. Вероятно, из таких побуждений в качестве рабочего метода в свое время некоторые лингвисты выбирали метод *лексико-тематической группировки* как первый шаг поэтапного исследования *лексико-семантических групп* [Шайхулов, 1983: 45–46].

Как видно, «семантическая классификация антропонимов в тюркологии не имеет четких критериев. Одна группа специалистов критерием считает исходное значение антропонима... Другая группа – мотивы наименования... В ряде работ наблюдается соединение этих двух критериев» [Мусаев, 1984: 213]. Более известна *лексико-семантическая классификация* тюркских личных имен-прозвищ В. А. Гордлевского, который выделял семь групп: 1) происхождение; 2) приметы: цвет волос, фигура, походка, физические недостатки и т. д.; 3) харак-

тер, свойство, склонность; 4) профессия, занятие отца; 5) собственная профессия или занятие, должность; 6) социальное или общественное положение; 7) исторические прозвища [Гордлевский, 1968: 131–136].

Классификация венгерского антропонимиста Л. Рашони, который выделил категории тюркских личных имен по семантическому признаку (по мотивации): тотемистические; имена предзнаменования (имена, проявляющие желания родителей, предупредительные, символические имена); случайные имена; личные имена с потускневшими магическими представлениями, имена, возникшие под влиянием ислама) [Rásonyi, 1953: 232–351], была развита тюркологом-антропонимистом В. А. Никоновым, который по принципу мотивации наименования тюркские ЛИ выделил в три основные группы: *дескриптивы* (описательные имена), где отражаются особенности человека (ребенка) – физические, первые признаки поведения, характер, обстоятельства рождения (время, место и т. п.) и т. д.; *дезидеративы* (имена-пожелания), где выражаются различные пожелания (добрые, защитные, охранные имена); *меморативы* (имена-посвящения), куда входят тотемные, теофорные, зоофорные имена, имена в честь знаменитых исторических лиц, прародителей, перовпредков, титулярные имена [Никонов, 1974: 95–104].

Эти две классификации легли в основу большинства антропонимических систем в тюркских языках, например, шорской [Косточаков, 1995], татарской и башкирской [Шайхулов, 1983], алтайской [Тыбыкова, 2010], киргизской [Жапаров, 1989], древнетюркской [Махпиров, 1997] и др. Следует отметить, что данные классификации по охвату тематических групп тесно связаны с семантическими признаками, выделенными Г. Ф. Благовой в части систематизации пратюркской антропонимической системы [Благова, 1998; СИГТЯ, 2006: 660–765]. Совпадение апеллятивной лексики антропонимии саха с общетюркской свидетельствует о том основополагающем факте, что «... чем дальше вглубь истории тюркских языков, тем чаще совпадают общетюркское с пратюркским» [Севортян, 1971: 4].

Внутриклассификационные группы в СЛИ тюркских народов могут быть разными. Например, у шорцев нет имен-посвящений (меморативов) [Косточаков, 1995: 93]. Следуя утверждению «семантическая структура тюркской антропонимической системы существенно отличается от семантической структуры апеллятивной лексики» [Благова, 1998: 182], для составления регионального именника необходимо иметь в виду и факторы, связанные с религиозными воззрениями, историей, культурой, традиционным занятием, бытом народа.

Известно, что «... семантика слова играет наиболее важную роль при отнесении слова к тому или иному лексико-грамматическому разряду» [Калинина, 2007: 59, 60]. Наиболее полную семантическую классификацию ЛИС продемонстрировал русовед Н. Г. Самсонов, выделив следующие группы антропонимов (далее А.), отражающих: 1) психические особенности человека; 2) внешний вид, физиологические и физические качества; 3) род занятий; 4) семейно-родственные отношения и обстоятельства появления нового члена семьи; 5) социальное и экономическое положение народа саха; образованные от: 6) названий частей тела; 7) названий животных, обитающих на территории, заселенной предками саха; 8) названий птиц; 9) названий насекомых; 10) названий рыб; 11) названий растений; 12) названий пищи; 13) названий одежды; 14) названий жилищ и построек; 15) названий различных атмосферных, метеорологических явлений, космических тел; 16) названий отвлеченных понятий; 17) названные по разным предметам [Самсонов, 2000: 12–18].

Историк Ф. Г. Сафронов, определив, что «... в XVII–XVIII вв. у народов Северо-Востока Сибири, особенно у якутов, существовала довольно развитая национальная антропонимическая традиция. Их имена в семантическом отношении не только богаты, но и разнообразны» [Сафронов, 1985: 16], выделил мужские имена в следующие группы: 1) имена, связанные с традиционной хозяйственной деятельностью: *Атыыр* ‘Жеребец’, *Обус* ‘Бык’, *Атыйах* ‘Берестяное лукошко’, *Сылгыһыт* ‘Коневод’ и т. д.; 2) охотничье-рыболовческие имена: *Мунду* ‘Гольян’, *Собо* ‘Карась’, *Сааһыт* ‘Охотник’ и т. д.; 3) имена, отражающие патриархально-феодалные отношения: *Тойон* ‘Господин’, *Кулут* ‘Раб’, *Умнаһыт* ‘Попрошайка’ и т. д.; 4) религиозные имена: *Байанай* ‘Дух охоты и леса’, *Сата* ‘Безоаровый камень’, *Ойуун* ‘Шаман’ и т. д.; 5) имена морально-оценочного характера: *Тимир* ‘Железный’, *Күндээрэр* ‘Солнечный’, *Мохсоҕол* ‘Сокол’, *Ньобой* ‘Упрямый’ и т. д.; 6) имена, связанные с местной флорой и фауной, климатом: *Куйаас* ‘Жара’, *Кутуйах* ‘Мышь’, *Баҕа* ‘Лягушка’ и т. д.; 7) имена, отражающие внешний облик носителя имени: *Манган* ‘Белый’, *Тараҕай* ‘Плешивый’, *Мурун* ‘Носастый’, *Быыкаан* ‘Малюсенький’, *Обонньор* ‘Старик’, *Кэлэбэй* ‘Зайка’ и т. д.; 8) имена, связанные с орудиями труда и быта: *Бургэс* ‘Шило’, *Алтан* ‘Медный’, *Сүгэ* ‘Топор’, *Ингэ* ‘Игла’ и т. д. [Сафронов, 1985: 18–20].

Топонимист В. Д. Монастырёв классифицировал описательные личные имена с разбивкой на тематические группы, описывающие: 1) внешний вид и походку человека; 2) части тела человека; 3) обстоя-

тельства родов, и образованные от: 4) названий пищи; 5) названий одежды; 6) названий растительности; 7) названий посуды, постройки, сооружения, предметов быта, орудий труда [Павлова, Монастырёв, 2017].

Таким образом, нами учтено, что «... семантическая специфика личного имени может быть раскрыта только при условии изучения того конкретного знания, которое ассоциируется у конкретного носителя языка с тем или другим конкретным антропонимом» [Блох, Семенова, 2001: 33], т. е. знания материальной, духовной культур, исторических реалий. На основе этого мы выделяем три классические ЛСГ ЛИС с подгруппами: *имена-дескриптивы*, *имена-меморативы*, *имена-дезидеративы*.

3.1. Имена-дескриптивы

Описание внешности человека прежде всего базируется на его отличных от других людей особенностях внешности: головы (миимика лица, цвет кожи лица, форма головы, форма рта и т. д.), фигуры (рост, стройность фигуры, физические недостатки, показатели размеров тела, пропорции тела и др.), движений (походка, жесты, повторяемость движений, кинетика движений и др.), в основе семантики которых лежат чувственные представления, воспроизводящие «целую картину или сложное ощущение» [Харитонов, 1943: 62]. Якутские антропонимы восходят к апеллиативам разных частей речи – имена существительные, прилагательные, глаголы, которые в качестве антропонимов переходят в разряд образных слов, соединяющих две семантические основы: зрительный образ и чувственное восприятие. Модальный характер якутских личных имен предполагает наличие эмотивной коннотации, в результате которой складывается метафорический образ. Таким образом, антропонимический ряд в ЛСГ ЛИС как «продукт исторического развития значений слов (выражений)» [Телия, 1986: 98] является также своего рода явлением коннотаций, которые можно выделить в ЛСГ «Имена-дескриптивы».

Анализ имен, их апеллиативных основ в подгруппах оформлен в следующем виде: 1. В нашем исследовании *фамилия* как объект не входит в предмет исследования, поэтому при анализе переводится только личное имя (его апеллиатив): *Куйаха Моркуунан* – *куйаха* ‘кожа головы’, где *Моркуунан* – фамилия. 2. Если семантика апеллиатива имени прозрачна, дается непосредственный перевод имени: *Баҕа Бас* ‘Лягушачья Голова’. 3. Также даются имена первопредков, исторических лиц, которые включаются в апеллиативную цепочку данного имени, в некоторых случаях дополняя ее семантику: *Сынаах*

Обонньор – сущ. *сынгаах* ‘челюсть; самый древний предок богатыря *Майантылап* – *Сынгаах ойуун* (*шаман*). 4. Основные источники для выявления семантики апеллятивов: Большой толковый словарь якутского языка [ТСЯЯ, 2004–2006; БТСЯЯ, 2007–2018], диалектологические словари якутского языка [ДСЯЯ, 1976, 1995], Русско-якутский словарь [РЯС, 1968], Якутско-русский словарь [ЯРС, 1972], Словарь Э. К. Пекарского [Пекарский, 1959] и др. 5. Для наиболее полного представления ЛСГ по мере возможности приведены примеры тюркских и монгольских антропонимов.

Антропонимы-соматизмы

Голова. *Куйаха Моркуунап* – сущ. *куйаха* ‘кожа головы’; *Сырай Мөгдөөөрөп* – сущ. *сырай* ‘лицо’, *Куһаҕан Сырай Кусентеев* ‘Плохое Лицо’; *Кулгаах Куһаҕаанап* – сущ. *кулгаах* ‘уши’; *Мурун Кулахыев* – сущ. *мурун* ‘нос’; *Хабарҕа Мымаахап* – сущ. *хабарҕа* ‘дыхательное горло, трахея’; *Харах Олууйап* – сущ. *харах* ‘глаза’, *Көнө Кэтэх Айбаана* ‘Прямой Затылок’; *Моой Тулааһынап* – сущ. *моой* ‘шея’, *Моонньоох* ‘с выделяющейся шеей’, вероятно, со складчатой шеей, так как Моонньоох был богачом; *Сынгаах Ходьугуурап* – сущ. *сынгаах* ‘челюсть, подбородок’, *Сынгаах Обонньор* ‘самый древний предок богатыря *Майантылапа* – *Сынгаах ойуун*’; *Орой Даамай* – сущ. *орой* ‘темя, макушка’, *Уохтаах Оҕо Орой Дохсун* ‘Очень Сильный Дерзкий Озорник Ребенок’, *Оройко* ‘темечко, макушечка; озорник, сорванец’, *Бас Төрөлөй* – бас ‘голова’, ‘сын *Тыгын Мунньана*’, *Дал Бас* – дал ‘цель для стрельбы из лука’, сущ. *бас* ‘голова’, *Баҕа Бас* ‘Лягушачья Голова’, *Көндөй Бас Долгуура* – *көндөй бас* ‘пустоголовый’, сущ. *долгуура* ‘вероятно, от *долгура* – затишье’; *Сиикэй Бас* – прилаг. *сиикэй* ‘неспелый, незрелый’, *Таас Бас* – *таас* ‘камень’, диал. ‘ёрш (рыба)’; букв. ‘Каменная Голова’; вероятно, по характеру ‘ершистый’, *Тый Бас* – *тый* ‘жеребенок от одного до двух лет; имеющий форму (или размер) головы как у жеребенка’, *Тымтай Бас* – *тымтай* ‘берестяная или плетеная из лиственничных лучин посуда овальной формы для хранения или перевозки чего-л. (напр., рыбы) на плечах’, *Тайах Бас* – *тайах* ‘лось’, *Уһун Бас* ‘Вытянутая Голова’, *Урун Бас Болтоно* ‘Седая Голова Болтоно’, ‘уважаемый’, *Эт Бас* – *эт* ‘мясо’, *Кэтит Кэнгириш* ‘Широкая Переносица’, *Сорҕо Мурун* ‘Длинный Нос’, *Сыа Харах* ‘Сальные Глаза’, *Тиштиир* ‘тот, кто свою жену зубами держит, колотит’, сущ. *тиис* – ‘зубы’, *Көнкөлөй Бэчээнэп* ‘Громкоголосый’, от сущ., диал. *көнкөлөй* ‘верхняя часть горла; громко, громкогласно; человек с громкий голосом’ и др.

Внутренние органы: *Хабах Түүтүйэн* – сущ. *хабах* ‘мочевой пузырь; вероятно, с головой, похожей на мочевой пузырь’, *Оноѳос* ‘Кишка, Живот’, вероятно, ‘вечно голодный’, *Сүрэх* (жен.) ‘Сердце’, *Түү Сүрэх* ‘одно из имен одного из сыновей Тыгына’; букв. ‘Волосяное Сердце’, *Хабах Мэйиш* ‘Пузырь Голова’, *Куртааскы* ‘Желудочек’, *Куртах* (*Куттах*) ‘Желудок’ и др.

Ноги: *Атаѳа Суох Куйуѳукаанан* ‘Безногий’, *Мас Атах Түтүөй-эн* ‘Деревянная Нога’, *Кыкыр Атах* ‘Скрипучая Нога’, ‘имя шамана, данное ему, потому что он хромотал’; ср.: осм. *кыкыр* – тонкий, сухой, твердый, шуршащий; *Сытыган Өттүк* – прилаг. *сытыган* ‘гниль, тухлятина, имеющий отвратительный запах’; сущ. *өттүк* ‘бедро, бок человека, животного’, *Таас Уллунах* (*Таас Туйах*) ‘имя из преданий и легенд; один из четырех сыновей Тыгына’, букв. ‘Каменное Копыто’ – намек на его неуязвимость и др.

Руки: *Сутурук Сүнсүүкэн* – сущ. *сутурук* ‘кулак’; *Тарбах Моруоскаан* – сущ. *тарбах* ‘палец’, *Тыгырах* ‘Ноготь’ и др.

Также можно выделить микрогруппы, обозначающие:

Общий облик, тело человека: *Таман Огдокин* (*Огдокун*) – *таман* ‘открытая, доступная поверхность чего-л.; светлое, чистое тело’.

Волосяной покров: *Бытыкый Хабыылан* – сущ. *бытык* ‘усы’; борода’, *Баттах* ‘Волосы’.

Кровяные сосуды: *Хорук Быһыкаайан* – вероятно, от сущ. *хорук* ‘сонная артерия’.

Половые органы: *Өбүчүк* – вероятно, ласкат. имя от уменьш. *өбүс* ‘мужской половой орган’; *Таһахтаах Бахар* – от сущ. *таһах* ‘мошонка’, ‘один из четырех сыновей Маатаха’; *Тээһэнкэ Халгыкка* – сущ. *тээһэнкэ* ‘мошонка (у быка)’.

Другие части тела: *Өрөѳөттө Артамонов*, *Өрөѳө* – от сущ. *өрөѳө* ‘брюшко, брюшина (животного)’; *Ахта Чыбыыйан* – сущ. *акта* ‘промежность’; *Быттык Быччыгынааһан* – сущ. *быттык* ‘пах’; *Эмэһэ Ньиргийин* – сущ. *эмэһэ* ‘ягодицы, задний проход, задняя часть’; *Самах Дураһын Самаѳайаан* – вероятно, от сущ. *самах* ‘промежность’; *Самыһыт Сахарин* – сущ. *самыы* ‘нижняя часть спины от поясицы до ягодиц (у животных)’; *Түһэх* – сущ. *түһэх* ‘передняя часть ноги выше колена (у человека)’ и др.

В тюркских языках: хакас. *Харахчын* ‘зрячий, так называют ребенка у слепого человека’, *Көкүл* ‘челка, прядь, хохол’ [ЛИХ, 1993: 64, 83]; шор. *Акпаш* ‘очень светловолосый ребенок’ [Косточаков, 1995: 107]; тув. *Кош-Кулак* ‘с наростом на ухе’ [Сувандии, 2004: 26]; осм. *Алты Пармах* ‘шестипалый’ [Гордлевский, 1968: 134] и т. п.

В соматических ЛИС отметим следующее: 1) обозначение конкретного характерного признака, отличающего от других людей, связанного с величиной, размером, а также увечьем того или иного органа, части тела; 2) описание внешности человека носит метафоричный характер, например, в *Сутурук Сүнсүүкэн* обозначен не *сутурук* ‘кулак’, а его характер, нрав, вероятно, драчливость; *Түү Сүрэх* ‘Волосяное Сердце’ означает его выносливость, крепость тела; 3) основная масса основ соматических ЛИС – простая, непрямая; 4) большинство апеллятивных основ восходит к древнетюркскому пласту – *хабах*, *бас* и т. п.; 5) в ЛИС присутствуют диалектные варианты: оканье *сырай*=аканье *сирэй*; 6) примечательно, что слово *төбө*, используемое более активно в современном языке саха, среди ЛИС встречается редко, например *Төбөкөй*. Вместо *төбө* чаще используется *бас*, что соответствует распространенности общетюркской основы **baš* ‘голова’ в тюркских именниках [СИГТЯ, 2001: 673]; 7) судя по фактическим материалам, в тюркском ономастиконе мало ЛИ, где задействованы части тела, еще меньше или практически отсутствуют названия интимных органов, частей тела, как, например, *самах*, *эм-һэ* и т. п. (кирг. *qul kötön*, где *kötön* ‘задний проход’ [СИГТЯ, 2001: 674, 678]), что свидетельствует о присутствии апотропеических имен (имена-обереги, плохие имена), имеющих охранное значение (от злых духов, от сглаза, от болезней, от родового проклятия и т. д.).

Имена по роду деятельности

Ойуун Чуор, *Ойуун Кучуктаайан* – сущ. *ойуун* ‘шаман’; *Айанһыт Бобуруон* – от сущ. *айан* ‘путешествие, путешественник’; *Булчут Бётөгин* – от сущ. *булт* ‘охота; охотник’; *Умнаһыт Тебирин*, *Бырдай уола Умналыыр* – от глаг. *умналаа* ‘просить подаяние, милостыню; жить, собирая милостыню, подаяние, нищенствовать’; *Маньыһыт Чапчаалап* – от глаг. *манаа* ‘пасти (скот); пастух’; ср.: монг. *манаа* ‘стража, караул, охрана; часовой, пост’ [Кручкин, 2013: 177]; *Хайахсыт Нялбяхин* – от сущ., *хайах* ‘сливочное масло, сбитое в теплом молоке, пахте или простокваше, употребляемое в замороженном виде’, ‘человек, который занимается приготовлением хаяка, мастер-изготовитель хаяка’; *Көмөрөһүт Тахаянов* – *көмөр* ‘почерневший, остывший древесный уголь’; *Балыксыт* – от сущ. *балык* ‘рыбак’; *Кусчут Күччүй Дьыраайан* – от сущ. *кус* ‘утка’; *Отчут Сонтоойон* – от сущ. *от* ‘сенокосчик’; *Сылгыһыт Сабудуев* – от сущ. *сылгы* ‘конь, лошадь; табунщик’; *Тойук Кырынааһан* – от сущ. *тойук* ‘якутская песня-импровизация с запевом «дьиэ-буо»; певец’; *Сэһэн Обустуойан* – от разг.

сущ. *сээн* ‘мыслитель, философ’; устар. ‘Белый шаман’; *Арыһыт* – от сущ. *арыы* ‘масло; маслодел’, *Улахан Уус* – уус ‘мастер, мастеровитый, умеющий искусно, хорошо делать что-л. своими руками; *улахан* – большой; Большой Мастер’.

ЛИС данной группы представляют собой традиционные занятия, различные склонности к искусству: коневодство, скотоводство, охотничий промысел, рыболовство, кузнеческое дело, песенное искусство. ЛИС *Айанныыт*, *Умнаһыт* свидетельствуют о существовавшей социальной расслойке общества. ЛИС этой группы образуются от отыменных прилагательных *арыы+һыт*, *от+чут*, а также от непроизводных существительных типа *сээн*, *тойук*. К данной группе можно было бы включить ЛИС с компонентами *баатыр*, *бөбө*, так как они тоже представляют собой род занятий, профессию человека. Мы их относим к титулярным именам, ввиду того что доминирующее значение в них имеет антропокомпонент, а не аффикс деятеля. Например, муж. *Сээн*: это звание было «ни избирательное, ни наследственное, но не всякий старик считался *сесенем*, для этого нужен был особый “вещий” дар: иными словами – признанный ум, опытность, знание» [Серошевский, 1993: 449]. В др.-тюрк. *Törçi* ‘птицелов; охотник’ [ДТС, 1969: 578].

Числовые имена

Ахсынньы – от числ. *абыс* ‘восемь’, ‘декабрьский’: от др.-тюрк. **ай* ‘месяц’ с исходным аффиксом *-*ñf*: *axsyñny* < *sekiñf ai* ‘декабрь’ [СИГТЯ, 2002: 669]; *Тобус Модьукаайан* – и. числ. *тобус* ‘девять’, *Ортоку Мутууайан*, *Ортокуй* – прилаг. *ортоку* ‘средний по расположению в ряде’; *Ылгын Нохочун*, *Ылгынай Бырдаахан* – сущ. *ылгын* ‘самый маленький, меньший’; *Оччугуй* – прилаг. *оччугуй* ‘малый, маленький, небольшой’; *Түмэн Буйуукап* – сущ. *түмэн* ‘скопление, стечение большого числа людей где-л.; единение народа; прилаг. сплоченный, хорошо организованный’; ср.: др.-тюрк. *tümän* ‘десять тысяч’; алт. *түмен* ‘несметное количество, тьма, множество’; хакас. *түбен* ‘несметное количество, множество, тьма’ [Левин, 2013: 276]. *Харыс Тэлтээкин* – сущ. *харыс* ‘мера длины, равная расстоянию между кончиками вытянутых до отказа большого и среднего пальцев, пядь’ (ср.: др.-тюрк. *харыш* ‘пядь (мера длины)’, *Биэстээх Бочоох* букв. ‘Пятилетний Бочоох’ [Багдарыын Сулбэ, 2015: 104].

Вопреки активному использованию и сакрализации в тюркской антропонимии практически всех чисел [СИГТЯ, 2001: 691], в ЛИС такого яркого показателя не наблюдается. Единичные факты не носят системного характера. Вероятно, это связано с более древним значением

чисел, которые сохранились в эпических именах, например, в имени *Ус үрэх үтүөтүн үмүрүччү тардан үөскээбит Көмүс Чөмчүүкэйдээн Куо* ‘вскормленная, собранной благодатью из трех речек красавица Көмүс Чөмчүүкэйдээн’ [Избекова, 2006: 12]. В описываемых нами именах числа теряют сакральный смысл, акцентируя на обстоятельства рождения, внешние признаки. Числовые ЛИС образуются от субстантивированных прилагательных, имен существительных, обозначающих количество, рост, физическую силу, порядковость, собираемость.

Имена, связанные с цветообозначением

Хара. *Хара Сырай Сырбаанан* – прилаг. *хара* ‘черный’, ‘Черное Лицо’, *Харахаан Ибанаков* – хаан – антропокомпонент, *Хараарбах Бачиков* ‘черноватый’, *Харанай Берчохов* – вероятно, ‘смуглый, черный от солнца’, *Накий уола Хара Кыыс* – охр. и. ‘Черная Девочка’, *Хара Баттах Уодьун* ‘Черноволосый’, *Харалак Быттин* ‘с черной отметиной’, *Бэрт Хара* ‘Доблестный Черный’, *Түүн Хара Баттаахан* ‘Черная Ночь’, *Хара Бытык* ‘Черные Усы (Борода)’ и т. д. *Хара/Қара* трактуется в тесной связи с его метафорическим значением ‘сильный’, ‘могучий’, ‘великий’ [Кононов, 1978: 162]. Цвет *хара* самый сложный и многозначный. Якутский *хара* представляет собой «мифологический слой, ... заключают в себе в «свернутом» виде основные мотивы сюжета о герое» [Габышева, 2009: 10, 122]. Часто семантика прилагательного *хара* может быть только одной из версий семантики имени, как, например, *Бэрт Хара* было дано богатырю из-за его смуглой кожи или, согласно другому варианту, из-за цвета его одежды, сшитой из шкуры черной телки [ИПРЯ, 1960 1: 105]. Из всех цветов *хара* имеет повышенную способность к онимизации, что подтверждается его присутствием в качестве компонента в тюркских языках: др.-тюрк. *Qara Baqsy, Qara Buqa, Qara Sengun, Qara Temur* в знач. ‘черный’; перен. ‘злосчастный, злополучный, плохой, скверный’; как титул *Кара хан* ‘великий хан’ [Махпиров, 1997: 200]; ойр. *Кара, Карабаиш* ‘черноголовый’, *Карастай, Карачақ* [ОРС 1947: 208]; хак. *Хара Киис* ‘черный войлок’, *Харан* ‘черный силуэт’, *Хара Мотегей* ‘очень жирный’ [Личные имена хакасов, 1993: 63] и т. д. В ЛИС *хара* может находиться и в постпозиционном субстантивном, и в препозиционно адъективном, со значением ‘темный; смуглый’, ‘очень, совершенно, совсем, абсолютно’, ‘простой, обыкновенный, простолудин, простой народ’ [СИГТЯ, 2001: 593]. В ЛИС положительная семантика *хара* превалирует над отрицательной, которую можно отследить в контексте преданий и легенд. Как нам кажется, семантика антропокомпонента *хара*

в постпозитиве в значении ‘простой, простолоудин’ более прозрачна в связи с тем, что «... страницы русских ясачных книг пестрят сообщениями о повальном обнищании якутов в 1640–1660-е гг. ... Все это не могло не отразиться в историческом фольклоре. Так, герои якутских преданий *Бэрт Хара*, *Батас Мөндүкээн*, *Сыарга Наранах* всегда описываются как бедные охотники и рыболовы, имеющие самое большее по одной корове» [Борисов, 1994: 29]. Но, скорее всего, это касается имен более позднего социально-культурного времени.

Манан, үрүҥ. *Манан Батыырап* – прилаг. *манан* ‘белый’, жен. *Манан Эмчэй* ‘одно из имен одной из дочерей Омоҕойа’ [ИПРЯ, 1960 1: 337]; *Үрүҥ Бас Болтоҕо* – прилаг. *үрүҥ* ‘белый, седой, седовласый’, ‘имя родоначальника якутов 2-го Хатылинского наслега Ботурусского улуса’. Семантика данной группы имен соответствует др.-тюрк. *ürün* ‘белый, светлый; чистый, благородный’. Основное значение цвета *үрүҥ* ‘божественный’. Такая символика связана с культом солнца: «белое в своем наиболее древнем значении выражает культ солнца (...). С этим связано существование у якутов древнего обычая посвящать верховному богу табун белошерстных кобыл с жеребцом, отгоняя их далеко на восток (солнечную сторону)» [Аханянова, 1994: 206–207]. *Манан* в значении ‘белый’ «употребляется в основном для обозначения собственно белого цвета, например, *муус мабан* ‘белый, как лёд’, ‘белый-пребелый’» [Пекарский, 1959, II: 1499]; *баһын аҥаара маҕаныгар сөрөөн сылдьан* ‘завлекая белой половиной своей головы (о женщине)’ [Саввина, 2001: 37], т. е. применительно к внешности человека. Поэтому в дохристианских именах превалирование *манан* – свидетельство доминирования собственно цветообозначения, а *үрүҥ* – маркер религиозных воззрений саха.

Араҕас. *Араҕас Мүлтүркээйэп* – прилаг. *араҕас* ‘светло-желтый’, *Саһарбах Сохтоорон* – от *саһархай* ‘желтый, светло-коричневый, карий (о глазах), русый (о волосах)’, *диал.*, *сущ.* ‘овсянка-дубровник – небольшая птица, горло, грудь, брюшко – желтые’. Представленные ЛИС обозначают в первую очередь внешний вид, цвет кожи человека. Аппеллятив *араҕас* ‘светло-желтый’ примыкает к ряду слов с основой **saryu*: *сущ.* *саһарар* ‘желтуха, гепатит’, топон. *Сартан*, *сущ.* *сарт* ‘хищная птица из семейства ястребиных, похожая на коршуна, но меньшая по размерам, канюк, сарыч’, ср.: *сарт кутуруга буол* ‘начинать желтеть от первых заморозков, как хвост у птицы *сарт*’. Считается, что у якутов желтый цвет, наряду с белым, был связан с высшими силами – небом, солнцем, богом. Так, в якутской мифологии верховный бог *Юрюҥ Аар Тойон* ‘Белый Священный Господин’ и его

супруга *Юрюнг Адыны Хотун* ‘Белая Адыны Госпожа’ проживают «в самом центре девятого слоя блистательного светлого неба, на его жёлто-белом раздолье» [Саввина, 2001: 46].

Кыһыл. *Кыһыл Лүүтүйэн* – прилаг. *кыһыл* ‘красный’; *Кытархай Түнүкээйэн* – прилаг. *кытархай* ‘красноватый, светло-красный’; *Кытарман Маржакыев* – от глаг. *кытар* ‘краснеть’; *Кыһылыка Муруунап* – от прилаг. *кыһыл* ‘красноватый’; *Кытарча Хабайхаанан* – от глаг. *кытар* ‘краснеть, краснеющий’; *Кыһылтай Хамалжа* – от прилаг. *кыһыл* ‘красный; как красный’, ‘боотур из Тылыминского наслега’ [ИПРЯ, 1960, 1: 336]. «**quzul* ‘красный’ в тюркских языках имеет переносное значение», «состояние сильного психологического возбуждения», образовано от глагольной основы *quz-* ‘делаться горячим, накаляться, раскаляться’ и ‘раздражаться, сердиться, злиться; горячиться, возбуждаться; входить в азарт; пристраститься’, и, видимо, в данный семантический ряд входит и як. *кыһа* ‘кузнечный горн’ с исходным значением ‘краснеть» [СИГТЯ, 2001: 603]. Скорее всего, что в ЛИС с основой *кыһыл* доминирует значение, связанное с активным действием, которое отражается на внешности человека.

Кугас. *Кугас Үнүгээһэн* – прилаг. *кугас* ‘рыжий, красновато-желтый, красно-бурый’, *Кугас Кыыс* букв. ‘Рыжая Девочка’, ‘силач из Тарагайского наслега’ [ИПРЯ, 1960, 1: 335]. Предположительно, *кугас* как антропоним семантически является коннотативной вариацией *кыһыл*.

Борон. *Борон* – прилаг. *борон* ‘цвета пепла или более темный, серый’. По Клоусону, *boro** восходит к «ранним тюркским заимствованиям в монгольском языке» [СИГТЯ, 2001: 605].

Күрдүгэс. *Күрүкээн уола Күрдүгэс* – прилаг. *күрдүгэс* ‘рыжий с темными полосами, бурый с красноватыми полосами’, диал., сущ. ‘бурундук’.

Саадьябай. *Саадьябай* Жидатов – прилаг. *саадьябай* ‘с белой полосой вдоль хребта, переходящий на бедра и лопатки (о масти крупного рогатого скота или окрасе птиц)’. ЛИС тесно связано с родом занятий носителя имени. Считается, что *саадьябай* имеет монгольское происхождение: монг., п. монг. *šigažaxai*; бур. (западн.) *sāgžā*; халх.-монг. *šādžgē*; орд. *sadzagā* ‘пестрый (масть)’ [Калужинский, 1963: 63л]. Замечено, что у якутов «культура рогатого скота явилась впоследствии. ... в случае надобности якуты везде применяют к рогатому скоту термины конного скота с оговорками» [Серошевский, 1993: 255], т. е. монголизм, обозначающий масть лошади, позже перешел в обозначение масти рогатого скота. В данном ЛИИ запечатлен факт культурного переосмысления, связанного с цветообозначением.

Хагдан. *Хагдан Чорбоотон* – прилаг. *хагдан* ‘увядший, поблекший, высохший, пожелтелый’; ср.: *хагдан энэ* ‘бурый медведь’.

Чакыр. *Чокуруос Оросев* ‘Светлоглазый’, *Чакыр* – от прилаг. *чакыр* ‘белый (о масти лошади)’, а также от прилаг. *чанккырыас, чонкуруос, чаккырыас* ‘светлоглазый’; др.-тюрк. *çaqır* ‘пепельно-серый (о глазах)’ [ДТС, 1969: 140]; ср.: диал., *чакыр улар* ‘глухарь со светлым оперением’, *бэс улара* ‘глухарь, который водится в сосновом бору’. В тюркской ономастике: осм. *Чакыр-ага* ‘Голубоглазый ага’ [Гордлевский, 1968: 134].

Ала. *Ала Озуньор* – от прилаг. *ала* ‘белобокый, в белых полосах поперек туловища, белополосатый (о рогатом скоте)’, ‘пегий, пестрый (о лошадях)’, ‘пестрый, пятнистый’, усилительная частица ‘очень, безмерно, крайне’, ‘по роду занятий – баатыр’ [Боло, 1994: 66]. Возможно, имя отождествляется с родом деятельности – скотоводством: *ала* – окрас шкуры домашнего скота.

В тюркских языках: алт. *Сарыгуул* ‘желтый мальчик’ [Шатинова, 1971: 66]; тув. *Сарыг-кыс* ‘желтая девочка’, *Сарыг-оол* ‘желтый мальчик’, где *сарыг* означает светлые волосы [Сувандии, 2004: 7]; кирг. *Карагул* ‘черный сын, человек’, *Сары* ‘рыжий’, *Кызылгул* ‘красный+гул’ [Жапаров, 1989: 136]; башк. *Карабай* ‘черноволосый, сильный, могучий, грозный’, *Карабай* ‘сильный, могучий, грозный+бай (компонент мужских имен)’ [Кусимова, Биккулова, 2010: 71]; тат. *Караэт* ‘черная собака’, *Каракөчек* ‘черный щенок’ [Шайхулов, 1983: 13]; хакас. *Сарыгоол* ‘светлый парень’, *Харатай* ‘черный жеребенок’, *Хара Пилек* ‘черный подарок’, *Хызыл Пала* ‘красный ребенок’ [ЛИХ, 1993: 47, 64, 103].

Использование имен цвета в качестве онимов было широко распространённым явлением среди народов Центральной Азии, Дальнего Востока и Сибири [Кононов, 1975: 161]. Наличие в основном *хара, үрүң, манган, арабас, саһархай, кыһыл* в ЛИС имеет корни в религиозных воззрениях, которые, в свою очередь, отражаются и в быте, о чем свидетельствуют этнографические материалы. Например, у А. Ф. Миддендорфа отмечено, что «при вышивании не только узоры, но и цвет бус подчинены совершенно определенным правилам. Якутам нужны были белые, синие и чёрные, бурятам – красные, тунгусам – зеленые стеклянные бусы» [Миддендорф, 1878: 649]. *Күөх* в якутском языке обозначает ‘синий, голубой, зеленый’. В письменных источниках дохристианского именника саха цвет *күөх* не значится, но в эпических именах и зоонимах в качестве прозвищ в дополнении к русскому имени он присутствует: *Күөх Сөлөн удабан, Күөх Боллох Тойон* ‘дух-иччи воды’, *Күөхтүй Тимир Кынат* ‘имя коня-скакуна’, *Күөх*

Кэтэриинэ ‘Катерина-Зелень; прозвище красивой женщины’. Ср.: хакас. *Кёклис* ‘седая’ [ЛИХ, 1993: 83]. Вероятно, как толкует академик П. А. Слепцов, *куөх* и *тангара* изначально означали ‘небо, небеса’, а *тангара* в связи архаизацией обрела свое древнее значение ‘бог’ [Слепцов, 2009: 93]. Соответственно, такое переосмысление воззрений отразилось и в именнике: цвет *куөх* остался только в эпических, мифических именах и именах-прозвищах (вторичных именах), а также в метафоричных ЛИ художественных произведений (*Куөх Көппө*, *Куөх Кэтириис*) как еще не утраченную традицию возвышенного восприятия данного цвета.

Апеллятивы *кугас*, *арабас* можно объяснить на материале мифологии саха, где есть понятие *кугас сылгылаах*, *арабас сылгылаах* ‘мифическое племя абаасы ‘злых духов’ Верхнего мира’ [Предания..., 1995: 363], как отражение основного занятия саха – коневодство, скотоводство и связанных с ними религиозных воззрений.

Таким образом, онимизированные обозначения цвета репрезентируют процесс изменения картины мира саха: затемнение сакрального, доминирование обозначения внешности (цвет кожи, волос, глаз) человека над религиозным значением; изменение структуры социальной организации общества в целом.

Космонимы

Абаа уола Күннэй, Күндэ Бархантыыкап, Күннээһэй Чикээйин, Күндү Ньардыаахан, Күннэй Одьуурап, Күндэлээх Бахчыгыырап, Күндээр, Күннэй, Күннүк – от сущ. *күн* ‘солнце’, *Сулус Мязженев* – от сущ. *сулус* ‘звезда’, муж. *Чолбон* ‘Венера; утренняя звезда’, жен. *Ыйданга* ‘лунная ночь’ и т. д. Немногочисленные имена-космонимы с основой *күн* являются свидетельством не только космогонических представлений об окружающем мире, но и связаны с древним культом солнца. Метафоризация семантики *күн* подкрепляется сравнительным формантом *-тай*. В тюркологии древние ЛИ с основой *күн* рассматривают в одном мифологическом ряду с *ый*, *сулус* [СИГТЯ, 2006: 671]. Предполагается, что в именнике саха такие имена обозначали следующее: 1) красоту; 2) защитника, так как древние имена, производные от апеллятивной основы *күн*, давали воинам (боотурами); 3) связь с древнетюркской космологической антропонимией с затемненным значением пространства и времени [СИГТЯ, 2001: 717]; 4) все якутские космонимы имеют общетюркские корни; в тюркских языках: тофалар. *Шолтан* ‘Венера’ [Рассадин, 1978: 16]; кирг. *Күнсүлүү* ‘прекрасная как солнце’, *Жылдыз* ‘звезда’ [Жапаров, 1989: 125, 126].

Зоофорные имена

Общие названия: *Кыыллай, Кыыллый* – от сущ. *кыыл* ‘дикое животное, зверь’; *Кутурук Дьогдойоон* – от сущ. *кутурук* ‘хвост; брат богогурского Омоллоона’, *Унун Кутурук Бадьаайы Бөбө* ‘боотур; по преданиям, у него был длинный хвост, как у коровы’; *Кынат Пиргин* – сущ. *кынат* ‘крыло’, которые мы относим к группе имен животного мира.

Млекопитающие: *Күрдүүгэс Үнүкээйи* – сущ., диал. *күрдүүгэс* ‘бурундук’; *Кутуйах Покоек* – сущ. *кутуйах* ‘мышь’; *Санньын уола Күтэр* – сущ. *күтэр* ‘водяная крыса, водяная нутрия’; *Күүдээх Киригдин* – сущ. *күүдээх* ‘землеройка’; *Лөкөй* – сущ. *лөкөй* ‘матерый самец лося’; *Моботой* – сущ. *моботой* ‘бурундук’; *Муруку Марбаакын* – сущ. диал. *муруку* ‘бурундук’; *Саһыл Бүлдьүүкэп* – сущ. *саһыл* ‘лиса’; *Ыт Кыһна уола Тайах* – сущ. *тайах* ‘лось’; *Табакый* – сущ. *табай* ‘олень’, *Бэдэр* ‘название рода Бэдэр ууһа в 1-м Хангаласском наслеге Колымского улуса’; *Бэдэрдээх удабан* – сущ. *бэдэр* ‘рысь’; *Тиингэй* – от сущ. *тиин* ‘белка’; *Эһэ* – сущ. ‘медведь’; *Хахай Миссэр* – сущ. *хаххай* ‘лев’; *Дьабара* – сущ. *дьабара, дьабарааскы* ‘евражка (вид суслика)’; *Наахара Бөбүл Бөрө* – сущ. *бөрө* ‘волк’, *Бөрө Бөтөһө* ‘сын Бадьыр Эмээхсин, бедной старушки-вдовы; одно из имен легендарного Бэрт Хара’.

Птицы. Мелкие птицы: *Тулдук* – сущ. *тулдук* ‘пуночка’, *Чыпчаах* ‘птичка’, *Далбарай Сандрин* ‘птенец, только начавший летать; маленькая певчая птичка, ласкательное выражение’; *Чооруос Яконин* – сущ. *чооруос* ‘птичка; чечетка или вьюрок’; *Чарчыгыныар Килеков* – сущ. *чаччыгыныар* ‘дрозд’; *Ымы* – сущ. *ымы* ‘клёст’; *Күөрэгэй Булумаахан* – сущ. *күөрэгэй* ‘жаворонок’; *Харангаччы Баһырыыкап* – сущ. *харангаччы* ‘ласточка’ и т. д.

Хищные птицы: *Мэкчиргэ Маачыын* – сущ. *мэкчиргэ* ‘сова’; *Хардааччы Анкыйыан* – сущ. *хардааччы* ‘ястреб’; *Мохсобол Осипов* – сущ. *мохсобол* ‘сокол-сапсан’; *Хаххан Кучюктин* – сущ. *хаххан* ‘бородатая неясыть’; *Хотой Өкөннөөйөп* – сущ. *хотой* ‘орел’.

Водоплавающие (утки): *Көбөн Тархаанан* – сущ. *көбөн* ‘кряква’; *Куба Одьураайан* – сущ. *куба* ‘лебедь’; *Куллуруут* – сущ. *куллуруут* ‘кулик; бекас сибирский’; *Кус Харах Бүттүгүнээнэп* – сущ. *кус* ‘утка’, сущ. *харах* ‘глаза’; букв. ‘Утиные Глаза’, жен. *Кус Харах, Тыйаах* – сущ. *тыйаах* ‘вид дикой утки: свиязь’, *Ураанай Боотур* – ‘предок сыланцев’; ~ от *ураанай* ‘название водяной курицы, лисухи’.

Болотные птицы: *Бараах Какин* – сущ. *бараах* ‘кулик полевой’; *Ангырдай* – сущ. *ангыр* ‘выпь’.

Зимующие птицы: *Тураах Ламин* – сущ. *тураах* ‘ворона’, *Суор Уола* ‘шаман, боровшийся с духом оспы’; сущ. *суор* ‘ворон’ [ИПРЯ, 1960, 2: 340], *Суор Эмээт* ‘один из первых князцов у бетюнских якутов’ [ИПРЯ, 1960, 2: 340], *Суордаайы (Суор Көтүмэх)* ‘один из четырех сыновей Кэлтэгэй Маатаха (белый шаман с половиной лица)’.

Лесная дичь: *Куртуйах Чэчэгээйэп* – сущ. *куртуйах* ‘тетерев’.

Рыбы: *Кыһыыдай (Кыһыытай)* – сущ. диал. *кыһыыдай* ‘красноглазка, сибирская плотва’ [ДСЯЯ, 1976: 139]; *Алыһар Сөкүчээйэп* – сущ. *алыһар* ‘окунь озерный’; *Мундукаан* – сущ. *мунду* ‘гольян’; *Собо, Собоолоох* – сущ. *собо* ‘карась’, ‘с карасем’; *Туурчах* – сущ. *тууччах* ‘нельма’.

Земноводные и пресмыкающиеся: *Баҕа Марсаахыын, Баҕалыыр Моркуунап* – от сущ. *баҕа* ‘лягушка’; *Алчах Кутетеев* – сущ. диал. *алчах (аччах)* ‘лягушка’; *Сыланг* – от сущ. диал. *сыланг* ‘змея’; *Моҕой Боотур* – от сущ. *моҕой*, букв. ‘Змея Боотур’.

Насекомые: *Этэбэ Көскөөйөп* – сущ. *этэбэ* ‘бокоплав’; *Хорохой Халтаанан* – сущ. диал. *хорохой* ‘оса’; *Күрдьэбэс* – сущ. *күрдьэбэс* ‘червь’; ср.: др.-тюрк. *qurt* ‘червь, змей’; *Аһыыка* – от сущ. диал. *аһынга* ‘крупная кобылка’; *Бырдах Бүкүчээйэп* – сущ. *бырдах* ‘комар’; *Быт Саахтаахан* – сущ. *быт* ‘вошь’; *Чоху Модьунаайан* – сущ. *чоху* ‘водяной жук, водолюб’; *Күүгэс* – сущ. *күүгэс* ‘златоглазик овод, вид слепня’; *Ообуй Хаччыкаанан* – сущ. *ообуй* ‘паук’.

В языке и культуре саха принято разделять названия домашних животных от домашнего скота. **Домашний скот:** *Сылгы Бүгдүүкэп* – сущ. *сылгы* ‘общее название лошадей, кобыл, жеребцов’; *Торбос Одурууйан* – сущ. *торбос* ‘теленок в первое лето после отёла’; *Убаһа Булгуев* – сущ. *убаһа* ‘жеребенок с первой осени до года’; *Кур Обус* – сущ. *обус* ‘бык’, букв. ‘откормленный бык’, *Эскэл Тый* ‘двухгодовалый жеребенок’, *Эмньик Күлун* ‘жеребенок (с рождения и до шести-семи месяцев)’, прилаг. *эмньик* ‘сосунок, пасущийся с матерью’.

Домашние животные: *Ыт кыыһа Дабаахан* – букв. ‘Дочь Собаки’, *Ыт Кыыс Чоокуун* – букв. ‘Дочь Собаки’, *Ыт Чаахан, Ыттаах Күртэ* ‘боотур из Курбусахского рода’, *Ыт Тириилээх* ‘богач из Баягантайского улуса’ – сущ. *ыт* ‘собака’, *Үнүгэс Муруукун* – сущ. *үнүгэс* ‘щенок’. В тюркских языках: хак. *Түктшин* ‘пушистая белка’ [ЛИХ, 1993: 58]; тув. *Улар-оол* ‘снежная куропатка’ [Сувандии, 2004: 23]; шор. *Иткулук* ‘собачьи уши’ [Косточаков, 1995: 116]; кирг. *Бака* ‘лягушка’ [Жапаров, 1989: 130]; тат. *Кушбаиш* ‘крохаль’; башк. *Эттеймэс* ‘собака не съест, не тронет’ [Шайхулов, 1991: 138, 139].

Заметки по зооморфным именам

– аффикс *-ан* отмечают как образующий отглагольное имя и отыменное образование с семантикой увеличительности: *jylan* ‘змея’ [СИГТЯ, 2001: 468]: диал. *сылан* ‘змея’, *Сылан* ‘название наслег’;

– однозначно, что некоторые ЛИС тесно связаны с названиями тотемных животных: *куба* ‘лебедь’, *суор* ‘ворон’, *сылгы* ‘лошадь’, *тиинг* ‘белка’, *моботой* (*муруку*) ‘бурундук’, *эһэ* ‘медведь’, *бараах* ‘кулик’, *саһыл* ‘лиса’, *бэдэр* ‘рысь’, *мэкчиргэ* ‘сова’. Почитание этих животных восходит к общему пласту верований таежно-тундровых охотников Восточной Сибири как часть промыслового культа [Алексеев, 2008: 46, 47, 50]. Тотемные имена, по В. А. Никонову, входят в группу «имен-меморативов», но в данном случае их тотемность завуалирована, в них доминирует дескриптивный признак, связанный с внешностью, характером, поведением носителя имени. В тюркских языках зоофорные имена чаще относят к именам-дезидеративам, мотивация которых акцентирует внимание на пожелание храбрости, быстроты, ловкости, как у животных;

– разнообразие ЛИС раскрывает богатство местного якутского ландшафта и свидетельствует об их якутском происхождении. Общетюркские лексемы *сылгы*, *сылан*, *ыт* репрезентируют южный след в лексике саха;

– отмечаются диалектные единицы: *сылан*, *муруку*, *аһыыка*, *хорохой*, *кыһыыдай*, *далбарай*, *күрдүгэс*;

– ЛИС *Хахай* ‘лев’, вероятно, восходит к ЭИ, например, *Ытык Хахайдаан удабан* букв. ‘Почтенная Львица шаманка’ [Филиппова, 2016: 62]; В ходе исследования нами выявлены следующие имена: ласкат. *Хахайалыыр эбэлээх* ‘бабушка его *Хахай*’ [Пекарский, 1959: стлб. 3415]; *Лакса Хахай*: «до 40 лет не мог ходить. Сын удаганки Ингэри. Впоследствии он стал шаманом» [Боло, 1994: 221]. Неприущий животному миру современной Якутии *хахай*, скорее всего, имеет религиозные корни. Например, в имени хозяина-духа огня упоминается *хахай*: «Бу Айыы Тойон ылгын уола Далан Дарган Маган Дьылбэк, Байабат дьоло, Атара Кутурук, Албас Тынырах, *Хахай Сангыях*, Бэдэр Бэргэһэ, Кындыс Кымныы, Кыыра Бырдыа тойон эһэм, Аал Уот иччитэ эн буолабын» [Худяков, 1969: 260]. Дух-хозяин огня имеет шубу из льиной шкуры. *Сангыях* у В. Л. Серошевского переводится как *львиный плащ* [Серошевский, 1993: 183, 184];

– названия мелких, малозначимых представителей фауны, вероятно, давали ребенку, чтобы он не привлекал злых духов. Такое представление есть, например, у киргизов: *Чымын* ‘муха’, *Бака* ‘лягушка’ [Жапаров, 1989: 130];

– древнетюркская лексика возводит собирательное название *сылгы=jy'lku* к культуре лошади, который присутствует у всех южно-сибирских тюрков [СИГТЯ, 2001: 722]. Онимизированные названия животного мира, вероятно, имеют наиболее древние корни. Например, по некоторым наблюдениям, «формы почитания птиц и животных представляли собой, в сущности, прообразы божеств из якутского пантеона, (...) процесс развития и разложения родоплеменных отношений, превращаясь в антропоморфные облики небесных богов» [Гоголев, 1980: 70]. В доказательство к этому существуют этнографические заметки В. Л. Серошевского: «... каждый родовой союз имел родовой знак в виде почитаемого животного или птицы, например, названия у родов Колымского улуса из рода Хангалас были: *Саһыл* ‘лиса’, *Эһэ* ‘медведь’» [Серошевский, 1993: 454]. Одинаковое имя с животным предполагает думать и о «существовании таинственной и значительной связи между их личностью и этой животной породой – кровным родством, из которого вытекают все тотемистические предписания» [Фрейд, 1923: 122].

Фитофорные имена

Силиргэх Үйүөлгүн – сущ. *силиргэх* ‘корневище’; *Кучукта Өрөнгөйөп* – сущ. диал. *кучукта* ‘название растения, которое раньше привозили с речки Уды и лечили с его помощью разные болезни’; *Лэбин* – сущ. *лэбэн-түөрэ* ‘лекарственная полевая травка, крестовник’; *Мутук Откооноп* – сущ. *мутук* ‘ветка, сук’; *Мутукча Бахсыылын* – сущ. *мутукча* ‘хвоя лиственницы, ветка лиственницы’; *Сымала Өһүргүүйэн* – сущ. *сымала* ‘смола’; *Туораах Ньургийшин* – сущ. *туораах* ‘шишка’; *Хатырык Былчанаайап* – сущ. *хатырык* ‘наружный покров ствола, стебля хвойных деревьев, древесная кора’; *Кэнчээри* – сущ. *кэнчээри* ‘отава’, бур. *хэнзэ* ‘вторая трава; отава’ [БМРС, 1951: 628], Н. К. Антонов полагает, что *кэнчээри* произошло от др.-тюрк. *kejın* ‘затем, после’ [Антонов, 1971: 20]; *Манчаары* – сущ. *манчаары* ‘аир болотный’, жен. *Сиибиктэ* – сущ. *сиибиктэ* ‘хвощ пестрый’; *Чагда* – сущ. *чагда* ‘сосновый лес’; *Харыйа* – сущ. *харыйа* ‘ель’; *Бэс* – сущ. *бэс* ‘сосна’; ‘имя родоначальника Сыгатского наслега Холгуминского наслега Меитского улуса’; *Мас Булгунньах* – сущ. *мас* ‘дерево’, *Мастый* ‘одеревенеть; отвердеть’; *От Сыалдыа* – сущ. от ‘трава; зелень’; ‘*Сыалдыа ууһа* – название рода в наслеге Хамаҕатта’; сущ. *сыалдыа* ‘короткие штаны, сшитые из выделанной кожи, натазники; вероятно, имя обозначает человека с короткими штанами, связанными из травы’; *Өлөҥ Төбө* – сущ. *өлөҥ* ‘манник болотный; трава с бледным цветком’;

ср.: др.-тюрк. архетип, отглагольное существительное **ölöy* ‘трава (зелень)’ [СИГТЯ, 2001: 119], ‘почтительное имя родоначальника наследия *Болтоно*, вместо обычного *Урун Бас*’, ‘обозначает волосы с выцветшим цветом, седые волосы’; послов. *өлөн эрэр өлөнтөн тутуһар* ‘умирающий (утопающий) хватается за траву өлөн’; *Удьюрбай* – сущ. *удьюрбай* ‘корневое утолщение березы’, *Сугуннаах Суотту* – от сущ. *сугун* ‘голубика’; *Тиит Уол* – сущ. *тиит* ‘лиственница’; ср.: п.-тюрк. **tūt*; тув. *dyt*; тоф., хак., шор., др.-уйг. *tut* ‘лиственница’ [СИГТЯ, 2006: 402], жен. *Сардаана* ‘саранка, лилия даурская’, жен. *Ньюргуһун* ‘прострел, подснежник’.

Ср.: тув. *Дыт-оол* ‘лиственница-парень’, *Хадын-кыс* ‘береза-девочка’, *Терек-оол* ‘тополь-парень’ [Сувандии, 2004: 18].

Имена, связанные с военной лексикой

Амыдай уола Батас, *Батас Мөндүкээн* – сущ. *батас* ‘древнее воинское оружие, пальма’; *Онобос Дьокин* – сущ. *онобос* ‘в старину: стрела, применяемая в основном на охоте (обычно на зайцев), боевая стрела’; *Боотур*, *Боотур Бобуруон* – сущ. *боотур* ‘у древних якутов: человек большой физической силы, обладающий также воинской выучкой, воин, витязь’; *Бөтөс Мочойуукап* – сущ. *бөтөс* ‘молодой человек, полагающийся в своих поступках большей частью на свою физическую силу и энергию, молодчик’; *Кылысхан* – от сущ. *кылыс* ‘старинное якутское холодное оружие с односторонней заточкой, похожее на нож, но большее по размеру, разновидность палаша’; *Хотокоон* – от сущ., диал. *хотохоон* ‘охотничий нож, похожий на пальму, с более широким острием, длиной в две пяди’, является заимствованием от эвенк. *котокон* ‘ножик, ножичек’ [Мыреева, 2004: 306]; *Болотой Оххон (Молотой Оххон)* – сущ. *болот* ‘у древних якутов: обоюдоострый выгнутый меч с короткой рукояткой; один из четырех сыновей *Эллэйэ*, имевший сына *Мэнэ*, родоначальника Мегинского улуса’. Аппелятив *болот* в качестве основы ЛИ в значении ‘сталь’ широко распространен не только в тюркских, но и кавказских языках как заимствованный пласт: авар. *Булат*, *Булатгаджи*, *Булатхан*; адыг. (черкес.) *Болет*, *Булат* ‘сталь, булат’, *Тембулат*, *Тембот* ‘темир+булат; стяженная форма от *Темболот*’; ингуш. *Булат*, *Тембулат*, *Темурбулат*; калм. *Болд*, *Болду* ‘сталь, стальной’, *Болдчи* ‘сталеплавильщик’; карач.-балкар. *Бекбулат* – *бек* ‘крепкий, сильный’ + *булат* ‘особый род стали для клинков’, *Биболат* – *бий* ‘божество, священный’ + *болат*, *булат* ‘особая сталь для мечей, либо клинок’, *Болат* ‘сталь особого рода для изготовления клинков особой прочности, или реже сам

клинок', *Темирбулат* 'железный меч'; кумык. *Бекболат*, *Бекбулат*, *Бийболат*, *Бийбулат*, *Болат*, *Темирболат*, *Темирбулат*, *Токболат*, *Токбулат*; лакск. *Темирбулат*; ногой. *Бекболат*; осет. *Темболат*, *Темирболат*, *Темурболат*; табасаран. *Булат*; чечен. *Темирболат*, *Тимарбулат* [Сводный словарь..., 2012]. По сравнению с представленными ЛИ, в ЛИС *болот* в значении 'меч, оружие' выраженно доминирует; *Бухатыыр* – сущ., фолькл. *бухатыыр* 'главный герой якутского героического эпоса олонхо, защитник Среднего мира, обладающий силой, равной половине силы всего мира, и его противник'; *Ингэрчэ* – сущ. 'сухожильная обмотка лука и стрелы (для придания большей прочности и эластичности)'; *Куйахаан* – от сущ. *куйах* 'щит; носящий щит'; *Кустук Бэргэн* – сущ., устар. *кустук* 'боевая стрела или наконечник стрелы (преимущественно треугольной формы)' и т. д.

В данную группу были привлечены ЛИС с апеллятивами, обозначающими тематику войны и оружия, так как «обученному военному искусству человеку давали имена, как-то связанные с его профессией, или облекали грозными эпитетами» [Васильев, 1995: 131]. Военное дело якутов отслеживается в фольклорных именах: апеллятивы *баатыр/боотур*, *бөбө*, *бөтөс*, обозначающие статус или титул, чаще присутствуют как антропокомпонент в постпозиции. В тюркских языках данная группа относится к дезидеративным именам, но в именнике саха доминирует значение, связанное с обозначением принадлежности к определенному сословию, следовательно, имеют описательный характер, обозначают внешние признаки (одежда, наличие оружия), качество человека (быстрота, смелость, удаля). А в современном именнике саха, напротив, прослеживается общетюркская дезидеративная мотивация, например, в новообразовании *Кылысхан* 'будь острым на язык' или 'будь воинственным'. В тюркских языках: др.-тюрк. *Volat Buqa Inal*, где *bolat* 'сталь', *buqa* 'бык', *inal* 'титул', *Qylyç*, *Qylyç han* 'меч' [Махпиров, 1997: 181, 183]; кирг. *Кылыч* 'меч, сабля', *Болот* 'сталь' [Жапаров, 1989: 137]; башк. *Булатбай* 'сталь высшего сорта' [Кусимова, Биккулова, 2010: 40]; хак. *Саадах* 'колчан для стрел' [ЛИХ, 1993: 44].

Имена, происходящие от названий национальных блюд

Харта Күчүнээһэн, *Хатта* – сущ. *харта* 'толстая кишка лошади; блюдо, приготовленное из конской толстой кишки – одно из любимых блюд якутов'; *Хохту* – сущ., устар. *хохту* 'вяленый озерный гольян'; *Кымыс Мандыраакап* – сущ. *кымыс* 'кисломолочный напиток из кобыльего молока, кумыс'; *Лыыба Тумуукап* – сущ., устар. *лыыба*

‘озерный гольян осеннего улова, которым запасаются впрок, заквашивая его в специальных коробах (употребляли в пищу зимой, после заморозания)’; *Сыма* – сущ., устар.: ‘мелкая рыба (гольян озерный), заквашенная в вырытых для этого ямах, выложенных лиственничной корой; большой кожаный мешок для перевозки и хранения вещей’; *Алаадды* – от заим. сущ. ‘оладья’, «‘ИС Оладья’, из греческого ‘масло’» [Фасмер, 1987: 133]; *Арыы Сыалдыа* – сущ. *арыы* ‘масло’, *сыалдыа* ‘натазник’, ‘натазник, смазанный маслом’; *Аһылык* – сущ. *аһылык* ‘человеческая пища, еда’; *Ноннойо, Нонной Дебягин* – сущ., диал. Аллаиховского улуса, *нонной тар* ‘круг замороженной простокваши’ [ДСЯЯ, 1976: 175]; *Хайахсыт* – от сущ. *хайах* ‘сливочное масло, сбитое в теплом молоке, пахте или простокваше, употребляемое в замороженном виде’.

Как точно было подмечено, «каждое блюдо – это мысль и суждение о мире, ... высказывание о бытии» [Гачев, 1995: 57], данная подгруппа имен наиболее ярко репрезентирует локальность их образования. У тувинцев, кыргызов, хакасов, шорцев в основном сохранились имена, связанные с названиями молочных, мясных блюд, зерновых культур: кирг. *Кымызай* ‘кумыс’ [Жапаров, 1989: 137]; тув. *Сүттүг-оол* ‘молочный’, *Тарак-оол* ‘простокваша’ [Сувандии, 2004: 30]; хак. *Көптүргес* ‘лепешка’ [ЛИХ 1993: 25]; шор. *Тромаш* – от *торум* ‘шишка’ [Косточаков, 1995: 118]. В именнике саха мы видим ЛИ, исходящие от названий рыбных и специфических молочных блюд, которые могли образоваться только в условиях холодного климата, вечной мерзлоты: *лыыба, сыма, хохту, хайах*.

Имена, данные по виду ландшафта

Айаан Мэкчиргин – сущ. *айаан* ‘заросшее кустарником старое русло реки, соединяющееся с рекой в половодье; долина реки у устья’; *Байбал Митиирэн* – сущ. *байбал* ‘море, океан’; *Адылбах* – сущ. *адылбах* ‘место между озером и лесом, загроможденное валежником’; *Таас Одурууйан, Таас Уллунах* – сущ. *таас* ‘камень’. В пратюркской АС реконструируется как **taš*. В тюркских ЛИ компонент *taš* присутствует преимущественно в мужских именах, хотя в киргизском именнике отмечены и женские имена: *Taš bībi, Taš tata*. В именнике саха препозиционный *таас* обозначает ‘крепость, твердость’ как вторичная сравнительная метафоризация [СИГТЯ, 2006: 689, 690].

В эту группу мы также относим следующие новообразования: жен. *Вилюяна* – от топонима *Булуу* ‘название реки’, *Туймаада* – от топонима ‘название долины реки *Лена*, где стоит город *Якутск*’, *Сайсары* – от топонима ‘название священного озера *Сайсары* (*Сахсары*)

в долине *Туймаада*’, *Нюрбина* – от топонима *Ньурба* ‘название улуса’, муж. *Тойбохой* – от топонима ‘название местности в Сунтарском улусе’. Немногочисленность имен в данной подгруппе объясняется тем, что большинство собственно ландшафтных имен, например, фитонимов, было включено в другую подгруппу. В именнике саха мало ЛЛИ, связанных с рельефом местности. Вероятно, это связано с тем, что якуты не отождествляют пространственно-временные названия с конкретным человеком.

Имена, связанные с природными явлениями, временами года

Ардах Ыктыгааран – сущ. *ардах* ‘дождь’; *Куйаас Тутуукун* – сущ. *куйаас* ‘жара, зной’, прилаг. ‘жаркий, знойный’; *Сайынны* – от сущ. *сайын* ‘лето; летний’; *Самыыр* – сущ. *самыыр* ‘дождь’; *Сиик Тэмэ-гээрэп* – сущ. *сиик* ‘роса’; *Толон* – сущ. *толон* ‘ослепительный свет, луч, сияние небесных светил; крупный град’; *Сааскылаан* – от сущ. *саас* ‘весна’; *Сайыына* – от сущ. *сайын* ‘лето; летняя, рожденная летом’; *Хаарчаан* – от сущ. *хаар* ‘снег’; *Чабылбан* – сущ. *чабылбан* ‘молния, гроза, сверкающий, блестящий, сияющий, испускающий лучи, лучезарный, блеск, блистание’. Многие апеллятивы из этой группы мы включили в имена-космонимы ввиду их мифологического характера, связанного с культом солнца. Непроизводные основы данной группы относятся к общетюркской лексике.

Имена, связанные с металлом

Алтан, Бадаба Алтан – сущ. *алтан* ‘медь’. Слово *алтан* является не только свидетельством развитой металлургии у якутов, но и особой культурной коннотацией значения, так как только в якутском языке *алтан* имеет значение ‘медь’, за исключением *алтан түөстээх* ‘златогрудый(ая)’, *алтан унуох* ‘золотые кости’, *алтан сэргэ* ‘золотая коновязь’ в фольклорных текстах, в олонхо, где *алтан* ‘золотой; золотой’ [Попов, 2003: 72]. Значение *алтын* в тюркских языках можно проследить по Г. Г. Левину: як. *алтан* ‘медь’; орх. *алтун* ‘золото’; уйг. (рун.) *алтун* ‘золото’; алт. *алтын* ‘золото’; хак. *алтын* ‘золото’; тув. *алдын* ‘золото’; кирг. *алтын* ‘золото’; уйг. *алтун* ‘золото’; монг. *алт(ан)* ‘золото, золотой’; бур. *алта(н)* ‘золото’; ср.-монг., п. монг. *altan* ‘золото’ [Левин, 2013: 126]. В тюркских языках: др.-тюрк. *Altun tarim*, *Altun Tamgan Tarnan* ‘прозвища знатных женщин’, ‘золото’ [Махпиров, 1997: 183]; тув. *Алдынчы* ‘рабочий золотых приисков’ [Сувандии, 2004: 29]; хак. *Алтын Мирген* ‘золотой стрелок’, *Алтын Чага* ‘золо-

той ворот’ [ЛИХ, 1993: 14]; шор. *Алтынай* ‘золото, золотой’ [Косточаков, 1995: 118]; азерб. *Алтун/Алтын*; казах. *Алтын*; татар. *Алтын, Алтынбай*; совр. узбек. *Алтын* ‘драгоценный металл; золотая монета’ [Алиев, 1989: 91–92]; башк. *Алтынгужа* ‘золото+хозяин’ [Кусимова, Биккулова, 2010: 30].

Тимир Баатыран (*Тимир* (*Тимиряй, Тюмireй*) *Батырев*), *Тимир Дыбылынгса* ‘человек с тремя тенями и семьей хитростями’, *Тимир Сөгүян*, *Тимир Суодалбы* (шаман), *Тимирдээйи*, *Тимир Чаранчылаах* ‘имя древнего шамана; *чаранчы* ‘kozyрек’, букв. ‘С Железным Козырьком’, *Тимир Айах* ‘Железный Рот’ – сущ. *тимир* ‘железо; железный’. Общетюркский антропокомпонент *тимир* в именнике саха является самостоятельной непроизводной основой имени в препозиции. Ср.: др.-тюрк. *Temir, Temir Qaja* [Махпиров, 1997: 207]; *Чаалбаан Мохсойун* – сущ. *чаалбаан* ‘жест, жестяной’; *Көмүс Дайыылап* – сущ. *көмүс* ‘благородный, драгоценный металл; золото или серебро’.

Имена, связанные с традиционными занятиями

Скотоводство: *Атырдыах* – сущ. *атырдыах* ‘сельскохозяйственное орудие для метания и укладки сена в копны, вилы; изготавливается из лиственницы’; *Көпсө Бэрчээхэн* – сущ., устар. *көпсө* ‘бечевка, вязка, сплетенная из тонкого тальника; кольцо, свитое из тальника или молодой березы, надеваемое на макушку урасы (берестяной юрты) для скрепления жердей’; *Титишк Сүдээрэн* – сущ. *титишк* ‘летний хлев для скота, постройка, служащая для доения коров’; *Күрүө Хаптаҕайаан* – сущ. *күрүө* ‘изгородь (вокруг стога, покоса, пашни и т. п.); загон для временного содержания скота, лошадей; огороженное место’; *Кыланыйык уола Сыбах* – сущ. *сыбах* ‘глина или навоз, которыми обмазывают хлев, юрту, дом’; *Буор* – сущ. *буор* ‘земля, верхний слой почвы; земельный надел, выдаваемый обычно за уплату налога, ясака; название рода во 2-м Холгуминском наслеге Мегинского улуса’; *Чомой* – сущ. *чомой* ‘подсобный рожон, прикрепляемый к прямой рукояти вил; подсобный работник, помощник’; *Обуур Сонтобоойон* – сущ. *обуур* ‘шест с веревочной петлей на конце, аркан для ловли скота’.

Коневодство: *Сэргэ Эркэбишлэн* – сущ. *сэргэ* ‘в старину: устанавливаемый перед входом в дом, т. е. с восточной стороны, столб для привязывания лошадей, коновязь’; монг., п. монг. *ĉerge*, халх.-монг. *tseryg*, бур. *serge*; *Сулар Тыымкын* – сущ. *сулар* ‘недоуздок’, др.-тюрк. *jular*, тув. *чулар*, алт. *дьюлар*; *Тэһиин* – сущ. *тэһиин* ‘повод, поводья’; *Булгуй* – глаг. *булгуй* ‘освободиться от запряжки, отбрасывая ярмо, распрягаться’, от монг. >*bū* ‘садиться, спуститься, сходить’, п. монг.

баҕулҕа, орд., бур. *būlga*, халх.-монг. *būlgo* ‘сойти, убрать, распрягать, расслабить’; *Обуруолаах Ойуун* – сущ., разг. *обуруо* ‘веревка, тонкий ремень для прикрепления к недоуздку’ (вероятно, от *обуур* ‘аркан, силок’).

Рыболовство: *Оночо Бүттээһэн* – сущ. *оночо* ‘лодка, ладья’, монг., п. монг. *онгис*, бур. *оҥосо* ‘лодка’ [Калужинский, 1963: 121л]; *Баҕадья* – от сущ., диал. *баҕадьы* ‘большая рыболовная сеть, невод для коллективного рыболовства’; п. монг. *bajaṣi* ‘инструмент, орудие’.

Кузнечное дело: *Балта Өрсүнээйэн* – сущ. *балта* ‘большой кузнечный молот’; *Кыһа Быччаахан* – сущ. *кыһа* ‘кузнечный горн’; *Чочу, Чочу Кылыһыһыт* – сущ. *чочу* ‘точило, точильный камень’. Аппеллятивная лексика данной группы имен восходит к древнетюркскому: *кыһа* ~ **qiza* ‘горн’, *балта* ~ **paltu* ‘топор’ [СИГТЯ, 2001: 414].

Охотничий промысел: *Добуур* – сущ. *добуур* ‘силки для ловли мелких птиц, прикрепляемые к деревянному шесту, доске’; *Чаархаан* – от сущ. *чааркаан* ‘капкан на мелких зверей’. *Добуур* возводят к др.-тюрк. *tōr* ‘сеть для ловли птиц’ [СИГТЯ, 2001: 419]. Вероятно, происходит от як. *обуур* ‘шест с веревочной петлей на конце, аркан’; ср. др.-тюрк. *ау* ‘силок, ловушка’, *оүрү* ‘скрытый, незаметный’: *iglädi tēniḡ abaḡ / körmäbip oḡri tuzaḡ* ‘я наступил ногой, не заметив скрытую ловушку’, *оүрүла-* ‘скрывать, прятать’ [ДТС, 1969: 16, 363, 365].

Оленеводство: *Күрэй Кюпкин* – сущ. *күрэй* ‘шест для управления оленями, хорей’.

Судопроизводство: *Дьүүл* – сущ. *дьүүл* ‘судебное разбирательство’; *Дьаһал Сүргүүйэн* – сущ. *дьаһал* ‘распоряжение, приказ, поручение’.

В ЛИС данной группы представлены основные виды традиционного хозяйства, связанного с местным ландшафтом, т. е. аппеллятивы данных групп имеют якутское происхождение. Связь с общетюркской лексикой репрезентируется непроечными основами, например *арчы*. В данной подгруппе есть лексемы монгольского происхождения: диал. *баҕадья*, *оночо* (рыболовство), *булгуй*, *сэргэ* (коневодство). Присутствие микрогруппы «судопроизводство» является условным, хотя семантически выявляются пристрастия или профессии, которые имеют место в жизни саха XVII–XVIII вв.

Имена, связанные с предметами быта

Орудие труда, утварь. *Мас Тараах Хонойуун* – букв. *Мас Тараах* ‘Деревянный Гребень’; *Сатанах Жолин* – сущ., устар. *сатанах* ‘в старину: столб в якутской юрте или во дворе перед домом из бревна, на котором в верхней части оставлены обрезанные сучья для вешания грубых вещей, старинная вешалка’; *Хатат Чигдин* – сущ., устар.

хатат ‘кусок чистой стали или камня для обтачивания лезвия чего-л. или высекания огня из кремня, огниво, кресало’; *Чокуур Одукаев* – сущ. *чокуур* ‘кремень’; *Бүргэс Хаахын* – сущ. *бүргэс* ‘шило’; *Матаба Сылгыһын* – сущ. *матаба* ‘небольшая сумка, котомка, изготовленная из кожи животных или рыб’; *Өнчөх* – сущ. *өнчөх* ‘спинка ножа, обух’, монг., п. монг. *önčig*, калм. *öntsäg* ‘угол, кант’, бур. *wnseg* ‘обух топора’; *Силим* – сущ. *силим* ‘клей’; *Солуур* – сущ., разг. *солуур* ‘ведро’; *Сүгэ Түһүүнэп* – сущ. *сүгэ* ‘топор’, монг. *süke* [Калужинский, 1963: 108л]; *Ханпар Кыһалбаанан* – сущ. *ханпар* ‘небольшая кожаная или ровдужная сумочка (кошелек, кисет, мешочек), подвязываемая к поясу вместо кармана или надеваемая через плечо, для хранения мелочи (напр., наперстка, игольника, трубки, огнива)’; *Тымтык* – сущ. *тымтык* ‘лучина – в старину использовалась в помещении вместо свечи’.

Посуда: *Чабычахаан Дырдыев* – сущ. *чабычах* ‘широкая плоская берестяная посуда в виде чаши’; *Атыйах Күлүкээнэп* – сущ. *атыйах* ‘берестяное или деревянное лукошко, предназначенное для воды или хранения, содержания рыбы’; *Хамыйах Мардыахаайан* – сущ. *хамыйах* ‘деревянный черпак, половник, деревянная поварешка (обычно из березы)’; *Хомуос Күлүкээнэп* – сущ. *хомуос* ‘ковш, черпак; др.-тюрк. *qatıç* ‘черпак, ковш’; *Балхах* – сущ. *балхах* ‘деревянная долбленая посуда’; *Холлобостуур* – от сущ. *холлобос* ‘большая берестяная посуда в виде бочки для хранения кумыса, простокваши’ или от сущ. *холлобос* ‘остов, сруб стены дома, строения’; *Чохоо* – сущ. *чохоо* ‘небольшая, но глубокая деревянная чашка (чашечка) для молока к чаю и пр.’, монг. *šoyo bastāx* ‘круглоголовый’, п. монг. *šoqi* ‘выпуклая часть лба’, халх.-монг. *tsoxo* ‘неровные места на затылке’.

Одежда: *Дьабака* – сущ. *дьабака* ‘национальная якутская женская шапка: меховая изнутри и снаружи, высокая, закрывающая уши’; *Кэтинчэ* – сущ. *кэтинчэ* ‘суконные или меховые толстые носки, надеваемые с торбасами, сапогами’; *Сангыях Анныкаайан* – от сущ. *сабынньах* ‘дорожная меховая доха или шуба мехом наружу’; *Сутуруо Махчайаанан* – сущ. *сутуруо* ‘предмет традиционной одежды северных народов из меха или замши, покрывающий ноги от бедра до ступни, привязываемый ремешками к натазникам или к ремню, наколенник’; *Тэллэх Хаамынньын* – сущ. *тэллэх* ‘то, что подостлано, солома, шкура’; *Арыы Сылдыа* – сущ. *сылдыа* ‘короткие штаны, сшитые из выделанной кожи, натазники’; *Танас Болтоно* – сущ. *танас* ‘материал, из которого шьется одежда, белье или обувь, ткань, материя; имя виллойского якута’; *Утулук* – сущ. *утулук* ‘рукавицы, варежки’; *Халаабыс* – сущ. *халаабыс* ‘мешок, торба из ровдуги (замши),

рыбьей кожи или из мочевого пузыря животного; калаус, калауш, калауз, кошелек для денег, у бедных он делается из мошонки порога; сума, сумочка, мешочек из оленьих камусов и ровдуги, с вышитым орнаментом по последней (у долган-якутов); др.-тюрк. *qala* ‘класть, складывать’; диал. *халабыс аях* ‘беззубый рот’; *Чончу* – сущ. *чончу* ‘круглая пуговица, привеска; отросток’, монг., п. монг. *toḅči*, бур. *toḅḷo*, калм. *toḅṣi* ‘кнопка, пуговица’ [Калужинский, 1963: 91л]. В тюрк. яз.: кирг. *Топчу* ‘пуговица’ [Жапаров, 1989: 136].

Имена, связанные с названиями болезней (их последствиями)

Модьун Кыччаахан – сущ. *модьун* ‘лишай стригущий’; *Сэллик-тэй* – от сущ. *сэллик* ‘туберкулез, чахоточник’; ср.: тув. *челбик* ‘простуда, простуженный’; др.-тюрк. *jelpik* ‘дух болезни’ [ДТС, 1969: 255]; *Чалхах* – вероятно, от сущ. *чалахай* ‘слизь, густая, тягучая слюна’, ‘облачная пелена; водянистая, пенистая нечистота’ [Пекарский, 1959, III: 3564]; *Тумуу* – сущ. *тумуу* ‘насморк’. Данная группа ЛИС связана с состоянием человека, его внешностью, а также может быть мотивирована обстоятельствами рождения. Замечено, что нарицательные названия болезни табуируются и осознаются как личные имена, функционируя в мифологической модели мира. Тем самым, «называние болезни (вслух) может осмысляться как призывание ее: болезнь может прийти, услышав свое имя» [Лютман, 1992: 61]. В связи с этим очевидно, что имена данной микрогруппы являются малораспространенными.

Имена, связанные с обстоятельствами рождения

Бэлэх Дьүдьеэхэн – сущ. *бэлэх* ‘подарок, дар; религ. принесение даров духам перевала, местности с целью их задабривания; тюрк. *белек*; *Булумдью* – от сущ. *булумню* ‘то, что найдено, добыто как нужное, полезное для чего-л.; находка’; *Күрүөйэх Кылааһан* – сущ. *күрүөйэх* ‘беглец’; *Кыһалҕа Арчаахан* – сущ. *кыһалҕа* ‘страдания, мучения; нужда, лишения; хлопоты, забота о чем-л., думы о чем-л.’; *Киһилэй Тэйишингин* – сущ. *киһи* ‘человек; вероятно, от *киһи-хара буол* ‘стать человеком, повзрослеть’; *Ороһу Батакаев* – сущ. *ороһу* ‘поздний, родившийся последним, припозднившийся’; алт. *орочы* ‘наследник, младший сын’; *Түөһэлбэ* – от глаг. *түөһэй* ‘выжить из ума, впадать в старческое слабоумие, детство’; *Түмүк Күлүкээнэн* – сущ. *түмүк* ‘заключительный, завершающий’; *Тирэх Онкин* – прилаг. *тирэх* ‘являющийся опорой, оказывающий поддержку’; др.-тюрк. *тиргүк* ‘опора’; кирг. *тирек* ‘подпорка, опора’; уйг. *тирэк* ‘опора, подпорка, подстав-

ка; стойка, упор»; чув. *терек* ‘оплот’; *Эбилик* – сущ. *эби* ‘прибавка, добавка; прибавление’; *Тобох Тюкюнин* – сущ., перен. *тобох* ‘последний из рода; алт. *томык* ‘остатки’; *Өйөөбүт Моҗоччоохон* – от глаг. *өйөө* ‘поддерживать, помогать’; ср.: кирг. *сүйө*, ног. *субе* ‘прислонять, подпирать’; *Төлөбүр* – сущ. *төлөбүр* ‘плата, оплата, вознаграждение’; др.-тюрк. *töläč* ‘плата, возмещение’; алт. *төлү* ‘уплата, плата; долг’; *Иринньэх* – прилаг. *иринньэх* ‘болезненный, слабый, хилый, тщедушный; неокрепший, слабый’; тюрк. *иринчек, эринчек* ‘ленивый’.

3.1.1. Образные личные имена

Анализ ЛИС дохристианского времени показывает, что существенная доля ЛИС принадлежит образным именам, которые «выражают чувственные представления о движении, о признаках предмета и о внутреннем состоянии человека» [Харитонов, 1954: 200]. Основываясь на семантику основ, образные ЛИС мы включаем в категорию имен-дескриптивов, которые описывают отличительные признаки носителя имени, поскольку в основу любого образного слова лежит или зрительный образ, или чувственное восприятие. Образные ЛИС в свою очередь мы подразделяем на три подгруппы: **имя-движение**, **имя-оценка**, **имя-характер**.

Имя-движение

Данная подгруппа в группе описательных имен имеет самый большой объем. «В силу своей эмоционально-экспрессивной изобразительной семантики» [ГСЯЛЯ, 1982: 376] она образует особую категорию, где доминирует *представление о движении*. В отличие от собственно образных слов, образующихся с помощью асемантического форматива *гын-* как показателя моментальности, мгновенности движения, образные ЛИС дают представление о движении тела в целом, частей тела, создавая образ, связанный с психикой, с характером человека, составляя образную психосоматику.

Мужские имена: *Бахчангыр* – от глаг. *бахчай* ‘широко расставлять кривые или слегка согнутые ноги’, *-гнаа* – аффикс, выражающий равномерно-кратное значение; *Бэдьэй Куйахын* – от образ. глаг. *бэдьэй* ‘бежать трусцой’; прилаг. *бэдьэн* ‘медленный’; глаг. *бэдьэнгэлээ* ‘быстро шагать или бегать мелкими шажками’; *Бытаан Иттигинээйэл* – от прилаг. *бытаан* ‘медленный, медлительный’; *Бэкэйэн* – от образ. глаг. *бэкий* ‘быть высоким, поджарым и сутуловатым’. Аффикс *-(и)* обозначает движение, поэтому значение имени переходит в *бэкий* ‘высокий и поджарый сутуловатый человек, ходящий и держащийся

сутуловато, наклонившись вперед»; *Бэкэлдьийэ* – от глаг. *бэкэй* (*бэкий*) ‘описание движения высокого, поджарого и сутуловатого человека’. Аффикс *-лдьый* относит слово к «типу образных глаголов, имеющих характер осуждения, пренебрежения» [Николаева, 2014: 128]; *Быһый Элээнтийэп* – от прилаг. *быһый* ‘быстроногий, резвый, быстрый’; *Далланныыр* – от глаг. *даллай* ‘человек, ходящий с широко раскинутыми руками’. Аффикс *-гнаа* передает движение, происходящее непрерывно, равномерно, много раз; *Долгура Тэндийэйп* – от глаг. *долгур* ‘едва заметно качаться, колыхаться, волноваться; ходить едва колыхаясь’; *Дэгэрэн* – от сущ. *дэгэрэн* ‘быстрая ходьба, бег (на слегка приподнятых ногах, с подсакиванием на носках); ходящий быстро, как-будто на носках’; *Дьэргэй* – от глаг. *дьэргэй* ‘бросаться в глаза пестрой или особенно яркой, светлой окраской; не заниматься ничем полезным, проводить время впустую’; *Кыттыгынаан Кудугуев* – от образ. глаг. *кытыгырай* ‘идти, бежать частыми, мелкими шагами, быстро перебирая ножками’; *Лабынха Сүүрүк (Ланха Силик)* – вероятно, от прилаг. *лабанха* ‘надоедливо многословный, многоречивый, с частыми повторами; старший из шести сыновей *Эр Элэйэ*, впоследствии пропавший без вести; он считается первым шаманом, первым распространителем верований и обычаев якутов; песнопевец, заклинатель’; *Мөлбөстүүр* – от образ. глаг. *мөлбөй* ‘медленно нести себя, плыть, течь, подобно густой, однородной массе’; *Өгдөнөс* – от глаг. *өгдөй* ‘слегка приподниматься со своего места, привстать; приподнимающийся, непоседливый, непоседа’; *Суксур* – от образ. глаг. *суксуй* ‘лететь, идти вперед, пригнув голову; следующий за другими, хвостик’; от глагола *суксуй* ‘лететь, идти вперед, пригнув голову’; *Тиэтэйбин* – от глаг. *тиэтэй* ‘стараться делать что-л. как можно скорее, спешить, торопиться’; *Түөрэнгэй* – от прилаг. *түөрэн* ‘шаткий, неустойчивый’; *Тырылла* – от глаг. *тырылаа* ‘проториваться, проезживаться; волочиться по земле, оставлять непрерывный след’; аффикс *-(ла)* образует имена, обозначающие название действия, наподобие *-лта*: *дьаһалта* – распоряжение, распорядительность, *тэрилтэ* – организация, предприятие; *Тэбиэх* – от глаг. *тэп* ‘бить ногой, пинать кого-л’; в знач. ‘быстро передвигающийся, быстро ходит’; *Тэпсэнниир* – от глаг. *тэпсэннээ* ‘переступать с ноги на ногу, топтаться на месте’, ‘ходить туда-сюда, бесцельно проводить время, болтаться’, ‘ходит как-будто топчется на месте’; *Убаалаах Чычыгырыһан* – от прилаг. диал. *убаа* ‘вялый, медлительный, неповоротливый’; *Халбардыыр* – от глаг. *халбарый* ‘отодвинуться, посторониться, переместиться; ходящий в развалку’; *Халбар* – от обр. глаг. *халбай* ‘быть очень широким,

просторным, висеть (напр., о штанах); чрезмерно широкий, большой; с развалистой походкой; одежда, висящая мешком'; ср.: кирг. *калхай* 'нависать в виде щита, прикрытия', бур. *халхээ* 'развеваться (о платье)'; *Элс Быкеев* – от обр. глаг. *элс гын* 'промелькнуть, мгновенно, проскочить, прошмыгнуть'.

Женские имена: *Айбар* – сущ. *айбар* 'обилие, изобилие; с мешковатой походкой', *Айбар Аана* 'Развалюха Аана/Анна' [Пекарский, 1959, I: 34]; *Дэгэс* 'легко ходящая'. От глагола *дэгэй* 'двигаться, идти, бежать, легко ступая, едва касаясь земли'. Аффикс *-с* репрезентирует моментально-однократное действие, где превалирует значение однократности с оттенком быстроты движения; *Мөлөөттүүр* – вероятно, от прилаг. *мөд(л)өөт* 'медлительная' + *-ыыр* (аффикс, образующий существительные, наподобие: *хот+уур* (коса), *оонньоо+уур* (игрушка); *Саппайа* 'неотстающая, охвосток'; вероятно, от сущ. *саппай* 'короткие волосы у основания хвоста лошади и длинные волосы на конце хвоста коровы'; аффикс *-а* образует личные имена; ср.: фразеол. *саппай уобус* 'наступать на пятки кому-л.'; *Сыатангыыр* – вероятно, от сущ. *сыа* 'жир', *сыатыйы* 'ожирение', 'медленно движущаяся из-за чрезмерной тучности'; аффикс *-ннаа* – основное средство выражения равномерно-кратного значения образных глаголов. Он может присоединяться почти к любой первичной основе образного глагола, поэтому ЛИС с таким аффиксом могут образовываться практически безгранично; *Сэгэйээн* 'грациозная'. От прилаг. *сэгэй* 'быстрая, расторопная, проворная'; аффикс *-ээн* образует имена собственные, с оттенком ласкательности; *Сэгэйбэх* – от прилаг. *сэгэй* 'быстрая, расторопная, проворная; кокетка'; *-бэх* – омерзительный аффикс, служил для образования имен, обозначающих результат действия, в данном случае репрезентирует кокетливый, игривый характер, раскрывающийся в движениях женщины; *Муччангыыр* – в словарях не отмечено, вероятно, образовано от основы *мы-*, которая, видимо, используется в основах образных слов (глаголов), обозначающих формы, мимику, жесты, отражающиеся в выражении (в настроении) лица, например: *мылтайбыт* 'маленькое круглое личико с нежными чертами'; *мылайбыт* 'маленькое полное, обращенное немного вверх, миловидное лицо' [Сосин, 1937: 42л]; *муньягнаа* 'делать ужимки, гримасы, недовольное лицо'; *мылаарый* 'двигаться медленно, плавно, бросаясь в глаза своим округлым, широким лицом; *мытырый* 'улыбаться (о человеке с маленьким круглым пухлым лицом)'; *мычальый* 'искренне улыбаться, светиться улыбкой'; прилаг. *мырчыстабас* 'морщинистый (о лице)'; глаг. *мынаа* 'не сводить глаз с кого- или чего-л., уставиться

на кого- или что-л.’ Таким образом, *муччанныыр* обозначает ‘гримасничать, выражать недовольство, капризничать, делать что-л. нехотя’.

Как видно, имена данной группы образуются от образных глаголов, глаголов, имен прилагательных, отглагольных имен существительных. Мужские имена репрезентируют более широкие, размашистые движения тела или частей тела, а в женских именах улавливается сложный характер женщины, раскрывается более тонкий психологический портрет. Движения женщин более «округлые», медлительные или, наоборот, быстрые и легкие, но мелкие по амплитуде движения. Характер именования и женщин, и мужчин в большинстве примеров имеет принижающий акцент с пейоративным оттенком.

Имя-оценка

Признаки, описывающие рост, фигуру, тело, лицо типичных представителей саха, верифицируются этнографическими исследованиями. Например, Г. Ф. Паули описывал саха так: «Якуты, как правило, среднего размера, довольно прочной конституции и имеют широкие плечи; их физиогномика – это калмыцкая особенность, присущая их смеси с монгольской расой. У них черные глаза, маленькие и блестящие; черные волосы, сильная голова, короткая, толстая шея, овальное лицо и скулы очень выдающихся щек; их носы плоские и широкие, их оттенки – темные. Их зубы белые и хорошо расположены, губы пухлые, а уши часто оттопырены. Природа лишила их бороды; они носят очень короткие волосы, за исключением их голов. ... Сидя и верхом на лошади, их ноги изогнуты, делая их походку уродливой и неприглядной» [Pauly, 1862: 53]. А определение Н. Л. Геккера о саха, что они делятся на «скуластых и плосконосых и горбоносых длиннолицых» [Геккер, 1896], был впоследствии развит антропологом М. Г. Левиным, который относит саха к центральноазиатскому типу: «... прямые и умеренно тугие волосы, более темная по сравнению с байкальским типом (эвенки Северного Прибайкалья, ламуты, юагаиры) окраска кожи, глаз, волос, сильное развитие эпикантуса; ... лицо очень высокое, широкое, но менее уплощенное, чем у байкальского типа. Нос со сравнительно высоким переносьем, с прямой и часто выпуклой спинкой. Губы средней толщины. Рост ниже среднего (162–164 см). ... Голова ... очень длинная и широкая. ... Перечисленный комплекс антропологических признаков характерен в целом для якутов, для бурят, северных монголов и, по-видимому, для южных эвенков» [Левин, 1950: 58]. Антропологические данные указывают на типичные внешние признаки саха, которые, скорее всего, были отражены и в образных личных

именах. Учитывая, что «образное обычно предполагает оценку» [Шафиков, 2007: 8], данная подгруппа условно названа как «имя-оценка», где доминирующую роль играет *оценка* внешнего вида, формы и структуры тела человека, мимики лица.

Образные ЛИС подгруппы «имя-оценка» выделяют одну или общую особенность человека, создавая образ носителя имени. Как верно отмечает С. Д. Егинова, «... среди прилагательных, относящихся к частям тела человека, доминируют основы, характеризующие форму головы, лица и полости рта» [Егинова, 2014: 206]. В связи с разветвленностью классифицирующих признаков приведенные ЛИ в данной подгруппе не были разделены на мужские или женские имена.

Голова. *Арбай*, жен. – образ. глаг. *арбай* ‘быть растрепанным, взъерошенным, взлохмаченным (о волосах)’; *Будьур Бахчах* – прилаг. *будьур* ‘в мелких густых завитках, кудрях, курчавый (о волосах)’; *Күлтүрчэ Бөкөөхөп* – обр. глаг. *күлтүй* – быть круглым, шаровидным, наголо остриженным (о голове человека); калм. *күлти* ‘иметь голую (лысую) голову, быть лысым’; *Сиэллээх Ынгаахан* – сущ. *сиэл* ‘грива; с гривой’; *Сымыыт Сыраев* – сущ. *сымыыт* ‘яйцо’; *Тарабай Бэлтэ-гээрэн* – прилаг. *тарабай* ‘без волос, лысый’; монг. *тарабай* ‘парша на голове’; алт. *таракай* ‘голые скалы на вершинах’; *Тууста, Туустай-аан* ‘прозвище из песни, о якуте, у которого с головы постоянно сыплется эпидермис, напоминающий по виду соль’ [Пекарский, 1959, III: 2863]; *Халтан Нарабаанан* – прилаг. *халтан* ‘имеющий лысину, лысый’; *Хаччабай Енктев* – прилаг. *халчабай* ‘облысевший, лысеющий’; *Чолобор* – от обр. глаг. *чолос гын* ‘поднимать глаза наверх; с поднятым вверх лицом, невнимательный, шалун’; бран. ‘бездельник, бедокур, сорванец’; *Чолоох* – от обр. глаг. *чолос гын* ‘поднимать глаза наверх; мотающий головой, с задранной головой, с брошенной назад головой, длинношеий’.

Лицо. *Бөлтөгө* – от глаг. *бөлтөй* ‘округло выпячиваться, выпучиваться или иметь сильно выпуклый вид; толстолицый’; *Кэлтэгэй Маатах* – от прилаг., перен. *кэлтэгэй* ‘неполный, частичный, ограниченный, односторонний; имя белого шамана с половиной лица’; *Малтаха Барахайан* – от обр. глаг. *малай* ‘выделяться, бросаться в глаза своим чрезмерно широким, полным лицом’; ср.: монг. *малийх* ‘быть широколицым, скуластым; быть полнолицым’; халх. *мали* ‘иметь широкое лицо’; *Мардыаар Боройуун, Мардыалла* – от обр. глаг. *мардыай* ‘быть дряблым, широким, обрюзглым (о лице)’; *Молобор Уваровский* – от обр. глаг. *молой* ‘быть, казаться гладким, полным, выпуклым, продолговатым (о лице)’; *Ньолоох* – от обр. глаг. *ньошой* ‘быть вытянутым

в длину (о лице человека)»; *Тигшилээх Бэлжэйшин* – прилаг. *тигшилээх* ‘сшитый’; сост. слово *тигшилээх сирэйдээхтэр* ‘люди древних северных племен неизвестного происхождения (букв. с шитыми лицами (с татуировкой))’; *Толбон* (*Толбон Мягянин*) – от сущ. *толбон* ‘крапинка, пятно; отражение яркого светила, отлив, отблеск, отсвет’; тув. *долбан* ‘румянец’; бур. *толбо* ‘пятно’; *Тортобор Молтогин* – от глаг. *тортой* ‘становиться твердым, покрываться ледяной корочкой (напр., об одежде)’; от прилаг. *тойтобор* ‘короткий, куцый; с короткой куцой одеждой; признак бедности’; *Хантабай Бадьыһан* – от прилаг. *хантабай* ‘плоский, пологий (о носе)’; *Баллай*, жен. – обр. глаг. *баллай* ‘казаться раздутым, увеличенным в объеме (о губах, о лице)’.

Рот, губы: *Аллай Арабас* – глаг. *аллай* ‘глупо, вяло разевать рот’; *Амай* – глаг. *амай* ‘добродушно, глупо улыбаться, широко раскрытая рот’; *Аппабыйаан* – обр. глаг. *аппай* ‘приоткрываться, закрываться не вплотную’; ср. с хак. *анмай* ‘держат рот открытым’; *Быллай* – обр. глаг. *быллай* ‘сильно вытягиваться, отвисать (о нижней губе)’; *Былтайбыт* – от прилаг. *былтабар* ‘выпирающий, округлый (о щеках)’; *Дьаллай Оконов* – от глаг. *дьаллай* ‘широко раскрыть, разинуть (рот)’; жен. *Орболдун удабан*, *Орбой* – обр. глаг. *орбой* ‘выставлять, вытягивать свои мясистые губы’; *Тэллэй* – обр. глаг. *тэллэй* ‘опуститься, потеряв упругость, отвиснуть (напр., о нижней губе)’; *Чорбойбут Сыраайан* – от глаг. *чорбой* ‘выступать, выдаваться, торчать (о губах)’; *Ырбанча Оттууяан* – от глаг. *ырбай* – улыбаться (о широкооротом человеке).

Нос. *Сонтой Улжямин* – образ. глаг. *сонтой* ‘быть большим и выдаваться вперед (о носе человека)’; *Сыынг Бырдьай* – обр. глаг. *бырдьай* ‘выдавливаться, выступать (напр., о гное, жире)’; букв. ‘Сопляк’; *Хонтой*, *Хонтобор Куһабалдьаайан*, *Хонтойсо Нэлэхэйэн*, *Дьоруо Хонтой* ‘имя девятого, самого младшего сына шамана Бакаанча Бытааны’, обр. глаг. *хонтой* ‘иметь высокую переносицу или с большой горбинкой нос’.

Глаза. *Көрбөт Кудугууяан* – от глаг. *көр+бөт* (форма отрицания афф. причастия настоящего-будущего времени) ‘смотреть, видеть; слепой, незрячий’; *Кылдыы* – сущ. *кылдыы* ‘складки на верхних веках’; *Одьоной Одурууяан* – от прилаг. *одьюо* ‘косой, кривой (о глазе); косоглазый’; *Быччаанай Түүлээх* – от обр. глаг. *быччай* ‘быть, казаться очень полным, выпуклым; быть пучеглазым’; *Олорбо* ‘разноглазый и с напряжением смотрящий’; *Олопочуйа* – от обр. глаг. *олопочуй* ‘возбужденно, суетливо оглядываться (о человеке с удлинённым лицом)’; *Соххор Долбун* – прилаг. *соххор* ‘видящий только одним гла-

зом, слепой на один глаз; сын *Омобойа*; кривой, одноглазый, слепой'; *Чэнэрэ* – диалектный вариант прилаг. *чөнгөрө (чангара)* 'глубокий, широкий и в то же время глубокий'; ср.: *чэнэрэ харахтаах* – букв. 'с глубокими глазами'; *Ыйааһын* – от прилаг. *ыйаастыгас* 'косо поставленный, раскосый (о глазах), косоглазый'; *Чолоодо Өлөөнө*, жен. 'одноокая'.

Уши. *Салтабар Бүлтэкээйэн* – прилаг. *салтабар* 'расширенный, слишком широкий в верхней (или передней) части' (ср.: бур. *һалтагар* 'коротконогий'), 'с широкими, растопыренными ушами'.

Форма тела, фигура. *Багдабар* – прилаг. *багдабар* 'широкий в плечах, широкоплечий'; жен. *Бискэритии* – от обр. глаг. *бискэй* 'быть полнотелым, чрезмерно полным, как бы прущим через край'; *Бөкчө* – от глаг. *бөкчөй* 'наклонять, опускать голову и верхнюю часть спины или наклоняться при движении всем корпусом, наклоняться, нагибаться'; жен. *Бүскүүлэ, Бүскүүнчэ* – от обр. глаг. *бүскүй* 'набухать, разбухать', о движениях тучной женщины; *Кинтэй Лачыыгын* – обр. глаг. *кинтэй* 'вытянуться, откинуться назад всем телом; надменный'; *Көдөй*, жен. – обр. глаг. *көдөй* 'иметь большой отвислый живот; пузатая и коротконогая'; *Көтөх* – прилаг. *көтөх* 'худощавый, сухощавый (о человеке)'; *Култабар Лэбин* – обр. глаг. *култай* 'быть, казаться вздутым, пузатым, иметь круглую, шаровидную форму (о животе)'; *Кыгнастыгас* – прилаг. *кыгнастыгас* 'скривившийся набок, скособоченный (о человеке)'; *Кэкэбий* – от прилаг. *кэкэбэр* 'с напряженно застывшей шеей и отведенной назад головой; с длинной шеей'; *Кэтит Сонтоойон* – прилаг. *кэтит* 'широкий (большой в поперечнике)'; *Лаглайа*, жен. – от обр. глаг. *лаглай* 'быть невысоким, приземистым, плотным, равномерно широким (о фигуре человека или предмета)'; ср.: монг. *лаглайх* 'быть тяжеловесным; иметь широкое основание'; *Ласпабар* – прилаг. *ласпабар* 'круглый и широкий (напр., о крупе лошади)'; *Моттобор* – прилаг. *моттобор* 'пухленький, сбитенький (обычно о ребенке)'; *Муус Суорулун*, жен. – от прилаг. *суорба* 'без какой-л. почвы, растительности на склоне; сплошной, цельный, утесистый (о реке)'; ср.: *суорба таас* 'крутая, отвесная скала, утес; дородная женщина'; *Сыалаах* – прилаг. *сыалаах* 'жирный'; *Сымара Ньырзаайан* – прилаг. *сымара* 'большой, глыбистый; плотный, крепко сбитый'; ср.: каракалп. *жумыры тас*; казах. *жумыр тас* 'бульжник'; *Тойтох Килгэрэй* 'известный певец в 1-м Игидейском наслеге Ботурусского улуса', от глаг. *тойтой* 'быть, казаться коротышкой', прилаг. *тойтобор* 'коротышка'; ср.: бур. *тойтогор* 'с высоким задом, с округлыми бедрами' [Калужинский, 1961: 21]; *Ыгдаанай Лебергин* – от обр. глаг. *ыгдабар* 'иметь высоко приподнятые плечи и ко-

роткую шею»; *Ыкаайыс* ‘человек с неправильным корпусом’; *Ынайа* – обр. глаг. *ынай* ‘иметь очень большой живот’; *Ырангыыр* – прилаг. *ырыган* ‘тощий, худой, истощенный; прозвище, даваемое очень худощавому человеку, у которого виднеются ребра’; *Халый Хдороков* – глаг. *халый* ‘разливаться, расплзаться, расплываться по поверхности чего-л.; о фигуре человека, обозначает чрезмерную тучность’; *Ханнахай* – от обр. глаг. *ханналын* ‘потеряв былую форму, сплющившись, съехать набок; бесформенный, наклоненный’; *Хампархай Мордьокуунап* – прилаг. *хампархай* ‘разбитый, ветхий, старый’; *Хотойоон Соһуукап* – от глаг. *хотой* ‘от тяжести прогибаться, оседать, провисать; человек как бы от тяжести с прогнувшейся фигурой’; *Чинэй Сэликэйэйп* – глаг. *чинэй* ‘вытянуться и откинуться назад всем телом’; *Чохчобор Тумуукап* – от глаг. *чохчой* ‘подгибать колени, приседать на корточки, сидеть на корточках; иметь фигуру, похожую на человека, сидящего на корточках’; *Чалкахтай уол* – от прилаг. *чалкахтаах* ‘Пухлый’, от сущ. *чалахай* ‘слизь, густая тягучая слюна’, ‘водянистая, пеннистая нечистота; ср.: осм. *чалках* ‘дряблый, мягкий’; *Ырбанча* – от образ. глаг. *ырбай* ‘быть, казаться толстопузым (о человеке); прозвище, даваемое богатому и брюхастому’; *Экчилгэ* – от прилаг. *экчээр* ‘впалый, втянутый (о животе); поджарый’.

Рост. *Быыкаан* – прилаг. *быыкаан* ‘очень, совсем маленький’; *Догдобор* – от образ. глаг. *догдой* ‘быть, казаться коротким, кургузым (обычно об одежде)’; *Дьулугур* – прилаг. *дьулугур* ‘прямой, стройный, высокий’; *Кыракый Сулаарап* – прилаг. *кыракый* ‘маленький (по размеру)’; *Кырпас Тойуукун* – вероятно, от прилаг. *кырпа* ‘короткий, мелкий, жидкий, редкий (напр., о волосах)’; ср.: др.-тюрк. *хырт* ‘короткий’, осм. *хырп* ‘стричь, обрезать’; *Лаһай Амыырап* – обр. глаг. *лаһай* ‘при очень низком росте иметь широкую, плотную фигуру’; *Лэкэчэй Бөччөөкүүн* – от прилаг. *лэкэчэк* ‘невысокий и равномерно широкий, полный’; ср.: татар. *лэкэс* ‘толстяк; нерасторопный человек’; *Лэнкэй* – обр. глаг. *лэнкэй* ‘быть несоразмерно большим, широким, округлым (напр., о голове человека)’; *Лэппэй Быыкынынын* – обр. глаг. *лэппэй* ‘шагать или бежать спокойно, в одном темпе, безостановочно, бросаясь в глаза своей будто бы срезанной, плоской макушкой’; *Маахайбыт Тэһээлгин* – от обр. глаг. *мааһай* ‘быть, казаться толстым, мешковатым (о низкорослом полном человеке)’; *Оччугуй* – прилаг. *оччугуй* ‘малый, маленький, небольшой’; *Салдьар* – от обр. глаг. *салдьай* ‘стоять, широко расставив ноги, в мешковатых штанах; низкорослый’; букв. ‘Рас топча’; *Тах киһи* – от обр. глаг. *тахтай* ‘из-за низкого роста или из-за небольшой длины казаться слишком широким, почти квадратным; да-

ется человеку небольшого роста»; *Тооромос Махтыкыйыап* – прилаг. *тооромос* ‘маленький, отколотый, отломленный от чего-л.’; *Уһун* – прилаг. *уһун* ‘длинный’; *Улахан Саимков* – прилаг. *улахан* ‘крупный, большой’.

Кожный покров. *Муос Тирии* – сущ. *муос* ‘сделанный из рога, кости’, букв. ‘кожа как из кости’, ‘один из четырех сыновей *Тыгына*’; *Одурууннаах* – сущ., устар. *одуруун* ‘трахома’.

Руки. *Такыр Мондуукап* – прилаг. *такыр* ‘крючковатый, скрюченный (о пальцах), искривленный, сведенный, согнутый (о руке); кривой, искривленный (о ноге, ногах)’; ср.: фразеол. *такыр тарбах* ‘неумелый, неискусный’; *Чэлчик* – прилаг., бран. *чэлчик* ‘урод, уродливый; сопляк; медленно развивающийся, слабый (ребенок, жеребенок, теленок)’.

Ноги. *Маадьай Сулууһан*, *Мадьах Киччийэп*, *Маадьангай*, *Маадьары Бөдөөкөп* (*Мазары Бозеков*), *Маадья*, *Маадьях*, *Маадьякаһыт* – от обр. глаг. *маадьай* ‘стать кривоногим’, прилаг. *маадьябар* ‘кривой, имеющий форму колеса (о ногах), кривоногий (о человеке)’; ср.: др.-тюрк. *майбух* ‘кривоногий’; халх.-монг. *маеджигар*, монг. *май-жгар* ‘кривой, прогнутый’; бур. *маягар* ‘косолапый’; *Махчай*, *Махчар*, *Бөрөө уола Махчабар* – от обр. глаг. *махчай* ‘с усилием тянуть, поднимать что-л., упираясь широко расставленными и согнутыми в коленях ногами в землю; короткий и кривоногий’; *Доболон* – прилаг. *доболон* ‘хромой’, ср.: п. монг. *доболон*.

Отличие данной группы от имен-движений заключается в доминировании статического образа, где движение присутствует, но как свойство или признак человека отодвигается на второй план. На первый план выходят внешние черты человека, которые сразу бросаются в глаза. Несмотря на то что большинство ЛИ, имеющих основу образного слова (глаголы), «имеют монгольские параллели, их значения в якутском и монгольском языках в основном совпадают» [ГСЯЛЯ, 1982: 376]. Их образность определяется образным мышлением, которое перешло от «тюркского языка предков якутов» [Убрятова, 1960: 261].

По семантике, ЛИС обозначают не только один признак. Например, *Маадьях* представляет собой движение человека с кривыми ногами, т. е. это его постоянное, неизменное качество. В именах *Маадья*, *Маадьякаһыт*, *Маадьяры*, *Мадьях* аффиксы *-һыт*, *-ры*, *-х* репрезентируют разные коннотации данной основы. Например, *Маадья* ‘медлительный’, *Маадьякаһыт* ‘более активный, быстрый’, *Маадьяры* ‘ступенный’, *Мадьях* ‘резкость в движениях, их законченность’, *Мадьынгы Төрөнөй* ‘сильный, упертый’. Повторяющийся слог *дьа-*, скорее всего, выполняет звукоизобразительную функцию, символизируя

колебательные, т. е. повторяющиеся, движения, что в данном случае является мотивом номинации. Уловить все нюансы и передать осмысленный «пересказ» может только носитель языка. В этом аспекте образные имена-оценки похожи на парные слова, которые представляют собой одну целостную картину. Парные слова, выражающие отвлеченные понятия (*баай-тот* ‘богатство-достаток’, *киһи-сүөһү* ‘люди и скот, живье’) [Убрятова, 1948: 556, 557], похожи на образные ЛИС: неизменность и многозначность семантики.

Этнографические материалы подтверждают разноплановость ЛИС в оценке внешности. Так, Р. К. Маак сделал вывод, что «... здесь попадаются такие разнообразные типы, что изучение собственно якутского становится невозможным. (...) Чем дальше от Якутска и от Лены, ... чаще попадаются лица или чисто якутские, с незначительно выдающимися скуловыми костями, или с явной примесью монгольской крови» [Маак, 1887: 82], т. е. группа имен-оценок относительно разнообразия описания внешности является вербальным отражением антропологического типа саха, распространенного в тот период и сохраняющегося в настоящее время.

Имя-характер

Исключительное место в подгруппе дескриптивных образных имен занимают имена, обозначающие личные качества человека. Их отличие от имен-движений, имен-оценок заключается в выраженной модальности, т. е. антропоним репрезентирует собой субъективное отношение к носителю имени.

«Оценочная модальность» – это связь, устанавливаемая между ценностной ориентацией говорящего/слушающего и обозначаемой реалией, оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию (эмоциональному, этическому, утилитарному и т. п.)...» [Телия, 1986: 22–23]. То есть представление о ценностной картине мира и субъективного отношения индивидуума к соответствующему объекту основано на оппозиционных представлениях о приятном/неприятном, о том, что нравится/не нравится и т. п. Принято считать, что «человек более детально различает то, что вызывает у него дискомфорт, дифференцирует неприятные эмоции тоньше, чем приятные. (...) слова с отрицательными семами объединяются в более дифференцированные подклассы, чем слова с положительными семами» [Вольф, 1986: 99, 100]. Дифференцированность и раздробленность ЛИС в связи с их семантикой подтверждает рассмотренный материал, на основе которого в группе дескриптивных образных имен-оценок предлагается выделить следующие подгруппы.

Имена, обозначающие нравственную сущность человека с положительным оттенком: *Боччуйар Нягебилев* – от глаг., разг. *боччуй* ‘устраивать что-л., наводить порядок в чем-л.’; *Кичээни Кытыыйап* – прилаг. *кичээни* ‘бережливый, экономный, расчетливый; старательный, упорный, усердный, тщательный’; *Көнөккө* – от прилаг., перен. *көнө* ‘непритворный, бесхитростный, простодушный, правдивый; простой, прямой’; *Көрсүө* – прилаг. *көрсүө* ‘смирный, тихий, спокойный’; *Мунгур Бүттээхэп* – прилаг., перен. *мунгур* ‘самый главный, главенствующий, основной’; *Намыын (Номуун)* – прилаг. *намыын* ‘спокойный, смирный, уравновешенный (о человеке)’; *Сэргэх Ирчикээйэп* – прилаг. *сэргэх* ‘бойкий, шустрый, живой, восприимчивый’; ср.: тюрк.-монг. *сэргэк*; *Үчүгэй* – прилаг. *үчүгэй* ‘имеющий качество между средним и отличным, хороший’, ‘*Үчүгэй аҕа ууһа* ‘род по названию Үчүгэй’; *Хаһаас Ньохоойоп* – сущ. *хаһаас* ‘заготовливаемый впрок, запасенный; предусмотрительный, запасливый человек’; *Хатан Эдьээйэп* – прилаг., разг. *хатан* ‘крепкий, сильный физически’; прилаг., перен. ‘суровый, твердый, жесткий (напр., о характере)’.

Имена, обозначающие нравственную сущность человека с отрицательным оттенком: *Абааһытыңы* – от сущ. *абааһы* ‘злой дух, черт’; ‘как *абаасы*, злой дух; со скверным, дурным характером’; *Бырдьыгынас Мохчун, Бырдьыкы* – от звукоизобр. глаг., перен. *бырдьыгынаа* ‘кипеть гневом (о постоянно сердящемся человеке)’; *Кирик Дардьыйап* – от глаг. *кирик гын* ‘вдруг пригнуться, поклониться, пугливо втянуть голову в плечи; пугливый’; *Киһиргэс Мардьаахын* – прилаг. *киһиргэс* ‘любящий похвастать, хвастливый’; *Кытаанах* – прилаг., перен. *кытаанах* ‘строгий, жесткий, суровый’; *Күтүр Дьураайап* – прилаг. *күтүр* ‘скупой, жадный; страшный, опасный, жестокий, грозный; человек с дурным характером, злыдень’; *Куттал Күрүдүйээхэп* – прилаг. *куттал* ‘страх, боязнь’; *Куһаҕанныыр Киһиргээһэп, Кучукта уола Куһаҕалдьык* – от прилаг. *куһаҕан* ‘плохой, худой’; *Маҕалай Бохсонул* – сущ., неодобр. выраж. *маҕалай* ‘прожорливое брюхо, утроба’; *Мордьос Тиккирэйэп* – от обр. глаг. *мордьой* ‘быть готовым дать отпор, считая себя обиженным или оскорбленным’; ср.: халх., калм. *мортши* ‘иметь сердитое лицо, делать недовольное лицо’; *Мөкү Барчыыйап* – прилаг., разг. *мөкү* ‘дурной, плохой’; ср.: ног. *муьки* ‘недостаток, дефект’; *Мэлдэьх Ат Күһэнгээйэп* – сущ. *мэлдэьх* ‘отпирательство, отрицание своей вины’; *Моҕустаан Куйахаанан, Монус (Мобус) Ньыргийшин* – от прилаг. *мобус* ‘ненасытный, прожорливый’; ср.: монг., п. монг. *таууис* ‘обжора; чудовище’; тув. *мангыс* ‘дармоед’; тюрк. *мобус* ‘борец, богатырь’, *мангус* ‘чудовище’; *Мээри* – прилаг. *мээри*

‘болтливый, говорливый’; монг. *мэргүү* ‘тупица, дурак’; *Ньобой Игээһэн* – прилаг., неодобр. выраж. *ньобой* ‘прилипчивый, навязчивый; крайне упрямый, неуступчивый’; *Олоох, Олоохоон* ‘верхогляд, человек неосновательный, опрометчивый, поступающий необдуманно, зря’; *Өһөйө* – от глаг., перен. *өс* ‘мрачнеть, быть в подавленном состоянии; имя, даваемое молчаливому или ленивому человеку’; ср.: др.-тюрк., тюрк. *өс*; *Сатабай Муруукап* – прилаг. *сатабай* ‘несовершенный; расхлябанный, разболтанный (напр. о дисциплине)’; ср.: монг., п. – монг. *zadi* ‘быть открытым, стоять раскрытым’; *Сүүрүнгэй Табаайан* – прилаг. *сүүрүнгүй* ‘не внушающий доверия, неправдоподобный, маловероятный’; *Сытыган Мөччөһүүнэн* – сущ., перен. *сытыган* ‘обратная, теневая сторона чего-л., порок; порочный, безнравственный человек’; *Сэлэнэ (имя старика)* – от прилаг., разг. *сэлээр* ‘ветренный, легкомысленный, несерьезный (человек); прозвище человека с распутным характером’; *Тоттук Чапчаалан, Тоттук*, жен. – прилаг. *тоттук* ‘дерзкий, наглый от пресыщенности жизнью; сытый; живущий безбедно’; *Тыйыс* – прилаг. *тыйыс* ‘безжалостный, жестокосердный, бессердечный (о человеке)’; *Уор* – сущ. *уор* ‘гнев, ярость, негодование’, в знач. прилаг. ‘суровый, жестокий, лютый’; прилаг. *уордаах* ‘свирепый, грозный в гневе’; ср.: монг., п. монг. *абу* ‘гнев, ярость’; *Хадаар* – прилаг. *хадаар* ‘несговорчивый, ершистый, упрямый, непослушный’; ср.: др.-тюрк. *хадыр* ‘свирепый, суровый’; *Хааххай Аколчоров* – от глаг. *хааххайдас* ‘препятствовать, противиться чему-л.’; *Хоччоххой* – прилаг. *хоччорхой* ‘жесткий, грубоватый, резкий (о характере человека)’; *Чабаан Барчыыкап* – прилаг. *чабаан* ‘страшный, грозный, внушительный; серьезность; строгость’; *чабаан киһи* ‘человек, внушающий страх и трепет’; *Чоруун* – прилаг. *чоруун* ‘резкий, грубый, жесткий’, ‘крепкий, выносливый’; *чоруун сутурук* ‘крепкий кулак’; *Ытырыык Күөчүнээхэн* – прилаг. *ытырыык* ‘склонный кусаться, злой’; *Ньобой Игээһэн* – прилаг., неодобр. выраж. *ньобой* ‘прилипчивый, навязчивый; крайне упрямый, неуступчивый’ и т. д.

Имена, представляющие качественные признаки личности человека: *Асхар Сексегесес* – от обр. глаг. *асхарый* ‘пыхтеть, потеть от чрезмерного ожирения; очень жирный, тучный’; *Атыыр Атыырап* – прилаг., разг. *атыыр* ‘крупный; мощный’; ср.: тюрк. *адгыр, аскыр, айбыр*; *Чой Мойбоотон* – прилаг. *чой* ‘тупой; тупица’; *Модун Хары уола Мэник Төбөт* – прилаг. *мэник* ‘шаловливый, озорной; шалун, озорник, баловник’ и т. д.

Имена, обозначающие манеру поведения: *Быыччык Ибээкэн* – прилаг. *быыччык* ‘усердный, старательный (до мелочей), но медли-

тельный»; *Дьэллик Бархаанан* – прилаг. *дьэллик* ‘бездомный, бродячий; бесхозный’; в знач. сущ. ‘бродяга, скиталец, непоседа’; ср.: тув. *черлик, челлик* ‘дикий’; *Дьээбэ Дуркуулан* – прилаг. *дьээбэ* ‘вызывающий удивление, непонятный, необычный’; *Күлэр* – от глаг. *күл* ‘смеяться, хохотать, радоваться; смеющийся’; *Сүнсук Халбыыран* – прилаг. *сүнсук* ‘суетливый, полный беготни’; *Халахай Мулдаахан* – сущ. *халахай* ‘сильно торопиться, делать что-л. в крайней спешке’; ср.: *уот халахайга түс* ‘сильно торопиться, делать что-л. в крайней спешке’; *Элэк Хоочун* – сущ. *элэк* ‘насмешка’ и т. д.

Имена, отражающие физические качества человека: *Дьүлэй* – прилаг. *дьүлэй* ‘глухой, тугоухий’; ср.: п. монг. *дьюлей*; *Дьэгин Чугунаайан* – прилаг. *дьэгин* ‘непривычный, неудобный для пользования (о руке), левосторонний’, ‘левша’; *Күүстээх Туртаһынан* – прилаг. *күүстээх* ‘сильный физически’; *Инширдэй* – от сущ. *иншир* ‘сухожилия’; перен. ‘сила, мощь’; *Сыраан Бахчыгыыран* – прилаг. *сыраан* ‘слабый, немощный, вялый (о человеке)’; ср.: др.-тюрк. *йар* ‘слюна’; *Хаарбах* – прилаг. *хаарбах* ‘старый, изношенный’; *Чуор Уобаахан* – прилаг. *чуор* ‘имеющий острый слух’ и т. д.

Имена, связанные с социальными обстоятельствами: *Кырдыабас Ньшилин, Кырдыбыт Махсаанан* – прилаг. *кырдыабас* ‘достигший почтенного пожилого возраста, пожилой, старый (о человеке)’, ‘старик, старец’; *Түөһэлбэ* – от сост. слова *түөс буол* ‘выжить из ума от старости, впадать в детство (о человеке), в знач. прилаг. ‘достигший старческого возраста, глубокой старости’, в знач. сущ., неодобр. ‘старикашка’; *Ытык Майахыылан* – прилаг. *ытык* ‘почтенный’, в силу своего возраста; *Аттыкы Лохуров* – от сущ. *ат* ‘конь, лошадь’=прилаг. *аттаммыт* ‘кастрированный, холощенный’ (*аттакы* ‘скопец’) и т. д.

Имена, обозначающие «звуковой» признак: *Кыыкыныыр Кученек* – от звукоподр. глаг. *кыыкынаа* ‘говорить слабым сиплым голосом, издавать слабый скрипучий звук’; ср.: *Айыы Кыыкыллаан* ‘имя шамана в эпосе олонхо’ [Емельянов, 1980: 340]; *Сыыгыныыр Уманаайан* – от звукоподр. глаг. *сыыгынаа* ‘сопеть, тяжело дышать через нос’; *Кэлэбэй* – прилаг. *кэлэбэй* ‘сильно заикающийся’, в знач. сущ. ‘заика’; *Айаарба* – от глаг. *айаар* [ајаар] ‘громко кричать, петь, горланить, шуметь, реветь’; *Түтүүк* – звукоподр. слово *түт* ‘прибавляющий к словам лишний слог -тү’ [Пекарский, 1959, III: 2928]; *Хансырыкы* – от глаг. *хансый*, от звукоподр. глаг. *хансырый* ‘говорить невнятно в нос, гнусавить’; ср.: монг., п. монг. *qоᠩᠰᠢ*; орд., халх-монг. *хоᠩᠰᠤ*; калм. *хоᠩᠰᠠ* =п. монг. *qаᠩᠰᠢ* ‘нос, переносица, ноздря, хобот’ [Калужинский, 1963: 64 л.]; *Ланкынай* – от звукоподр. глаг. *ланкынаа*

‘издающий громкие, гулкие протяжные звуки’; *Лабысха Солтобоорон* – от прилаг. *лабанха* (*лабынха*); от звукоподр. слова *лап-*, *лап-лап* обозначающего повторяемость звуков, слов ‘надоедливо многословный, многоречивый, с частыми повторами’.

3.2. Имена-меморативы

Имена-меморативы по значению во много близки к группе имен-дескриптивов, но в их семантике доминирует значение посвящения чему-либо, например, определенным идеалам, связанным с верованиями. В группе имен-меморативов можно выделить следующие подгруппы:

Имена, связанные с религиозными воззрениями

Культ айыы: *Кут Жеюгетев*, *Кут Бохсуулун* – сущ., религ. *кут* ‘психическая сфера человека, основа его духовного и телесного состояния, жизнеспособности, душа. По представлениям якутов, кут состоит из трех частей: земля-душа, воздух-душа, мать-душа’; *Байанай Үнүгээһэн* – сущ., миф. *байанай* ‘Баянай – общее название духов леса, воды, покровительствующих охотничьим и рыболовным промыслам’; ср.: алт. *пайана* ‘доброе божество’; *Кэрэх Мордохоойон* – сущ. *кэрэх* ‘языческая кровавая жертва скотом особой масти, приносимая шаманом для умиловления гнева верхних или нижних злых духов’; *Сата Ааччыһын* – сущ. *сата* ‘магический камень, который обнаруживается в желудке или печени скота, лося, оленя, а также глухаря. По народному поверью, его появление вызывает резкое изменение погоды (бурю, дождь, холод и т. п.)’; *Тангара Хаата (Дизин)* – сущ. *тангара* ‘по религиозным представлениям: верховное существо, создавшее мир и управляющее им, бог’; *Айыы Тайбыыр*, жен. – сущ. *айыы* ‘общее название высших существ, олицетворяющих доброе начало’, ‘внук *Омоҕойа*’, *Аан Тайбыыр* ‘сын *Омоҕой баайа*, встречается в числе имен якутской мифологии’; *Аан Үһэй* – сущ., перен. *аан* ‘начало чего-л.; почин, начинание’, ‘первый шаман’; *Абааһыйа*, *Абааһыйын*, *Абааһылаах Абааһылаай*, *Абааһытыйын*, *Абааһытынгы* – сущ., миф., фольк. *абааһы* ‘абаасы, злой дух, злое начало’; урод, перен., бран. ‘дрянь, негодяй, паршивец’, прилаг. ‘скверный, дрянной; негодный; дурной; имеющий, по поверью, злого духа, черта, дьявола’, ‘название *аҕа ууһа* (рода)’, *абааһы* считается неотъемлемой частью культа айыы; *Айхал* – сущ., возвыш., устар. *айхал* ‘молитвенный возглас, выражает радость, пожелание блага, счастья’; *Алгыс* – сущ. *алгыс* ‘особые слова, обращенные к людям с пожеланием им добра; слова,

произносимые по разным жизненным случаям с просьбой, мольбой о благополучном исходе, благопожелания»; *Арчын, Арчылан* – от сущ., устар. *арчы* ‘по старинным поверьям – обряд изгнания злых духов, нечисти из жилища, человека или какой-л. вещи посредством окуривания’, пратюрк. **arča* ‘можжевательник’ [СИГТЯ, 2001: 129].

Культ солнца: *Күннэй Одьууран Конней (Кунней) Одюров* – сущ. *күн* ‘солнце’, ‘день’, ‘сутки’, прилаг. ‘лучезарный, подобный солнцу’, перен. ‘обращение к любимому, дорогому человеку’. Во многих тюркских языках слово *күн* используется в значении ‘солнце, день’: орх. *күн* ‘солнце, день’; уйг (рун.) *күн* ‘солнце, день’; алт. *күн* ‘солнце, день’; хак. *күн* ‘солнце, день’; тув. *хүн* ‘солнце, день’; кирг. *кун* ‘солнце, день’; уйг. *кун* ‘день; солнце’ [Левин, 2013: 121].

Данные подгруппы имен являются условными, так как нет фактических данных, где бы указывалось на непосредственную связь ЛИС с культом айыы, солнца. Тем не менее, исходя из соображений, что дохристианские ЛИС являются фрагментом картины мира саха, данные ЛИИ были соотнесены под эти семантические узы. Аpellлятивы данной подгруппы имеют общетюркские корни.

Титулярные имена: *Баай* – прилаг. *баай* ‘богач, богатый’, ‘богатый, денежный, состоятельный’, ‘сын *Айыы Тайбыыра*, прозванный на старости *Баай аҕа*, родоначальник Баягантайского улуса (ныне наслег *Баайаҕа* в Таттинском улусе)»; *Баай оҕо* – букв. ‘богатый ребенок’; *Дархан, Тархан* – прил. устар. *дархан* ‘очень солидный, серьезный’, ‘высокомерный, напускающий на себя важность, надменный’; тюрк. *тархан, дархан* ‘привилегированное сословие’; *Дойдуһа Дархан* – сущ. *дойду* ‘место рождения, родина, родимый край’, ‘государство’, ‘до революции и в первые годы советской власти: участок покоса, выпаса, принадлежащий кому-л.’, ‘один из шести главных родоначальников, потомков Эллэя’. В тюркских языках *дархан* означает: орх., ен. *тархан* ‘титул’, тув. *дарган* ‘кузнец; почтенный борец’, кирг. *даркан* ‘кузнец (в эпосе); перен. уважаемый, славный, почетный’, монг. *дархан* ‘мастер’, ср.-монг. ‘священный, неприкосновенный; заповедный; ист. свободное от повинностей лицо’; бур. ‘кузнец; мастер, умелец, искусный мастер; искусный, умелый’; п. монг. *дагхан* ‘кузнец’ [Левин, 2013: 189]. *Дархан (Даркан), Тархан, Дэли Дархан* – один из шести сыновей Эллэя; от него произошли Борогонский и Дюпсюнский улусы, по имени его двух сыновей; историк А. П. Окладников отметил преемственность титула (должности) *дархан* в именах: *Дэхси Дархан, Түһүлгэ Дархан, Күрсэн Дархан, Мэнги Дархан, Дэги Дархан, Дэли Дархан, Дэри Дархан, Баҕадаһын Дархан, Үөлэн Дархан, Игидэй Дархан,*

Мунһан Дархан, Хомуян Дархан [Окладников, 1948: 416–419; Багдарыын Сүлбэ, 2011, 4: 540–545]. С конца XX в. – начала XXI в. имя Дархан снова вошло в якутский именной [ЛК]. В др.-тюрк. именной *Ара Тагхан* ‘имя и титул’, где *ара* ‘старший родственник’, *tarhan* ‘титул’ [Махпиров, 1997: 183]; *Дыгын* – сущ., устар. *тыгын* ‘высокий чин, господин, правитель, предводитель (со значением великий, почтенный)’, др.-тюрк. *тэгин, тегин. Дыгын (Дыгын, Дыгинча), Тыгын* ‘знаменитый родоначальник якутов, воевавший с русскими, взятый последними в плен и казненный’ [Пекарский, 1959, I: 760]. С начала 2000-х годов имя Дархан снова вошло в якутский именной [ЛК]. Ср.: орх. *тигин* ‘принц’; уйг. (рун.) *Тигин* ‘имя собственное’; ср.-монг. *tii: ni – тегин* [Левин, 2013: 187]. *Tegin/tigin* – часто встречается в древнетюркском антропонимиконе: «*tegin* – ‘принц’, титул, присоединяемый к именам младших членов ханской семьи, первоначально “раб”»: *Tigin Biqa, Alp Tegin, Kumus Tegin, Kul Tegin, Ogul Tegin*» [Махпиров, 1997: 208]. В пользу значения «титулярное имя» в свое время высказался Г. В. Ксенофонов: ‘Тегин – наследный правитель прибайкальских курыкан’ [Ксенофонов, 1992: 168–204]. В современном именной зафиксировано имя *Дыгын* [ЛК]; *Кулут, Кулуттай Тэкээхэн* – сущ. *кулут* ‘раб’, тюрк. *кул* ‘раб, холоп’; *Суох Кухи (старик)* – частица *суох* ‘употребляется при отрицательном ответе, при выражении несогласия с чем-л., нет’, ‘неимущий’, букв. ‘Человек, которого нет, или Человек, у которого ничего нет’; ср.: общ.тюрк. ‘йок, йох, юк, чок, дьок’; *Тойон, Тойоннуур Дьалаакан* – сущ. *тойон* ‘до революции 1917 года: богат, имеющий батраков, тойон’, прилаг. ‘большой, крупный’, сущ. *дьалаа* ‘развязный и бестолковый’, прилаг. *дьалааннаах* ‘несерьезный, беспечный, бедумный (употр. в отриц. ф.)’, ‘предсказывающий’; *Эркин* – сущ. *эркин* ‘защита, стена’ [Пекарский, 1959, I: 304]. Преимущественно фольклорное имя, отражающее древние религиозные воззрения: *Суонган эркин, Суойун эркин, Сохсо эркин* ‘название одного из семи братьев лесных духов, постоянно препятствующего промыслу’, *Эркин Эрэлэхэ* ‘мужское сказочное ЭИ’. В настоящее время отмечены единичные случаи называния детей этим именем [ЛК]. В тюркских языках: орх. *иркин* ‘титул’; алт. *эркин* ‘свобода, воля, свободный, вольный; свободно; активный’; уйг. *эркан* ‘книж. уст. сановники, вельможи, придворные’ [Левин, 2013: 191]. По нашему представлению, имена с основой ‘эр’ – *Эркин, Эрчим, Эрчимэн, Эрлик*, фолькл. *Эрчимэн Бэргэн, Эрэдэл* ‘имя якутского героя’ [Бетлингк, 1990: 270], восходят к значению ‘мужчина; мужественность; сила’, который присущ только мужским именам. Так, фольклорное имя *Кыбый Эримэх кыыс* ‘имя сказоч-

ной девушки’, где *эримэх* ‘бесплодная, не рождающая, не способная к деторождению; бесплодница (о кобыле); неезжая скотина (эримэх ат); *эрингэх кыыс* ‘не вышедшая замуж вечная девка’, *кур эримэх* ‘не-рожавшая женщина’, *эрингэх* ‘высохшая, заскорузлая кожа’ [Пекарский, 1959, I: 302], монг. *еремег* ‘яловая (кобылица)’ [Калужинский, 1961: 7], вероятно, можно обозначить как ‘непознавшая эр – мужа, мужчину; девственница’; *Эллэй, Элэй, Эр Элэй, Эр Собомах Элэй, Элэй Сыччаахан (Эллэй Сеччахов)* – слово ‘эллэй’ означало в старину большой, громадный; имя одного из предков якутов татарского или бурятского происхождения; по преданию, от брака его с одной из дочерей Омоёй бааиа родилось несколько сыновей, от которых и произошли якуты Якутского округа (кроме якутов Баягантайского улуса); по другому преданию, *Эллэй* был братом *Омоёйа* [Пекарский, 1959, I: 922]. Вероятно, слово восходит к др.-тюрк. *el* ‘племенной союз, племенная организация’, *elci* ‘посол, вестник’, *ellä* ‘создавать союзы племен’, и. собств. *Elci* [ДТС, 1969: 169–171], т. е. данное имя имеет замутненную этимологию; *Уол Ходьугуурап, Уолан* – сущ. *уол* ‘мальчик, юноша, парень’; сущ. *уолан* ‘неженатый молодой человек’, прилаг. ‘молодой, неопытный’. «Термин *оуул* первоначально обозначал потомство вообще, с последующей дифференциацией на мужское и женское, и еще более поздним уточнением *оуул* ‘сын’» [Покровская, 1961: 17]. В тюркских языках: орх. *облан* ‘сын’, *облон* ‘сын, юноша, молодой’; уйг. (рун.) *облан* ‘сын, юноша’; алт. *уулан* ‘юноша’; хак. *олган* ‘ребенок, детский’; кирг. *улан* ‘холостой парень, паренек, отрок (может быть сказано и о девушке, и о молоденькой женщине)’; уйг. *оглан* ‘сын’ [Левин, 2013: 104]. Антропокомпонент *уол/оуул* был распространен в древнетюркской антропонимии: *Oğul Tarqan, Oğul Tegin, Oğul Tonga*, жен. *Oğul yitmiş* [Махпиров, 1997: 198].

Наиболее четкий о титулярных именах сделал вывод фольклорист В. М. Никифоров: «Рассмотрение имен собственных героев якутского фольклора, относящихся к титулатуре, анализ их в совокупности дает возможность утверждать, что у предков якутов была такая же политическая структура, социально-экономический строй, как у народов соседних современных им государств – древних тюрков, енисейских кыргызов» [Никифоров, 2002: 72]. К данной подгруппе также относятся ЛИС, восходящие к именам-первопредков (культурных героев).

Имена-этнотопонимы: *Тумат Көдөкөөйөн (Тумат Гадюкеев)* – сущ. *тумат* ‘воинственное племя неизвестного происхождения, смешавшееся в древности с якутами, туматы’; тув. *тумат* ‘этногруппа в составе тувинцев’; *Сахамин, Сахаян, Сахайаан, Сахамир, жен. Сахайаана* –

сущ. *сах* ‘человек, относящийся по национальности к якутам, якут’. ЛИС с компонентом *сах* – явление нового времени, связанное с активизацией этнического самосознания, самоидентификацией; *Омук Макин*, *Омук Дьахалдьаайан*, *Омукаан* – сущ. *омук* ‘народ нация’, ‘национальность’, диал. ‘эвен, эвенк’, перен. ‘другой наслег, другой улус’, прилаг. ‘иностраннный’; уйг. *омак* ‘чужой, чужестранец’; тув. *омак* ‘племя, род, нация’, монг. *омог* ‘племя, род’. Вероятно, эти имена означали людей из другого рода или улуса. В настоящее время есть и фамилии – *Омукчанов*, *Омуков*. Это слово присутствует в древнем эпосе олонхо как ‘инородец, чужое племя’ [Емельянов, 1980: 356]; *Тонус Акумаков* – сущ., устар. *тонус* ‘эвенк, эвенки; собирательное название эвенков, эвенов, тунгусов’.

3.3. Имена-дезидеративы

По В. А. Никонову, в данную группу входят имена с мотивацией пожелания. Например, кирг. *Турсун* ‘пусть живет, не умрет’, *Баатыр* ‘богатырь’ [Жапаров, 1989: 131], тат. *Акылбай* ‘ум+богатый’ [Шайхулов, 1983: 27], казах. *Тюебай* ‘верблюдами богатый’ [Никонов, 1974: 98]. В отличие от других тюркских языков, собственно имен-пожеланий в таком типе модели дезидеративов в дохристианском именнике *сах* не обнаруживается.

Эпические имена. Имена из якутского эпоса олонхо как метафорические пожелания быть храбрым, сильным, быстрым, красивым, быть всегда впереди, быть идеалом. Их популярность можно объяснить первичностью самого эпоса олонхо: *Айталын*, муж., *Айталыын*, *Айталыына*, жен. – от ЭИ *Айталы* (*Айталыын*, *Айталын*) *Куо* ‘женщина айыы’ [Емельянов, 1980: 340]; вероятно, от глаг. *ай* ‘творить’; *Ньургун*, *Ньургустаан*, *Ньургус*, жен. *Ньургууна*, *Ньургуйаана* – от *Дьулуруйар Ньургун Боотур* ‘небесный богатырь, богатырь айыы’ [Емельянов, 1980: 356]; *Кыыс Ньургун Бухатыыр* ‘девушка-богатырь’ [Филиппова, 2016: 68]; прилаг. *ньурсун* ‘отважный, смелый, храбрый’, перен. ‘лучший из лучших’, в знач. сущ. ‘человек, выделяющийся среди других силой, умом и красотой’. Наличие слова *ньургун* в тюркских языках не отмечено. Соответствие с бурят. *нюрга(н)* ‘спина; хребет’ [БМРС, 1951: 357; Филиппова, 2016: 69] не подкрепляется другими более обоснованными фактами. Ближе к якутской семантике вернее считать эвенк. *нёр* ‘стрела’ [Мыреева, 2004: 434], т. е. ‘быстрый, стремительный как стрела’ [Филиппова, 2016: 86]; *Саарын* – прилаг., фолькл. *саарын* ‘лучший, самый достойный из людей; от эпич. имени *Дугуй Саарын бухатыыр*, *Саха Саарын Тойон*’ [Фи-

липпова, 2016: 61]. У Н. В. Емельянова наряду с *Саха Саарын Тойон* ‘родоначальник айыы’ отмечено имя *Саха Саалын Тойон* ‘родоначальник айыы’ [Емельянов, 1980: 357], где *саал* – ‘жировое отложение на загривке лошади’. На основании этого предполагается, что имя *Саарын* означает ‘лучший; верховодящий’; *Туйаара*, *Туйаарыма*, *Тууяа* – от глаг. *туйаар* ‘петь с переливами, щебетать, заливаться’ (о жаворонке), возвыш. сущ. *туйаарар* ‘жаворонок’; от эпич. имени *Туналџаннаах ньуурдаах Туйаарыма Куо* ‘Светлоликая Туйарыма Куо’ [Филиппова, 2016: 75], ср.: тур. *toygar* ‘жаворонок’; *Бэргэн* – прилаг. *бэргэн* ‘меткий, искусный в стрельбе’; ЭИ *Тонуоллут Бэргэн*, *Куралай Бэргэн* (имена Байаная, *Эриэдэл Бэргэн (Мэргэн)*, *Эрбэхтэй Бэргэн* ‘Большой Палец Меткий’, *Өлбөт Бэргэн* ‘Бессмертный Меткий’, *Элэс Мэргэн*) [Филиппова, 2016: 45, 74, 84], *Дьибэрбэн Бэргэн* ‘богатырь айыы’, *Дьибэрбэс Бэргэн* ‘рыболов’, *Дьибэрбэк Бэргэн* ‘богатырь айыы’ [Емельянов, 1980: 345]. Антропокомпонент эпических имен *бэргэн* перешел в разряд ЛИ в современном именнике саха; *Дьулус*, *Дьулустаан*, *Дьулусхаан*, *Дьулусхан*, *Дьулуур* – от глаг. *дьулуй* ‘делать что-л. упорно, настойчиво, не отвлекаясь ни на что другое, налегать’, ‘сильно желать, жаждать чего-л., стремиться к чему-л.’, ‘идти стремительно вперед, преодолевая все помехи’. Исходной основой являются эпические имена *Дьулусхан Баай Тойон* ‘Стремительный Баай Господин’, *Дьулуруйар Ньургун Боотур* ‘Стремительный Ньургун Боотур’, *Дьулуруйар Ньургун Кыыс* букв. ‘Стремительная Ньургун Дева’ [Емельянов, 1980: 346], так как они представляют собой значение ‘лучший, отборный, исключительный’; *Туйгун*, *Кыыс Туйгун бухатыыр* – прил. *туйгун* ‘очень хороший, отличный, превосходный’. Исходный материал – ЭИ *Кулут Туйгун бухатыыр* букв. ‘Раб Лучший богатырь’, *Кыыс Туйгун бухатыыр* букв. ‘Дева Лучшая богатырь’. Якутское *туйгун* интерпретируется с др.-тюрк. *tojuun* ‘титул’, что подтверждается древнетюркскими ЛИ *Ozmiş Togril*, *Basa Togril*, *Asan Togril*, где антропокомпонент *toğil* – название хищной птицы, употребляется как мужское имя [Махпиров, 1997: 208]; *Эрчимэн* – сущ. *эрчим* ‘сила, энергия’. В тюркских языках: алт. ‘муж’; хак. *ир* ‘мужчина, муж’; тув. *эр* ‘мужчина, муж’; кирг. *эр* ‘муж, мужчина; возмужалый; герой, богатырь, храбрец’; уйг. *эр* ‘мужчина, муж; перен. герой’, монг. *эр* ‘мужчина, муж’; бур. *эрэ* ‘мужчина; муж’; ср.-монг. *эрэ*; п. монг. *эрэ* ‘мужчина, муж’ [Левин, 2013: 99–100]. От ЭИ *Эрчимэн Бэргэн*; *Толомон* – сущ. *толомон* ‘самый крупный, лучший, отборный’, от ЭИ *Толомон Суоду Тойон* букв. ‘Лучший Крупный Господин’ (обр. глаг. *суодай* ‘быть, казаться крупным, большим, иметь внушительный рост’), *Толомон*

Баай Тойон ‘Лучший Богатый Господин’; *Эрилик* – от сущ. *эр* ‘муж, супруг; мужчина; мужественный’; от ЭИ *Күөкэри Дьабыл аттаах Күүстээх-уохтаах Күн Эрили бухатыыр* букв. ‘С конем по имени Длинная шея Большое Пятно Сильный Солнце Мужчина богатырь’, *Күүстээх киһи Күн Эрилик* букв. ‘Сильный человек Солнце Мужественный’, *Сүгкэн Эрилик Тойон* ‘Огромный Мужчина Господин’ [Филиппова, 2016: 69]. Фольклорист Н. В. Емельянов отождествляет *эрилик* с *эрэли* ‘человек с большими, круглыми, вращающимися глазами’ [Емельянов, 1980: 353], что также может быть принят как один из вариантов имени, но в современном именнике эта семантика скрыта.

«Факты прямого воздействия устного народного творчества, прежде всего песенного, на определенные группы личных имен у якутов» отмечены Е. И. Убрятовой [СЛИ РСФСР, 1979: 202], на основании которых сделан вывод о «подпитывающем воздействии фольклора на тюркскую антропонимию» [СИГТЯ, 2006: 661], поэтому данная тематическая группа находится в тесной связи с фольклорными текстами, в контексте которых репрезентируются ЭИ. Семантический анализ ЭИ должен «... вестись очень осторожно, имея в виду множество и лингвистических, и исторических факторов, фольклорное преломление, поздние наслоения» [Филиппова, 2016: 73]. ЭИ характеризуются сильно выраженной экспрессией. Онимизированные апеллятивы несут в себе только положительные коннотации. Наиболее ярко раскрывается модель идеализации разных качеств человека, подкрепляемая сакральностью семантики исходных имен. Структура ЭИ соответствует существующей системе ЛИ – усеченные до одной основы, без эпитетов. Основная масса имен-новообразований данной группы сложилась в конце XX в. – начале XXI в., что свидетельствует о возрождении ЛИС, об их популярности.

Имена-пожелания: *Саргы Будууйан* (*Сарга* (*Саргы*) *Будуев*), *Саргылаана*, жен. – возвыш. сущ. *саргы* ‘счастливое будущее’. В дохристианских именах *Саргы* – мужское имя, в современном именнике – женское. «Окающий» синоним *соргу* в именнике не встречается. Гендерная трансформация антропонима связана с развитием русской антропонимической системы, где мужские и женские имена четко разделены по конечному гласному аффиксу *-а*. По наблюдениям Т. И. Петровой: «В сознании современного якута гласный на конце имени вызывает представление о лице женского пола. ... из 57 женских имен 54 имеют окончание на гласный и лишь три традиционных якутских имени – *Күннэй*, *Күөрэгэй*, *Ньургуһун* – оканчиваются на согласный» [Петрова, 2005: 143]. Такое преобразование семантики наблюдается

в современных именах *Күннэйэ*, *Сабыйа*, ныне употребляемые только как женские; *Дьол*, *Дьолурхан*, *Дьолсун* – сущ. *дьол* ‘счастье’; новообразование, искусственное составное имя. Формант *-сун* перекликается с омертвелым формантом *-хсын* в фольклорных онимах *Айыы Мылахсын Хотун*, *Симэхсин эмээхсин*, *Ньыка Харахсын*. Семантика имени *Дьолсун* – ‘будь счастливым’; *Албан* – возвыш. прилаг. *албан* ‘славный, отменный’. Семантика ‘будь славным’; *Күндү Ньардыаахан* (*Кенду Нарбахов*), *Күндүл*, *Күндүсхаан*, жен. *Күндүүнэ*, *Күндэлиинэ*, *Күндүлүүнэ* – прилаг. *күндү* ‘дорогой, ценный, дорогостоящий, драгоценный’, *күндүл* ‘сверкающий, блестящий; сияющий’; от сущ. *кун* ‘солнце’ в значении ‘дорогой, подобно солнцу’, ‘пожелание быть дорогим, любимым’; *Байдам* – от сущ. *баай* ‘богатство, богатый’, ‘будь богатым, живи в достатке и изобилии’; *Төлкө Сэлбийэп* – сущ. *төлкө* ‘судьба, участь, предназначение’. Дохристианское имя, вероятно, пожелание счастливой судьбы; *Эрэл Кинтээйэп*, *Эрэбил* – от сущ. *эрэл* ‘надежда’, как надежда и опора семьи; *Кэриэс* – от сущ. *кэриэс* ‘завет’, вероятно, как завет, который должен исполнить носитель данного имени. Ср.: монг. *гэрээс* ‘завет, завещание’, алт. *керес* ‘завещание’; *Ордук* – прилаг. *ордук* ‘лучший, наилучший’, вероятно, в значении ‘будь лучшим, чем кто-л.’

Имена, обозначающие родственные связи. В якутской антропонимике данная подгруппа слабо развита по сравнению с другими тюркскими, например, узбекским, татарским, башкирскими именниками. Вероятно, это связано с особенностью СЛИС, где доминирует индивидуализация мотивации именования. Можно выделить следующие единичные случаи: *Абаба* (название рода), *Мырсыла уола Абабатта* – сущ. *абаба* ‘дядя (старший брат отца – независимо от пола говорящего)’, диал. ‘ольха’, ‘медведь’, ‘рябчик’ [ДСЯЯ, 1976: 39], ‘кабарга’ [ТСЯЯ, 2004: 228]; *Күтүөт Бэдьинг* – сущ. *күтүөт* ‘зять’, ‘жених’. Ср.: др.-тюрк. *Аби* – мужское имя, восходит к *abi* ‘отец’, ‘дядя’, ‘дед’ [Махпиров, 1997: 178]. Мотивация таких имен, вероятно, отвечает принципу пожелания «будь таким как он (предок)».

3.4. Апотропеические имена

Апотропеичность ЛИС можно доказать с помощью привлечения всего массива источников, обозначающих религиозные воззрения, а также типичные черты характера народа саха. На данном этапе ограничимся существующим терминологическим базисом, используемым в классификациях: муж. *Ыт Кыыһа* ‘Дочь Собаки’, *Дьуох Саахтыһа* ‘сын шамана Төнүлү’, *Саахтай Ибагаев* – от *саах*

‘кал, помет’, *Бөх Талайан* – от *бөх* ‘мусор’, *Абааһытынгы, Абааһыллай* – от *абааһы* ‘черт; дьявол; злой дух’ и др. В разных исследованиях для обозначения таких имен оперируют терминами *подставные имена* (чтобы обмануть злых духов), *плохие имена* (для защиты ребенка от злых духов), *охранные имена, отпугивающие имена* [Тыбыкова, 2010: 110], *отталкивающие имена* со значением ‘грязь, уродство’, *обманные (защитные) имена*, охраняющие от «нечистой силы» и злого глаза [Никонов, 1974: 99, 100]. Основа их мотиваций – вера в магическую силу слова. Обозначение преследует одну цель – сохранить ребенка, уберечь от болезней, от сглаза. Такие имена в основном связаны с обстоятельствами рождения ребенка, поэтому мотивация может быть самой различной: болезни (в семье постоянно умирают дети), суеверие, проклятие на их род и т. д. Сложность заключается в том, что в лексикографических источниках нет пометы «охр. имя». Следовательно, такие имена выявляются только в контексте фольклорных текстов (преданий, легенд, а также мифов). К данной группе можно отнести следующие имена: *Офонньор Ииктийэп* – сущ. *офонньор* ‘старик, старец’. *Офонньор* указывает на его социальный статус, мотивирует на пожелание уважительного к нему отношения; *Кыыһыкай*, жен. – от сущ. *кыыс* ‘девочка, девушка’, ‘дочь’. ЛИС с компонентом *кыыс* немногочисленны, обычно используются в мужских охранных именах, по-видимому, ими называли при рождении ребенка. Связано это с желанием сохранить ребенка, уберечь от сглаза и злых духов. Аффикс *-(ы)кай* усиливает эмоционально-экспрессивную окраску, придает характеру девушки хитрость, воинственность и стержовность. Компонент *кыыс* в мужских именах, например, *Хара Кыыс* ‘Черная Девочка’, вероятно, указывает на обстоятельство рождения, где на свет появлялись только мальчики, что не всегда устраивало родителей, поэтому последнему мальчику давалось имя с компонентом *кыыс*. Такая традиция имяназвания существует, например, у тувинцев [Сувандии, 2004: 36]. Ср.: алт. *Бокту* ‘гавнистый’, *Өтөк* ‘навоз’, *Ламануул* ‘плохой мальчик’ [Тыбыкова, 2010: 110]; кирг. *Кулкөтөн* ‘кул ‘раб’+көтөн ‘зад, задний проход’ [Жапаров, 1989: 128]; башк., тат. *Улмэс* ‘не умрет тот’ [Шайхулов, 1983: 14].

3.5. Ласкательные имена

Обособленную микрогруппу образуют ласкательные имена, которые в лексикографическом материале обнаружить сложно, так как помета ‘ласкат.’ встречается крайне редко, поэтому они могут выявляться только по контексту: *Барахсан* – сущ. *барахсан* ‘бедняга, бед-

няжка, милый’, милок; «монгольского происхождения, является причастной формой *-ксан* в письменном монгольском языке от глагола *бараху* ‘кончить, довершить, истребить, уменьшаться, кончаться’. Этим словом в якутском языке выражается любовь, ласка, сожаление, сочувствие» [Убрятова, 1950: 261]. Вероятно, обладатель имени имеет маленький рост, так как «уменьшенный, миниатюрный предмет представляется милым» [Петров, 1978: 195]; *Кутайын* – от *кутайы* (*кутаайы?*) ‘искорка, ласкательное прозвище, которое дают новорожденным детям, когда разговаривают с ними, пеленая или убаюкивая» [Пекарский, 1959 I: 1264]; *Сыччыка* – вероятно, от модаль. сл. *сыччыый* ‘обращение старших к детям, выражающее любовное, ласковое отношение’; перен. знач. ‘детский половой член’ [Пекарский, 1959 II: 2508]; ср.: жен. *Сиччиикэ* [Пекарский, 1959 II: 2255]. Ласкательные имена дают, прежде всего, детям. Вероятно, их отсутствие в ономастических источниках связано с представлением якутов о том, что «ребенок до семи лет не входит в число людей, поэтому его могли съесть даже мелкие абаасы, обычно поедавшие телят» [Бравина, 2005: 43]. Без сомнения, мотивация ласкательных имен носит тоже апотропеический характер.

Рассмотренный антропонимический материал позволяет выявить следующие структурные типы ЛИС:

1) **простые производные (безаффиксные) антропонимы:** Тип ИМЯсущ.0 (*Батас, Кустук, Чолбон, Кэнчээри, Сардаана, Собо*);

2) **простые производные (аффиксальные) антропонимы:** Тип ИМЯсущ.+аф. (*Куннэйэ, Алгыстаан, Арчылан, Уруйдаан*), ИМЯ-прилаг.(+аф.) (*Кэлэбэй*), ИМЯглагол.(+аф.), (*Кытарбаайы*), ИМЯобр. глаг.(+аф.) (*Ласпабар, Күкүһүэй, Хаахтыя, Хонйоон*);

3) **составные (сложные) производные антропонимы** (*Айсуюла, Кункуо*).

Ономастическая деривация обусловлена ориентацией на конкретный денотат, что связано с номинативной функцией самого личного имени. То есть рассмотренные антропонимические аффиксы выражают обобщенный образ носителя имени, тем самым некогда нарицательные слова перешли в специальный разряд – антропонимический знак.

Образные имена, зафиксированные в указанных первоисточниках, являются творением дохристианского времени саха, которое впоследствии было утрачено в связи с введением русской антропони-

мической системы с 1630-х годов, т. е. с изменением «социальных условий функционирования подобных слов» [Слепцов, 1990: 145].

Сильная раздробленность классификации в данной работе обусловлена тем, что до этого полной классификации ЛИС не производилось. Тем не менее данная классификация имеет все классифицирующие признаки: 1) основана на существенных *признаках* ЛИ (апеллятивная основа, мотивированность, родственность семантических и тематических групп); 2) классифицирующие признаки поддаются *объективному наблюдению*; 3) классификация является следствием и выражением *общественной жизни* якутов; 4) носит исторический характер, т. е. он не статичен, а раскрывает языковые единицы в *динамике*; 5) подводит к вопросу о *генезисе* ЛИС как репрезентантах социальных явлений.

На основе рассмотренного материала и сделанных выводов, классификацию личных имен саха в кратком виде можно представить так:

I. Имена-дескриптивы.

Антропонимы-соматизмы. Голова. Внутренние органы. Ноги. Руки. Общий облик, поверхность тела человека. Волосы. Покрытия. Кровяные сосуды. Половые органы. Другие части тела.

Имена по роду деятельности.

Числовые имена.

Имена, связанные с цветообозначением.

Космонимы.

Зоофорные имена. Общие названия. Млекопитающие. Птицы: мелкие птицы, хищные птицы. Водоплавающие (утки). Болотные птицы. Зимующие птицы. Лесная дичь. Рыбы. Земноводные и пресмыкающиеся. Насекомые. Домашний скот. Домашние животные.

Фитофорные имена.

Имена, связанные с военной лексикой.

Имена, происходящие от названий национальных блюд.

Имена, данные по виду ландшафта.

Имена, связанные с природными явлениями, временами года.

Имена, связанные с металлом.

Имена, связанные с ведением традиционного хозяйства. Скотоводство. Коневодство. Рыболовство. Кузнечное дело. Охотничий промысел. Оленеводство. Судопроизводство.

Имена, связанные с предметами быта: Орудие труда, утварь. Посуда. Одежда.

Имена, связанные с названиями болезней (или их последствиями).

Имена, связанные с обстоятельствами рождения.

Образные личные имена.

Имя-движение.

Имя-оценка. Голова. Лицо. Рот. Губы. Нос. Глаза. Уши. Форма тела, фигура. Рост. Кожный покров. Руки. Ноги.

Имя-характер. Имена, обозначающие нравственную сущность человека с положительным оттенком. Имена, обозначающие нравственную сущность человека с отрицательным оттенком. Имена, представляющие качественные признаки характера. Имена, обозначающие манеру поведения. Имена, отражающие физические качества человека. Имена, связанные с социальными обстоятельствами. Имена, обозначающие «звуковой» признак.

II. Имена-меморативы.

Имена, связанные с религиозными воззрениями. Культ айыы. Культ солнца. Титулярные имена. Имена-этнонимы.

III. Имена-дезидеративы.

Эпические имена. Имена пожелания. Имена, обозначающие родственные связи.

IV. Апотропеические имена.

V. Ласкательные имена.

Глава 4

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНЫХ ИМЕН САХА

Заложенные в трудах В. Гумбольдта, А. А. Потебни, Э. Сепира и других исследователей основы лингвокультурологических исследований в той или иной степени получили развитие во многих лингвистических школах мира. Одними из наиболее цитируемых и актуальных для гуманитарных наук в целом до сих пор остаются идеи В. фон Гумбольдта. Пожалуй, главная его мысль – «язык переплетен с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры» [Гумбольдт, 2000: 48] – стала главным постулатом для различных исследований в сфере интеграции языка и культуры.

Лингвокультурология как наука, объединяющая не только материалы и результаты трудов этнографов, фольклористов, историков, диалектологов и др., но и вовлекающая в свой круг исследования их объекты, предметы и методы исследования, имеет преимущества в плане составления целостной картины этнической культуры. Личное имя по существу выступает как культурное наследие, творение культуры человечества. В этом плане ономастика как изначально междисциплинарный раздел языкознания привлекает многих исследователей. Если вчитаться в текст научных публикаций разного времени, то онимы различного разряда интерпретируются в основном на фоне культуры, культурных реалий, универсалий и ценностей. Изучение антропонимов в ключе языковой картины мира и национальной культуры народа представлено во многих работах, например: картина мира германцев [Топорова, 1996], реконструкция северно-русской ономастической картины мира [Рут, 2008], имя в контексте славянских лингвокультурных традиций [Толстой, Толстая, 1998], ономастическая номинация в контексте истории культуры [Голомидова, 1998] и т. д.

Тюркские личные имена в контексте языка и культуры (лингвокультурологии) были рассмотрены в трудах Г. Ф. Благовой (космологические и социальные представления в пратюркских именах; этническая

специфика мышления и поведения) [2006: 660–763], Г. Р. Галиуллиной (татарские имена в лингвокультурологическом контексте) [2008, 2009], А. Ж. Мамажакыповой (коды культуры киргизских имен) [2009], Г. Ф. Саттарова (антропонимикон татар от домусульманского языческого периода до современности на фоне исторического, культурного преобразования общества) [1990], Е. И. Убрятовой и Н. Е. Петрова (имена саха в связи с данными словесного народного творчества) [СЛИН РСФСР, 1979: 200–207], языковая картина мира башкирского антропонимикона З. М. Раемгужина [2009] и др. Все исследователи, отмечая семиотическую природу антропонимов, обосновывают результаты исследований, используя внутренний, семантический ресурс антропонима, который отражает национально-культурные, социальные, духовные и другие стороны жизни народа. Таким образом, структурно-семантическая организация, внутренняя форма, зоны функционирования, коннотация и дефиниция личных имен обусловлены особенностями национальной культуры и национального языка, которые можно представить посредством или на основе интерпретаций в различных аспектах лингвокультурологии: концепты, традиции имьянаречения, концептуально значимые слова, коды культуры, и т. д.

4.1. Концепт как аспект лингвокультурологии

Функционирование ЛИ (присутствие в именнике) непосредственно зависит от экстралингвистических факторов, которые в свою очередь становятся неотъемлемой частью образования и существования концептов. В исследованиях по грамматике тюркских языков резюмируется, что «при наличии живой семантической связи тюркского ЛИ с соответствующим апеллятивным словом ... можно определять наиболее значимые понятия (*концепты*) в жизни древнетюркского этноса, ... тем самым демонстрировать специфичность ценностных ориентаций» [СИГТЯ, 2006: 755]. То есть одним из аспектов изучения антропонимов как проявлений культуры является *концепт*.

Понятию и определению концепта (от лат. *conceptus* – собрание, восприятие, зачатие) в разное время уделяли внимание многие исследователи языка и культуры. С. А. Аскольдов делает акцент на обобщающий характер концепта: «концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов, 1997: 267]. Д. А. Лихачев понимает концепт как сложение значения слов и практического опыта носителя языка: «концепт ... является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека»

[Лихачев, 1993: 4]. Е. С. Кубрякова опирается на память и психику человека: «концепт – это оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, ... всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Краткий словарь..., 1996: 90]. В. Н. Телия понимает концепт как продукт человеческого сознания без его языковой интерпретации: «концепт – это продукт человеческой мысли и явление идеальное, а следовательно, присущее человеческому сознанию вообще, а не только языковому» [Маслова, 2008: 109]. Ю. С. Степанов определяет концепт как результат взаимодействия культуры и ментальности: «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов, 2004: 43]. З. Д. Попова, И. А. Стернин рассматривают концепт как элемент мыслительной деятельности человека: «концепт – единица мышления, их основное назначение – обеспечивать процесс мышления; концепты – единицы концептосферы, то есть сознания» [Попова, Стернин, 2007: 25]. В. А. Маслова объясняет это понятие как комплекс различных языковых явлений: «концепт – многомерное образование, включающее в себя не только понятийно-дефиниционные, но и коннотативные, образные, оценочные, ассоциативные характеристики» [Маслова, 2008: 33] и т. д.

На основе вышеприведенных определений можно вывести следующее: *концепт понимается как творческий продукт осмысленного восприятия окружающего мира, образуя тем самым картину мира, воплощенную в языковой личности.* В самой сути концепта лежит понятие культуры, которое каким-либо образом должно репрезентироваться в единицах языка. Репрезентация культуры предрасполагает наличие неких ценностей, ее ориентиров, образов, т. е. раскрытие в «многомерном смысловом образовании как *культурный концепт*» [Карасик, 2002: 91]. Осмысление окружающего мира, восприятие и мнение о нем, знание его выстраивается в определенную систему, в совокупность концептов именуемого «*концептуальной системой*» [Маслова, 2008: 93].

В якутском языкознании концепт тесно связывается с понятием национальной культуры. Академик П. А. Слепцов подчеркивает, что «даже самое беглое знакомство с концептосферой родного якутского языка выявляет неразрывную ее связь с многовековой культурой якутского народа» [Слепцов, 2006: 16]. Якутоведами (лингвисты, этнографы, культурологи) был рассмотрен ряд концептов якутского языка: *доля-судьба* [Романова, 2009], *кэл, человек, животные, время, природное явление, артефакт, запах, звук, ментальное действие*

и др. [Прокопьева, Монастырёв, 2012], *земля* [Мелехова, 2013], *алаас* [Дьячковский, Попова, 2014], *сылгы/лошадь* [Васильева, 2015], *локативность* [Прокопьева, Борисов, 2016], *душа, жизнь, любовь, слово, свобода* [Николаева, 2017] и т. д., где авторы делают акцент на проявлении концепта во взаимосвязи языка и культуры. Следовательно, понятие концепта неразрывно связано с национальным языком и национальной культурой, которые как компоненты свойственны «... именам собственным, пожалуй, даже в большей степени, чем аппеллятивам (...), поскольку их групповое и индивидуальное значение прямо производно от истории и культуры народа – носителя языка» [Верещагин, Костомаров, 1990: 57, 60].

Описание ономастического концепта предполагает определение семантики аппеллятивной основы антропонимической единицы. Тот фрагмент действительности, который зафиксирован или хранится в семантике антропонима, является особым типом ономастического знания – «*ономастическим концептом*» [Щербак, 2009: 169].

Концепты, выраженные в ЛИС, подразумевают существенную исходную связь с концептом ЧЕЛОВЕК, при этом личные имена выступают в качестве объекта базового антропонимического концепта ИМЯ СОБСТВЕННОЕ – *Николай Иванович, Лонкууда* [Прокопьева, Монастырёв, 2012: 714]. Личные имена, зафиксированные в письменных документах, как объект базового концепта ИМЯ СОБСТВЕННОЕ создаются многозначными аппеллятивными основами с определенными коннотациями, различными антропонимическими показателями (форманты, компоненты). Личные имена также во многом являются частью культурных реалий, которые связаны с определенными значимыми событиями в жизни человека и общества. Такая связь предполагает изучение языковой личности – носителя имени.

Таким образом, исходя из антропоцентрической парадигмы, для выявления концептов, выраженных в ЛИС, считаем возможным обозначить следующие экстралингвистические факторы: 1. *Временной (исторический) фактор*, т. е. время, когда образовались (могли образоваться) ЛИ; 2. *Фактор локализации*, т. е. место, где образовались (могли образоваться) ЛИ; 3. *Культурный фактор*: материальная культура – ведение традиционного хозяйства, духовная культура – религиозные воззрения, традиции имянаречения, обычаи. Эти три фактора образуют ономастическое пространство, существующее в рамках культуры народа саха. К экстралингвистическим факторам также относятся «физическая, социальная, психологическая действительности, рассматриваемые в языке» [Ахманова, 1969: 524], т. е. в антропонимах.

Разберем названные факторы, которые составляют характеристику и признаки антропонимического концепта личного имя саха (ЛИС).

Временной фактор. Одним из релевантных экстралингвистических факторов образования ЛИС является *временной (исторический) фактор*. Это обусловлено тем, что традиции имянаречения функционируют и развиваются в пределах определенных временных рамок. Рассматриваемый нами в синхронии и диахронии именная форма саха охватывает два взаимодополняющих друг друга периода (условно) – *дохристианское* (до 1632 г. – официальная дата присоединения к России), *становление современного прорусского именника* и до наших времен. Изменение культуры дохристианского времени отчетливо вырисовывается на актах смены веры, т. е. перемены имени с письменной фиксацией. Как отмечает историк А. И. Гоголев, «... перемена веры расценивалась внутренне, прежде всего, как перемена формы обрядности и замены имен божеств» [Гоголев, 1994: 27], значение которых постепенно утрачивается или затемняется. Данный факт четко прослеживается в фольклоре, в образцах которого «в XIX в. наблюдался своеобразный синтез православия и язычества (*культ айыы*)» [Покатилова, 2013: 83]. То есть смена системы личного имени происходила постепенно и была тесно связана с религиозными воззрениями. Данное явление наблюдается в типах личных имен. Например, традиционные двух-, трехчленные имена *Дьоруо Хонтой*, *Дьуох Сахтыя*, *Көнө Кэтэх Айбаана* постепенно замещаются двухчленными – *Дьаллай Оконов*, *Дьэгин Чугунаайан*, *Күндү Ньардыаахан* (*Кендү Нарбахов*), где имя отца становится фамилией (прозванием – араспааньна) с русским окончанием. Переосмысленную, адаптированную форму имени мы видим в современной модели именования, например, *Тускул Иванович Иванов*, *Ньургуйаана Николаевна Васильева*. Временные границы утраты исконной модели именования установить сложно, так как ЛИС в качестве прозвищ активно существовали до начала XX в., о чем свидетельствуют Словарь Э. К. Пекарского, этнографические труды Сэсэн Боло.

Локализация как культурный фактор имеет свои особенности для интерпретации ЛИС и связана с проблемой не только расселения саха, но и с освоением северо-восточных земель России. Так, схематическое картографирование по данным Словаря Э. К. Пекарского (см. Прил. 2, карта № 2) отражает увеличение числа населенных пунктов (наслегов), в которых зафиксированы ЛИС, по сравнению с ясачными волостями в 40-х годах XVII в. (см. Прил. 1, карта № 1). При сопоставлении карт разных временных срезов выяснилось, что:

1) проприальный состав в двух источниках различается;

2) освоение и административное деление северо-восточной части (нынешней Якутии) будущего Российского государства продолжались до начала XVIII в. Например, в ясачных списках XVII в. [Указатель..., 1970] не упоминаются колымские наслеги, которые в последующих источниках уже значатся. Появление саха на р. Колыме относится к началу XVIII в. [Парникова, 1967: 12]. Есть мнение, что отсутствие данных в ясачных документах можно объяснить тем, что «сборщики ясака не детализировали этническую принадлежность плательщиков ясака. Для них все жители были юкагирами. Кроме того, якуты-беглецы скрывались от сборщиков ясака. Как гласят легенды, скрывшихся беглецов на Колыме нашли “через три поколения”» [Старостина, 2009: 21];

3) антропонимические совпадения названий наслегов в Колымском округе (I, II Хангаласский, Борогонский наслеги) – одних из главных (по Г. В. Ксенофонтову – царственных) родов саха, связаны не только с массовым бегством хангаласских родов от произвола воевод, но и наводит на мысль, что саха задолго до прихода русских имели в собственности землю, территориально разделенную между родами и племенами, чему есть свидетельство челобитной С. Дежнева: «... со Стародухиним, сделав коч, из Оймьякона спустились по Индигирке, и там обнаружили алазейских юкагиров и юкагиров-“оймоков” (омук – человек иного рода, улуса) на Ковыме реке (Колыма). (...) Дежнев шел по информации и путям сообщения якутов и тунгусов, которые тоже могли собирать ясак еще задолго до прихода русских» [Ксенофонтов, 1992: 264]. Быстрое освоение и организация на далекой Колыме якутских наслегов говорят «... о действительном существовании у якутов феодальной монархии степного скотоводческого типа» [Ксенофонтов, 1992: 77], распространенного на территории нынешней Якутии.

Культурные факторы: традиционное ведение хозяйства, быта; особенности характера и мышления; особенности внешнего облика человека; общность и отличие от других тюркских языков в историко-культурном, лингвистическом аспекте; особенности окружающего природного ландшафта; общность и отличие религиозных (космогонических) воззрений с тюркскими народами – играют значимую роль в изучении ЛИС в лингвокультурном аспекте.

Нам интересен **национальный характер саха** в качестве аспекта, который можно обосновать таким наблюдением: «Ни у одного из коренных племен Восточной Сибири не развита так словоохотливость, как у якутов» [Маак, 1887: 87]. Вероятно, и это качество сыграло свою роль в становлении многотысячного именника саха в дохристианское время.

Особенностями образного мышления обусловлены национальные черты характера саха, как положительные, так и отрицательные. Образность личных имен отчасти восходит к положительным чертам национального характера саха: «... способность быстро воспринимать чужую культуру, трудолюбие, воля, устойчивость физического типа, морально-психологическая и экономическая приспособляемость, способность к ремеслам и т. п.» [Попов, 2000: 56]. Некоторый негативный оттенок, который можно уловить в большинстве оценочных ЛИС, скорее всего, является признаком выражения субъективного отношения в речи, основанного на детализации, являющейся одним из доминирующих факторов в образовании образных ЛИС. Данное свойство в комплексе с изменением ономастических реалий, происходивших с внедрением христианства, вероятно, предопределило переход ЛИС в разряд вторичных имен (прозвищ) с пейоративным оттенком, вследствие чего установилось мнение о том, что ЛИС имеют негативный оттенок.

Образные слова это «не только описание внешнего вида, но также один из методов характеристики автором героя – раскрытия его черт характера, манер и др., т. е. создания образа» [Николаева, 2014: 104], т. е. ЛИС как результат образной номинации имеют больше дескриптивный характер, чем субъективно-оценочный. Субъективное отношение, скорее, проявляется в устной разговорной речи как особая форма словотворчества языка саха в контексте морально-ценностных установок и ориентиров, определяющих жизнь человека. Такие нормы поведения человека в обществе можно отследить по **концептуально значимым лексемам**, участвующим в процессе имятворчества: *сии* ‘признание чего-л. предосудительным, неприличным, неприглядным, осуждение, порицание’, *одуу* ‘внимательное разглядывание, рассмотрение, пристальный взгляд; осуждение, нарекание; пересуды’, *одуу быс* ‘осуждать, насмеяться над кем- или чем-л.’, равно как и положительных черт: *ойуулаа* ‘описывать, охарактеризовывать, воспевать кого- или что-л. или обрисовывать, представлять себе какую-л. картину’, *дьүһүн* ‘лицо’, ‘внешний вид, наружность кого-л., облик’ (например, погов. *эр дьүһүнүгэр баар*, букв. ‘мужество написано на лице’), *дьүһүн-бодо* ‘весь наружный вид, облик кого- или чего-л.’, *дьүһүннээ* ‘изобразить, описать что-л. образно’ и т. п.

Оценка облика, характера человека репрезентируется также и фразеологизмами, которые, в сущности, по номинативной функции сходны с ЛИ (обозначают предмет, объект, т. е. называют, обозначают человека; не теряют свои номинативные функции в качестве члена предложения, части речи, их форма практически не меняется). Нема-

ло фразеологизмов, из которых можно почерпнуть сведения об уважительном, даже сакральном отношении к личному имени и связанным с ним жизненным идеалам, ценностям и ориентирам у народа саха: 1) *Аакка киирбит* ‘известный, прославленный’; 2) *Ааккын ааттат* ‘прославиться, получить известность; остаться в памяти народа’; 3) *Ааккын түһэн биэримэ* ‘не подводить, не подкачать, не позориться, не ударять лицом в грязь’; 4) *Ааккын ыл* ‘справлять свои именины’, букв. ‘имя свое брать’; 5) *Ааппын ааттатар* ‘продолжатель рода’; 6) *Аар саарга аатыр* ‘прославиться на весь мир’; 7) *Аартыкка баппат албан* ‘слава, получившая широкую известность’; 8) *Аата (аата-суола) алдьанна* ‘опозориться, обесславиться, лишиться доброго имени’; 9) *Аата алдьанна, сураба сууралынна* ‘бесчеститься, срамиться; лишаться доброго имени, репутации из-за неблагоприятного поступка, поведения’; 10) *Аат ааттаан (албан уккуйан)* ‘специально, преднамеренно; обращаясь к кому-, чему-л.’, букв. ‘имя называя’; 11) *Аата барда* ‘приобретать дурную славу, запятнать свое имя’, букв. ‘имя его ушло’; 12) *Аат (аат-суол) былдьас* ‘соперничать, состязаться в славе, известности’, букв. ‘отнимать друг у друга имя’; 13) *Аат быс* ‘давать кому-л. прозвище’; 14) *Аат хоммут* ‘установилось общее твердое мнение о ком-л. (преимущественно, порицательное)’; 15) *Аатын билбэт буолбут* ‘опьяневший до потери сознания, вдребезги пьяный’, букв. ‘он не знает своего имени’; 16) *Аатын оонньотор* ‘домогаться известности, стремиться к популярности’; 17) *Аатыттан аас* ‘стать бесполезным, непригодным; потерять прежнее нормальное состояние’; 18) *Аатыттан суох* ‘и в помине нет’; 19) *Киһи эрэ аатын ылан (сылдьар)* ‘только слава, что человек’ и т. д. [Нелунов, 2002, I].

Существуют фразеологизмы, которые, отражая национальное своеобразие материальной и духовной культур, группируются в ЛСГ как и образные ЛИС: фразеологические единицы, исходными словосочетаниями которых называют жесты и телодвижения (*түөһүн охсунар* ‘бьет себя в грудь’), мимику (*харабынан оонньуур* ‘играть глазами’), физиологические ощущения (*баттаба турда* ‘волосы становятся дыбом’), где рука, глаз, голова, сердце выполняют больше жизненных функций, чем другие части тела, и т. д. [Готовцева, 1994: 6–7].

Традиции имянаречения как один из аспектов образования личных имен и как «историко-культурное наследие» [Суперанская и др., 2009: 33] также относятся к экстралингвистическим факторам образования антропонимов. Они составляют важную часть изучения ЛИС, так как любой оним образуется, функционирует и развивается на определенной историко-культурной основе, которая обуславлива-

ет отнесенность онама к той или иной антропонимической категории (женское, мужское, охранное, дохристианское, зоофорное, эпическое и т. п.) [Подольская, 1978: 43].

У разных народов существовали разные традиции имянаречения. Например, у алтайцев «не было обычая наречения ребенка именами родителей, родственников. Это связано с табуированием этих имен» [Тыбыкова, 2010: 111], «сохраняется старинный обычай соименования, т. е. наречение близкими по звучанию и значению именами (например, *Дьалаа, Дьалаачы* – родные братья)» [Алтайские личные имена, 1993: 18]. Хакасы «... младенца не называли по имени умерших, ... почти любое слово могло стать антропонимом» [ЛИХ, 1993: 1]. У тувинцев «вплоть до недавнего времени обычай не позволял родителям самим давать имя ребенку. Имянаречение было большим праздником» [Сувандии, 2004: 88].

Первые заметки об имянаречении у саха мы находим у Я. Линденау: «... Как только рождается ребенок, ему тотчас дается имя. А происходит это, когда приходит в юрту первый чужой человек. Дитя получает его имя. Иногда приходит в юрту посторонний человек и может дать ребенку имя, какое захочет. Если же ребенок умирает, то последующим детям они имеют обыкновение давать самые отвратительные имена, как-то: *Bosogo, Itsack, Sachod, Kutujak, Kuter* и т. д. Якуты полагают, что дети, получившие такие имена, не так легко умирают, так как дьяволы, или злые духи, боятся человека с таким именем. Когда же ребенок подрастает, то ему, кроме его основного имени, дают еще другое имя в зависимости от его качеств. Якут никогда не скажет свое имя, так как у них это считается позором. И имя умершего они никогда не упоминают. В этом якуты сходны с тунгусами» [Линденау, 1983: 15].

Г. Ф. Миллер по итогам Второй Камчатской экспедиции сделал следующую заметку: «Имена, в основе которых лежат случайные качества детей и которые иногда просто даются повивальной бабкой при рождении (например, *Orossu* ‘не вполне еще готовый’, *Ajanit* ‘родившийся на дороге’)» [Миллер, 2009: 395].

В других этнографических материалах содержится следующее: «... Родившимся детям дают имена названий по их языку того, кто в те родины ис первых глазам их представнет, то есть человек или собака, зверь или птица и прочее» [Окладников, 1948: 41], «О детских именах, об именах взрослых есть материалы, собранные фольклористом Сэсэн Боло. Судя по его материалам, родители своих детей называли по внешности, по местности, по времени рождения, давали имена любимым, знатным предков» [Попов, 1995: 118–119], «... первое

имя давали ребенку (*баччыр обо*), когда он начинал “сидеть”» [Серошевский, 1993: 512], «второе имя получал, когда он мог натянуть детский лук, вероятно, в трехлетнем возрасте (*уллунгаба хараарыыта* ‘когда почернеют пятки’, т. е. когда ребенок не только начинал ходить, но и бегать). Окончательное имя (взрослое) давалось человеку в зрелом возрасте. По именам во многих случаях можно угадать профессию или род занятий человека. Содержание и характер старинных якутских имен отчетливо подчеркивают социальную направленность выбора имени» [Васильев, 1995: 130].

В материалах Сэсэн Боло более конкретно зафиксированы следующие фрагменты традиции имянаречения: 1. Имя дает старший в семье: *эһэтэ Ньургун ойуун ньылбэгэр ууран олорон чинчилиир уонна ... аат биэрэр* – букв. ‘дед, Ньургун ойуун (шаман), посадил на колени внука, стал рассматривать и дал имя’ [Боло, 1994: 223]; 2. Имя дает родоначальник, предводитель рода в связи с событиями, обстоятельствами, в результате которых происходит имянаречение (переименование): «... *Тыгын Тойон бэккиһээн «Чоройон түһэн көтөрө бэт, онон Күндүл аата Чоробу буоллун...»* – букв. ‘Тыгын Тойон, удивившись от того, что он высоко прыгает, буквально летает, говорит «пусть имя Күндүл будет Чоробу ‘высоко прыгающий’» [Боло, 1994: 154]. Традиция имянаречения в некоторой степени совпадает с гумилевским: «тюрки не носили одного и того же имени от рождения до смерти, как европейцы. Имя тюрка всегда указывало на его положение в обществе. Мальчиком он имел кличку, юношей – чин, мужем – титул, а если это был хан – то титул менялся согласно удельно-лествичной системе» [Гумилев, 1967: 90]: «... боотуры, возвращенные в роде, меняют имя исходя из их качеств; в детстве родители называли по своему, потом давало имя его окружение (вероятно, родственники, сородичи), потом имя давал родоначальник, в конце имя давали представители других (чужих, враждующих с ними) родов» [Боло, 1994: 143], т. е., чтобы выявить лучшие качества будущего боотура, устраивали игрища, стреляли в цель, бегали наперегонки, прыгали в высоту или в длину, оценивали его физическую силу. Все это оценивали также и сэркэн сэсэнны (мудрецы), в результате давалось определенное имя. Как и в ЭИ, саха имя получали в основном не в младенчестве, а позже, когда начинали проявляться основные личностные качества человека [Филиппова, 2016: 20].

Таким образом, в письменных источниках встречаются ЛИС, которые были даны человеку, скорее всего, во взрослой жизни. О преемственности имен писал фольклорист В. М. Никифоров: «... пре-

емственность имени ... возможна при гипертрофированно развитом культе предков. А он (вспомнить хотя бы обожествление *Эллэя*) у якутов мало чем уступает скандинавскому. И сюда добавляется такое понятие, как династийность в пределах правящего рода. Некоторые варианты насчитывают между ними до 17 поколений, а число Дарханов в «Эллэяде» больше десятка, правда, не все они из Кангаласского улуса. Но преемственность имен налицо» [Никифоров, 2002: 117, 118]. Преемственность имен можно отследить по ясачным спискам, по поводу которых историк С. А. Токарев пишет так: «Сопоставление имен, особенно в ясачной окладной книге 157 с., сличение их с именами в более ранних и в более поздних документах позволяет в некоторых случаях восстановить целые родословия князцовых “фамилий”. Если подобрать по разным документам имена родственников крупных тойонов, имена “живущих подле” них, имена их “холопей” и пр., получится в иных случаях картина, напоминающая древнеримскую “familia”» [Материалы..., 1970: XVI].

Развитость родственных кланов, а значит, и присутствие понятия преемственности титулов у саха отмечали многие исследователи. Например, В. Я. Пропп, ссылаясь на исторические предания и легенды саха, отметил: «Есть особые предания о родах, на основе которых можно составить разветвленные родословные таблицы. Это несколько напоминает исландские родовые саги» [Пропп, 1976: 119]. Титулярную иерархию также отметил Я. И. Линденау: «После смерти тойона *Mundscan'a* его место занял *Tügin*, который получил титул – *Тойон-Уса* – род господ. Остальные якутские роды, которые имеют своих князей, называют не *Тойон-Уса*, а только тойон, такой титул дает ся лишь потомкам *Eldei-bator'a*» [Линденау, 1983: 19].

Эти факты отчасти подтверждаются и иными документами. Так, в «Наказе стольнику Петру Головину и дьяку Ефиму Филатову, посланным в Сибирь на реку Лену, для строения острога и приведения в русское подданство сибирских инородцев» от 6 августа 1638 г. мы находим следующее: «А в прошлом де во 139 году на великой реке Лене лутчие *тайиши*, которые государю служили, *Бодочь* и *Тынина*, и Алданские *князцы*, воровством служилых людей, Енисейского острогу атамана Ивашка Галкина с товарищи, от великих их обид, учинились от государя отгонны» [РИБ, 1875: 965]. Учитывая тот факт, что *tojın* ‘буддийский монах’ [ДТС, 1969: 572], *taisi/майиши* ‘старший наставник, учитель (в обращении к монаху)’ [Тенишев, Фэн Цзя-шен, 1960], вероятно, из рода *тойонов Тыгын*, рода *Хангалас*, от которых, по преданиям, произошли (исходят) все роды (улусы) саха, сохраняя-

ли не только господствующее социальное положение, но и выполняли религиозные обязанности, имея божество-предок и покровителя – тотем *Тойон кәтөр, Тойон кыыл* – Орла.

В XIX в. – начале XX в., вследствие массовой христианизации крещения населения установились новые традиции имянаречения: «Обычно ребенка крестили на сороковой день и давали имя. В отдаленных наслеггах крестины откладывали до приезда попа» [Слепцов, 1989: 97].

4.2. Код культуры личных имен саха

Во многом антропонимические концепты образуются, как отмечает А. С. Щербак, на основе чувственного опыта, деятельности самого человека или коллектива (племени в древности), познания окружающего мира путем экспериментов, мыслительной деятельности (умозаключение, рассуждение), вербального или невербального общения (жесты, мимика, выражения лица, фигура, походка) [Щербак, 2008: 114]. Таковую специфику «миропонимания, мировосприятия, мироощущения представителей определенной культуры в “статусе менталитета” представляет собой *культурный код*», определяемый как «“сетка”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [Красных, 2001: 5; 2016: 414], и как репрезентирующая область концептосферы ЛИС. Личное имя как знак, возникающий в результате акта обозначения, есть «акт смыслового обозначения» [Лосев, 1982: 44], так как очевидно, что человеческий язык невозможен без человеческого мышления. Таким образом, смысловое обозначение личного имени всегда соответствует определенному **коду культуры народа**. Очевидно, что с кодом могут быть связаны лексические единицы, которые являются «носителями смысла» [Лотман, 1999: 11].

«Расшифровка» кода культуры требует «единства языкового опыта, влияние культурной традиции и индивидуальности» [Лотман, 1999: 13, 14], чему соответствует условная модель имянаречения «имянарекатель-имяноситель», связанная с глубокими культурными традициями народа саха.

Личные имена, «будучи частью вербального (языкового) кода традиционной народной культуры, (...) образуют самостоятельный *ономастический код*» [Толстой, Толстая, 1998: 88]. Как особый тип кода культуры, ономастический код является концептуальным, где выражаются «разные материальные смыслы (растительный код, зоологический, кулинарный и т. п.)» [Березович, 2007: 340]. Многообразие кодов культуры отмечено в русской фразеологии: «антропный код – человек

и различного рода его свойства, состояния или виды деятельностного его проявления во всех сферах бытия, телесный или соматический код, а также духовно-ценностный код, в том числе религиозный код» и др. [Телия, 2006: 777], и обозначено «вторичной семиотической системой (соматическим, зооморфным, природно-ландшафтным и др. – кодами национальной культуры)» [Гудков, 2004: 39].

Система кодов культуры в русских фразеологизмах [БФСРЯ, 2006] нашла свое продолжение в исследованиях по тюркским антропонимам в лингвокультурологическом аспекте, например, в работах Г. Р. Галиуллиной – культурный код нации (татарские имена) [Галиуллина 2009], А. Ж. Мамажакыповой – космогонический, растительный, зооморфный, природно-ландшафтный, вещный, гастрономический, цветочный, цветовой коды (киргизские имена) [Мамажакыпова, 2009], Г. Х. Бухаровой – антропоморфный, соматический коды (башкирская топонимия) [Бухарова, 2015] и др. На основе этих исследований нами были привлечены такие коды культуры, которые представлены в антропонимах саха.

1. Соматический (телесный) код. В соматическом коде различные части тела выполняют функции символов как значимые области универсального концепта ЧЕЛОВЕК. Данный код главенствует в антропонимии саха. Личные имена как вербальные символы телесного кода являются релевантными признаками языковой картины мира саха. Соматический (телесный) код посредством образных личных имен сохраняет древний пласт проприальной лексики как результат мифологического мышления, как ядро языковой памяти народа. Исходя из мысли, что «все фонемы (...) являются элементами подражания внешним формам предметов» [Афанасьев, 1993: 101], соматический код образных ЛИС выполняет описательную функцию, отражая антропологический тип саха, связанный не только с генетической памятью, но и с «тюрко-монгольскими антропонимическими традициями, которые сохранились у якутов до середины XX века» [Уткин, 1998: 214]. Вербализацию телесного кода в современном именнике можно считать «спящим» в связи с тем, что функционирование дескриптивных ЛИС сузился, переходя в разряд прозвищ, что связано, в первую очередь, с процессом затухания «феномена индивидуального словотворчества» [Афанасьев, 1993: 112].

2. Пространственный код представляет космогонические, мифологические воззрения народа. Также он тесно связан с телесным кодом, так как имена-соматизмы в той или иной мере отображают человека в пространстве. Пространственный код синкретичен и универ-

сален. Включает в себя числовой, цветовой, ландшафтный коды, аналогично именам из соответствующих ЛСГ.

Данный код также неразрывно связан с временным кодом. Внутренний мир человека во времени и пространстве, астрономические, числовые знания, цветосимволические репрезентации отображают мифологическое мышление, которое лежит в основе культурфилософских понятий о времени и судьбе. Пространственный код является значимой областью универсального взаимосвязанного концепта ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА ‘киһи-айылҕа’.

Необходимо добавить, что временной код отображает экстемпоральный (вневременной) характер национального имени в целом. Данный принцип основан на аксиоматическом определении, исключающем акцент на синхронию и диахроню в ономастике: «любое имя, как бы давно оно создано ни было, если оно употребляется и сегодня, может рассматриваться как современное» [Суперанская и др., 2009: 234].

3. Антропный (собственно человеческий) код – «совокупность названий человека в целом, которые несут в добавление к его природным свойствам функционально значимые для культуры смыслы» [БФСРЯ, 2006: 26]. Все ЛИС соотносятся с антропным кодом.

4. Биоморфный (зооморфный, фитоморфный) код. Данный код представляет в ЛСГ «зооморфные имена», «фитофорные имена». Наиболее ярко проявляются архетипические образы, связанные с культом животных. Растительный код интегрируется с пространственным, так как является свидетельством генезиса исконного имени. Зооморфный и фитоморфный коды как результат отображения мифологического мышления проецируют собой антропный код, где главным действующим лицом в образовании кодов являются человек и его мыслительная деятельность. Антропонимические форманты являются вербально выраженными признаками как значимые области универсального концепта ЧЕЛОВЕК – ОБЩЕСТВО.

5. Предметный код относится к окультуренному человеком миру. Также его можно обозначить как вещный код. К нему относятся ЛИ из ЛСГ: «имена, связанные с металлом», «имена, связанные с ведением традиционного хозяйства», «имена, связанные с бытовыми предметами», «имена, связанные с военной лексикой» и т. д. Предметный код наиболее ярко представляет бытовые стереотипы народа как значимая область концептов ЧЕЛОВЕК – ОБЩЕСТВО ‘киһи-киһи эйгэтэ’, ЧЕЛОВЕК – ПОЗНАНИЕ ‘киһи-билии-көрүү’.

6. Духовный код «пронизывает все наше бытие, обуславливает наше поведение и любую деятельность, предопределяет оценки,

даваемые себе и окружающему миру» [Красных 2001: 19]. Данный код красной нитью проходит сквозь все концептуальные области, культурные ономастические коды.

7. Основываясь на знаковую сущность антропонимов, наличие преемственности родовых имен, можно также вывести **код предков**, которым, по сути, являются сами личные имена как историко-культурное наследие.

Как верно отмечает В. В. Красных, «между кодами культуры нет и не может быть жестких границ» [Красных, 2001: 6]. Каждый код предопределяет существование другого кода, накладывается, интегрируется, из одного кода могут выделиться несколько. Ономастический код культуры, сущность которого также универсальна, как и социальна, соответствует сущности антропонимов как социальных знаков. Как было указано в иллюстрациях ономастических кодов, социальные отношения являются следствием восприятия окружающего мира в рамках концептосфер ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА – ОБЩЕСТВО – ПОЗНАНИЕ, значение которых раскрывается и в репрезентациях ономастических концептов.

Если изучение структурных и лексико-семантических особенностей в основном носит дескриптивный характер, то ономастический код культуры как область концептосферы личных имен, основывающийся, прежде всего, на главном определении личных имен (онимов вообще) – вторичной номинации, может раскрыть не только причину мотивации наречения именем, но и поможет воссоздать ономастическую модель картины мира у народа саха, на том простом основании, что, как *носитель архетипических образов*, как выразитель национальных кодов культуры, каждое личное имя имеет базовую характерную черту, тяготеющую к мифологическому мышлению – «подменить сущности» [Мелетинский, 1976: 166].

Коды культуры соотносятся с древними архетипическими представлениями. Например, В. И. Карасик в типологии концептов выделяет «архетипические концепты, основанные на системе установок и поведенческих реакций, которые незаметно определяют нашу жизнь. В основе таких концептов лежат *архетипические образы*» [Карасик, 2009: 31]. Наиболее типичные архетипические образы представлены в группе титулярных имен. Например, в образе *Тыгына* «следует видеть архетип, (...) на котором основано этническое самосознание якутов» [Борисов, 2010: 55]. Такое же определение применительно и к именам из групп титулярных имен, связанных с религиозными воззрениями, эпическими именами, например, *Эллэй, Саарын, Дархан*,

Боотур, Ньургун и т. д., которые до сих пор являются самыми активными антропонимами современного именника. Нарративные источники сохранили тот древний пласт, который ориентирован на прошлое, изменяющееся вместе с действительностью, как и «... мифологическая семантическая система, (...) специфической функцией которой является моделирование» [Мелетинский, 1976: 171]. Модель идеального имени характеризуется подлинностью реальности прежних имён-носителей, тем самым исторические имена обретают тот самый образ, к которому стремится будущее поколение.

Модель описания части лексики языка, равно как и ее концептосферы, базируется на универсальных, основополагающих понятиях ПРОСТРАНСТВА и ВРЕМЕНИ, которые все время находятся в ДВИЖЕНИИ. В этом триединстве бытия образуется и существует концептосфера ЛИС, значимыми и составляющими областями (признаками) которой являются древние культы, базовые универсальные и национальные концепты, ономастические (антропонимические) коды культуры. Ядром концептосферы может быть апеллятивная основа антропонима, образованная в процессе накопления опыта, представлений об окружающем мире, с формированием особенностей национального характера, развития культурных ценностей в процессе осмысления окружающего мира. Данную ономастическую модель концептосферы ЛИС можно проиллюстрировать на примере наиболее характерных для самоидентификации саха антропонимов в настоящее время.

Айтальына/Ajtalwuna, жен.

Антропонимический ряд. Непосредственно связан с эпическими именами *Айталы* (*Айтальын*, *Айталын*) *Куо* ‘женщина айыы’ [Емельянов, 1980: 340]; ~ от глаг. *ай* ‘творить, создавать’, ‘предопределять, предназначать, давать жизнь, предначертать свыше (по поверью – о сверхъестественных силах, божественном начале)’; *Айтальын куо*, где *куо* ‘красавица, неженка’ [Пекарский, 1959, I: 1220].

Культ. *Айтальын Куо* в олонхо – дочь *Сабыйа Баай* – родоначальника [рода] айыы, таким образом, эпичность имени генетически связано с понятием *айыы*: 1) *миф*, общее название высших существ, олицетворяющих доброе начало; 2) все, что создано божествами, покровительствуемое ими; 3) судьба, рок, участь; 4) добрый, добросердечный; 5) весь народ: доброе племя якутов [ТСЯЯ, 2004: 362–364]. Из этого следует, что образная номинация основана на *культе божеств айыы*, т. е. связана с жизнью рода и племени, а также со скотоводством [Алексеев, 2008: 82], как свидетельство традиционного хозяйства народа саха.

Концепт. Эпическое имя синкретизировано с мифологическим мышлением об устройстве мира во главе с *Үрүг Айыы тойон* ‘Светлый Творец Господин’ и общечеловеческим концептом ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА, где базовым национальным концептом является концепт АЙЫЫ. Соотношение концептов ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА – АЙЫЫ как триединство концептуального видения окружающего мира формирует духовно-материальный каркас образования, существования и реализации имени независимо от изменения модели именования.

Код культуры. Концепт АЙЫЫ обусловлен духовным ономастическим кодом, вербальным ядром которого является лексема *айыы*. К лексикографическому эксплицированию *айыы* добавляется и самоидентификация носителя имени, связанного с понятием *носитель языка*.

Движение в пространстве и времени. Доброе, творящее начало имени сохраняется до сих пор, так как движение мифологического мышления в пространстве и времени в данном случае носит экстермпоральный характер. Устойчивость данного антропонима соотносится с совокупностью духовно-нравственных представлений человека о мире, где человек есть творящее, созидающее существо.

Таким образом, женское имя *Айталыын/Айталыына* можно определить коротко как ‘Творящая и созидающая’.

Арчылан/Arčulan, муж.

Антропонимический ряд. Образовано от сущ., устар. *арчы* ‘по старинным поверьям – обряд изгнания злых духов, нечисти из жилища, человека или какой-л. вещи посредством окуливания’; пратюрк. **arč* ‘можжеватель’ [СИГТЯ 2001: 129]. К данному имени примыкают тождественные по семантике *Арчын, Арчылаан*.

Култ. Данное имя также является репрезентацией культа айыы. Исходит от имени бога грома «Аан Дьааһын, Дьаа Буурай, Орой Буурай, Буурай Дохсун, Уордаах Дьаабыл, Сүг Дьааһын, Сүрдээх Киэптээх, Сүгэ Буурай тойон. (...) Единственным пережитком почитания Сүгэ тойона ‘Топор Господин’ было то, что лучинки из разбитого дерева использовались якутами в обряде *арчы*» [Алексеев, 2008: 99].

Концепт. Несмотря на кажущуюся утилитарность нынешнего *Арчылан/Арчылаан/Арчын*, концептуализация, а значит, категоризация окружающего человека мира близка к концепту ЧЕЛОВЕК – ПОЗНАНИЕ. Почитание древнего мифологического пантеона и его сохранение практически в первозданном виде есть непосредственное проявление базового национального концепта ҮС ДОЙДУ ‘ТРИ МИРА’.

Код культуры. Духовно-антропный код культуры вербализуется в данном имени как отголосок религиозных воззрений, которые

реализуются в самом человеке в виде особых интуитивных действий как принятие этого имени, гармонии души и бытия, предрасполагая имяносителя к стереотипному поведению – высоких моральных обязательств, положительных мыслей и принятия значения имени как ангела-хранителя.

Движение в пространстве и времени. Экстемпоральность характерно выдвигает один тип поведения данного имени – статический (консервативный). *Арчы* – заранее predetermined положительное качество, которое не может измениться в угоду событийности человеческой жизни, смены веры или политических, экономических циклических реакций.

Таким образом, имя *Арчылан* можно коротко охарактеризовать как ‘Человек Охраняющий’. Это имя, которое несет за собой самого носителя имени.

Бэргэн/Bergen, муж.

Антронимический ряд. Прилаг. *бэргэн* ‘меткий, искусный в стрельбе’; ЭИ *Тонгуоллут Бэргэн, Куралай Бэргэн (имена Байаная), Эриэдэл Бэргэн (Мэргэн), Эрбэхтэй Бэргэн* ‘Большой Палец Меткий’, *Өлбөт Бэргэн* ‘Бессмертный Меткий, Элэс Мэргэн’ [Филиппова, 2016: 45, 74, 84], *Дьизэргэн Бэргэн* ‘богатырь айыы’, *Дьизэргэс Бэргэн* (рыболов), *Дьизэргэк Бэргэн* ‘богатырь айыы’ [Емельянов, 1980: 345].

Культ. Эпические истоки пронизаны промысловым культом. Имя *Бэргэн*, вероятно, произошло от группы обрядов и поверий, соблюдение которых необходимо для сохранения охотничьей удачи, а значит, выживания семьи, рода, племени. Такие обряды в первую очередь относятся к «культу духа-хозяина леса Баай Барыллах Баай Байаная, с обрядами и запретами чисто магического характера, связанными с почитанием самих животных и или их душ» [Алексеев, 2008: 59]. Из всех осмысленных и «живых» культов промысловый культ, пожалуй, самый распространенный и всеми понимаемый.

Концепт. Сложно определить конкретный концепт, вербализуемый данным именем. Более вероятно, что *Бэргэн* относится к концептосфере ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА, так как только природный ландшафт может быть постоянным источником данного концепта. Ядром данного ономастического концепта является апеллятивная основа-лексема *бэргэн* ‘меткий’, т. е. источником категоризации и выстраивания отношений с природой становится сам человек.

Код культуры. Вера в магическую силу слова сопряжено с верой в силы природы (фетишизм и анимизм), тем самым происходит оязыковление духовного кода. Соблюдение контекста духовного кода

приводит к мысли, что культурный смысл данного кода – не пережиток, а вполне реально существующий и функционирующий тип мифологического мышления.

Движение в пространстве и времени. Сохранность и популярность данного имени можно связать с отсутствием определенных графических трудностей, например, собственно звуков саха. Данный факт обуславливает «живучесть» *Бэргэн*, но происходит постепенное «упрощение» имени, сдвиг семантики в сторону утилитарности, затемнения первичных культурных смыслов. Налицо переосмысление первичного значения с сохранением его как ядра ономастического концепта.

Таким образом, ЛИ *Бэргэн* в значении ‘Меткий’ имеет ярко выраженное мужское начало, корни которого мы находим в исконно мужском виде занятий – промысле, охоте, что является свидетельством таежно-тундрового образа жизни саха.

Маадьай Сулууһар/**Маајај** Suluuһар, муж.

Антропонимический ряд. От образ. глаг. *маадьай* ‘стать кривоногим’, прилаг. *маадьаҕар* ‘кривой, имеющий форму колеса (о ногах), кривоногий (о человеке)’.

Культ. Антропоцентризм вербально выражает и возвеличивает человека как центр мироздания, вследствие чего появляется культ человека, отвечающий потребностям самого человека, который породил эту цивилизацию. Этноспецифический культ тесно переплетается с соматическим (телесным) кодом.

Концепт. Ядро ономастического концепта – ЧЕЛОВЕК. Антропоморфность эксплицируется периферийными слоями лингвокультурного концепта: кочевой или полукочевой образ жизни; антропологический тип (соматотип), который сложился на протяжении долгого времени и приспособленный выживать в условиях вечной мерзлоты, долгой зимы, локальных типов жилищ; активный, практически «бездонный» словарь, являющийся свидетельством особых речемыслительных процессов, порожденный тюркской структурой языка, слова.

Код культуры. Имя является выразителем эволюции мифологического мышления, когда происходит конкретизация абстрактного, разделение единичного и множественного, объекта и субъекта. Имя связывается только с конкретным человеком. Могут существовать различные коннотации ядра имени, но это уже будут другие имена: *Маадья*, *Маадьяаһыт*, *Маадьян*, *Маадьяры*, *Мадьяры*. Соматический (телесный) код тесно связан с пространственным кодом, так как имя вербализует динамику движений тела или частей тела человека в пространстве.

Движение в пространстве и времени. Имя является характерным антропонимом дохристианского времени. Движение в пространстве и времени носит всеобъемлющий характер для ярких носителей языка саха. Для неносителей языка оно может быть недоступно.

Таким образом, *Мадьары* ‘Кривоногий’ с коннотацией ‘крепко стоящий на ногах’ является этноспецифическим личным именем, связанным с генезисом образного мышления, который предстоит еще глубже проанализировать.

Саарын/Saaryn, муж.

Антропонимический ряд. Прилаг., фольк. *саарын* ‘лучший, самый достойный из людей; от ЭИ *Дугуй Саарын бухатыыр, Саха Саарын Тойон* [Филиппова, 2016: 61]. У Н. В. Емельянова наряду с *Саха Саарын Тойон* ‘родоначальник айыы’ отмечено имя *Саха Саалын Тойон* ‘родоначальник айыы’ [Емельянов, 1980: 357], где *саал* – ‘жировое отложение на загривке лошади’.

Культ. Культ айыы как доминирующее начало в значении имени.

Концепт. Данное имя вербализует базовый национальный концепт ТУМУС КИИИ ‘ЛИДЕР’, органично переплетаясь с общечеловеческим концептом ЧЕЛОВЕК – ОБЩЕСТВО. *Саарын* предопределяет, направляет лучшие качества человека для достижения общенациональных идей.

Код культуры. Духовный код устанавливает посредством личного имени нравственные границы, поведение человека с лидерскими задатками. В благоприятных условиях *Саарын* становится предводителем гражданского общества, т. е. сущность определяет форму. Вербальное выражение имени воспринимается без намеков на вторичные семантические наслонения.

Движение в пространстве и времени. Эпическое имя не исчезло с течением времени, наоборот, вошло в оборот с новой силой. То есть движение значения имени в качестве маркера происходит с вызовом времени, ставящим выживание народа как задачу. Значение имени не меняется, оно сохраняет все первичные положительные свойства.

Таким образом, имя *Саарын* означает ‘лучший; верховодящий’.

Эллэй, Элэй, Эр Элэй, Эр Соботох Элэй, Элэй Сыччаахп (Эллэй Сеччахов)/Ellej, муж.

Антропонимический ряд. Слово *эллэй* означало в старину большой, громадный; имя одного из предков якутов татарского или бурятского происхождения; по преданию, от брака его с одной из дочерей Омоҕой баайа родилось несколько сыновей, от которых и произошли

якуты Якутского округа (кроме якутов Баягантайского улуса); по другому преданию, *Эллэй* был братом *Омоҕойа* [Пекарский, 1959, I: 922]. Вероятно, слово восходит к др.-тюрк. *el* ‘племенной союз, племенная организация’, *elči* ‘посол, вестник’, *ellä* ‘создавать союзы племен’, ИС *Elči* [ДТС, 1969: 169, 170, 171].

Культ. *Эллэй*, по преданиям, является человеком, который впервые провел обряд окропления кумысом, попросил благословления небесных божеств – ныне национальный праздник *ыһыах*. Данное имя оправданно связывать с культом солнца, так как *ыһыах* есть обряд поклонения солнцу. Имя имеет глубоко религиозный смысл. Также можно предположить, что *Эллэй* является своеобразным символом смены или борьбы религиозных представлений, которые происходили в долине Туймаада. «*Эллэй* значит “держатель Ил”. Ил – это согласие и организованность» [Символ веры, 2004: 14].

Концепт. Наиболее вероятно, что имя вербализовано в качестве символа, обозначающего познание человека окружающего его мира, т. е. относится к концепту ЧЕЛОВЕК – ПОЗНАНИЕ.

Код культуры. Религиозно-духовный код, функционирующий посредством *Эллэй*, синкретично связан с предметным (вещным) кодом, так как *Эллэй* обозначает конкретный предмет как символ бытия – *чороон* ‘сосуд для кумыса’. Как культурный первопредок саха, *Эллэй* вобрал в себя культовый (обряд, действие), календарный (времена года, магия, имеющая солярные мотивы) мифы, тем самым продолжил цепочку развития и сохранения мифологического мышления – абстрагирование картины мира, метафоризация воображения. Имя *Эллэй* – универсальный ономастический код культуры, в котором реализуются цветовой (белый – как цвет веры *айыы*), гастрономический (пищевой) (молочные продукты, которые были впервые приготовлены для ритуально-обрядового праздника *ыһыах*), предметный (посуда, утварь, которые *Эллэй* изготовил со своей женой), пространственный (например, круг – круговой танец *оһуохай*, церемониальная площадка *түһүлгэ*), временной (*ыһыах* в летнее солнцестояние, начало окультуривания природного пространства), архитектурно-домостроительный (установление коновязи *сэргэ*, обустройство усадьбы), поведенческий (церемониал *ыһыах*), физически-деятельностный (деятельность как культурного первопредка) и другие коды.

Движение в пространстве и времени. Нарративные источники сами по себе являются фактами десакрализации значения имени *Эллэй*, так как постепенно усиливается социализация имени, увязывание имени с бытом и хозяйством, т. е. происходит опрощение первичной

семантики имени. Из всех древних личных имен *Эллэй* является самым ярким выразителем архетипического образа, который находится в пространстве языка саха в неизменном виде, тем самым сохраняется его устойчивая популярность.

Значит, *Эллэй* в антропонимическом значении ‘Миротворец; Творящий Мир’ является также маркером самоидентификации народа саха.

Таким образом, личное имя саха как репрезентант ономастического (антропонимического) кода культуры и носитель архетипических образов образует антропонимическую модель, включающую также и концептосферу ЛИС. Данную модель можно представить в виде табл. 2.

Таблица 2

Антропонимическая модель саха

ДВИЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ			
АНТРОПОНИМИЧЕСКИЙ РЯД (эпические имена, мифологические имена, дохристианский именной, современный именной саха и т. д.)			
Концептосфера личных имен саха			
Культ	Базовый универсальный концепт	Базовый национальный концепт	Ономастический (антропонимический) код культуры
Культ айыы	ПРИРОДА – ЧЕЛОВЕК	АЙЫЫ АНЬЫЫ-ХАРА ТЫЫН ҮС ДОЙДУ КӨНҮЛ, ТУМУС КИИИ КЭСКИЛ ДЬЫЛҔА ЫЙААХ-ОНОРУУ КҮН ИЙЭ СИР АҔА ХАЛЛААН САХА АНАЛ ААТ	Соматический (телесный)
Промысловый культ			Пространственный
Культ духов-покровителей семьи	ЧЕЛОВЕК		Антропный
Культ кузнецов	ЧЕЛОВЕК – ОБЩЕСТВО		Биоморфный (зооморфный, фитоморфный)
Культ солнца			Предметный (вещный)
Культ предков	ЧЕЛОВЕК – ПОЗНАНИЕ		Духовный
			Код предков

4.3. Концептосфера личных имен саха

Мышление, выраженное в личных именах, с его «консервативностью, устойчивостью, обособленностью в языке, а также с легкостью усвоения другим языком» [Матвеев, 2004: 12], можно выявить в антропонимической системе. Известно, что «... категоризация есть ключ к пониманию человеческого мышления, то есть, в итоге к пониманию того, что представляет собой человек. ... Сравнивать можно лишь сопоставимые понятия. Сопоставимыми можно считать такие виды ментальных единиц, как наивная (повседневная) категория и концепт, который является результатом не логических ментальных операций, а наивной концептуализации: *концепт-понятие, концепт-представление, концепт-ассоциация*. При этом главным видом всех концептов признается концепт-понятие» [Шафииков, 2007: 3, 4]. Из этого следует, что антропонимический концепт (АК) может быть понятийным, так как в антропоцентрической модели человек категоризирует свои представления, мысли, понятия обо всех известных ему формах материи, равно как и самого себя – человека.

АК ЛИС целесообразно репрезентировать в связи с русским ономастическим пространством ввиду неразрывной связи именика саха в аспекте пространственно-временных соотношений их существования и функционирования: «Ономастическое пространство представляет собой полевую структуру с ядерными и периферийными конститuentами. (...) Ядро антропонимии составляют личные (крестные, полные) имена и их гипокористические (краткие, домашние) формы, (...) а прозвища и псевдонимы образуют антропонимическую периферию» [Супрун, 2000: 7, 8]. Выделение национальной системы личных имен порождает национальную систему концептов. На основе важнейших характеристик концептов исследователи отмечают «национально-культурную специфичность» ономастического концепта [Щербак, 2008: 105], которая отражается в значениях национальных личных имен.

Концептосфера языка саха неотделима от лингвокультурного континуума в целом. Культуролог Г. С. Попова выделяет следующие базовые национальные концепты: АЙЫЫ ‘общее название высших существ, олицетворяющих доброе начало’, ‘судьба, рок, участь’; КӨНҮЛ ‘свобода; воля’; КҮН ‘солнце’; ТЫЫН ‘жизнь; дух’; дьылба ‘судьба, рок, участь, доля’; ЫЙААХ-ОНОРУУ ‘судьба, рок, участь’; АНЬЫЫ-ХАРА ‘грех’; ТУМУС КИИИ ‘лидер’; ИЙЭ СИР ‘мать-земля’; АҕА ХАЛЛААН ‘отец-небо’; КЭСКИЛ ‘будущее счастье, благополучие; предназначение; судьба’; ҮС ДОЙДУ ‘Три мира (верхнее, среднее, нижнее)’ [Попова, 2010: 122, 123]. Так как базовые концепты

являются жизненными ориентирами и ценностями, то они не имеют свойства кардинально меняться, таким образом выделенные культурные концепты могут быть и базовыми антропонимическими концептами ЛИС, к которым примыкает антропонимический концепт ИМЯ СОБСТВЕННОЕ ‘анал аат’. В данном случае для выделения национально-специфичного концепта ИМЯ СОБСТВЕННОЕ требует привлечения знаний из других отраслей.

По этнографическим, фольклорным материалам «у якутов вплоть до конца XIX и начала XX вв. сохранились пережитки весьма архаичного по своему содержанию прямого почитания окружающего мира и взаимосвязанного с ним культа духов-хозяев предметов и явлений природы» [Алексеев, 2008: 45], которые в полной мере представлены в именнике саха. В связи с этим выделенные АК целесообразно синкретизировать с основными архаичными культами саха (по Н. А. Алексееву): *культ животных, промысловый культ, культ духов-покровителей семьи, культ (божеств) айыы, культ кузнецов, культ солнца, культ предков*. Таким образом, АК являются базовыми национальными концептами, которые являются результатом коллективного опыта, опыта единой нации.

АЙЫЫ условно ‘доброе начало; творение’, как фрагмент о мире обладает общенациональными признаками, дополненными «индивидуальным опытом и личным воображением» [Пименова, 2005: 16]. *Культ айыы* связан с двумя наиболее важными сторонами жизни якутов – «с жизнью рода и племени, со скотоводством» [Алексеев, 2008: 82]. Репрезентантами концепта являются архаические антропонимы такого порядка: *Лабанха ойуун* (первый шаман культа айыы), *Элэй* (культурный предок народа саха), *Айаатыыр Бөбө* ‘силач, гулко, протяжно ревущий (напр., о быке)’, *Внахтыйбыт Эмээхсин* ‘старуха, имеющая много коров’, *Эмньик Кулун* ‘сосущий жеребенок’, *Элэмэс Ыйылас* ‘пегий визжащий’. Из современных имен – *Айсен* ‘внук айыы’, *Айыына*, *Айархаан*, *Айастаан*, *Айталын*, и т. д. где основа имени слово ‘айыы’.

АНЬЫЫ-ХАРА ‘грех’ является оппозицией АЙЫЫ. Данный концепт в антропонимах вербализуется слабо, так как в ЛИ отрицательные черты хоть и выделяются, но называть их греховными именами нельзя. Поэтому наиболее характерные имена, подобно *Абааһы Дадыр* ‘по преданиям, воин, силач со скверным нравом, выживший всех в округе’, *Абааһытыны* ‘как злой дух’, *Түөкүн Чохчой* ‘плут, мошенник, пройдоха’, *Суолга Саахтыыр Толукаан* букв. ‘испражняющийся в пути’ (мотивация неизвестна), *Эмньик Кулун* ‘сосущий жеребенок;

отъявленный вор’, целесообразно относить к метафорическим ЛИ, частично являющимся репрезентантами концепта АНЬЫЫ-ХАРА.

ТЫЫН ‘жизнь; дух’ связан с концептами АЙЫЫ и КҮН, так как культ айыы и культ солнца можно считать ликами одного и того же явления – веры. Согласно И. А. Худякову, «у якутов обыкновенные люди ведут свое происхождение от солнца и месяца» [Худяков, 1969: 291], поэтому архаический понятийный признак данного концепта относится ко всему именнику. Промысловый культ представляет собой «магическое соблюдение ритуальных обрядов и поверий, которые необходимы для сохранения охотничьей удачи» [Алексеев, 2008: 59]. ЛИ, связанные с традиционными занятиями, бытом, а также имена-соматизмы являются яркими репрезентантами данного концепта: *Алтан Түөс Эмээхсин* ‘Старуха с золотой грудью’, *Аан Чаачай ойуун* ‘шаман’, *Хайахсыт* ‘делающий хайах’, *Төбөкөй* ‘Головастый’ и т. д. Концепт ТЫЫН соотносится с религиозно-духовным кодом культуры как совокупность нравственных ценностей и установок.

ҮС ДОЙДУ ‘три мира’, **ИЙЭ СИР** ‘мать-земля’, **АҢА ХАЛЛААН** ‘отец-небо’ как категории-символы, на наш взгляд, персонифицированы в антропонимах ЛСГ имен-меморативов – в теофорных и эпических именах: *Сылгы*, *Кут*, *Күннэй*, *Ньургун*, *Айталы* и т. д. Как заметил А. Ф. Миддендорф, «все христианство якутов заключается только в данных им при крещении именах» [Миддендорф, 1878: 827], о чем можно сказать и об исконных именах, отражающих дохристианские религиозные воззрения. Наличие данного триединства концептов отражает картину мира, где сосуществуют и функционируют ‘три мира’: «время движется относительно пространства», в центре которого – «Аал Луук Мас (Мировое Дерево)» [Колодезников, 1994: 219].

КӨНҮЛ, **ТУМУС КИҢИ** наиболее характерно представлены посредством *культа кузнецов* как одна из основ бытия материальной культуры в древности, сопряженной с духовным началом. Данные концепты представляются в виде антропонимов из группы *военных имен*, рода деятельности, а также охранных имен: *Саһыл Ондуос Бөбө* букв. ‘Лиса Ондуос Борец’, *Чорбоҕор Баатыр* ‘Выдающийся Воин’, *Ыт Кыыһа* ‘Дочь Собаки’ и т. д. Культ кузнецов синкретизирован с культом айыы, т. е. концептосфера ЛИС является синкретичной, интегрированной и вытекающей из одного концепта в другой.

КЭСКИЛ, **ДЫЛҔА**, **ЫЙААХ-ОНГОРУУ** как базисные АК вкраплены в концептосферу ЛИС, репрезентируются дезидеративными антропонимами, мотивированными культом духов-покровителей, культом животных. Такие ЛИ обычно связаны с именами древ-

них, отчасти мифологических, архетипических предков (их титулов) типа *Эллэй, Тыгын, Дархан*, с типичными детерминативами (*уол, баай, тойон, боотур* и т. д.).

Таким образом, выделенные базовые концепты можно определить и как национальные. Репрезентация данной этноспецифичности концептосферы основывается на выявлении, описании *кодов культуры*, которые образуют *культурный смысл концептосферы*. АК в национальной концептосфере находит свое место как диахронический срез национальной культуры посредством систематизации, которая восходит к универсальным концептам в такой условной схеме: ПРИРОДА – ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕК – ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК – ПОЗНАНИЕ. На данном этапе были представлены базовые национальные АК ЛИС, связанные с древними культурами, отражающими и выражающими материальную и духовную культуру народа саха. Антропонимические концепты репрезентируются в языке саха преимущественно с помощью онимизированных апеллативов в регулярной форме именительного падежа и словообразовательных средств, которые представляют собой неотъемлемую часть вербализации концепта. Антропонимическая модель ЛИС включает в себя такие смысловые области, как код культуры, архетипический образ, мифологическое мышление и антропонимический лингвокультурный концепт, которые сначала должны пройти этап структурно-семантического анализа личных имен, затем их раскрытия в виде лингвокультурологических иллюстраций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Личные имена – специфичная область языка, которая отражает традиционные представления народа о человеке в связи с осмыслением окружающего мира.

В нашем исследовании рассмотрены структура и семантика личных имен саха во взаимосвязи с культурой. Для достоверности результатов был привлечен большой массив антропонимов (более 15 тыс.) из различных письменных источников – архивных документов, фольклорных текстов (легенды, предания, мифы), научно-популярных именников, этнографических обзоров и полевых материалов автора.

Структура личных имен саха (апеллятивная основа, аффиксы, компоненты) как основа концептуализации, т. е. осмысления и категоризации окружающего мира, отличается одновременно и консервативностью, и пластичным многообразием, о чем говорит его богатый словообразовательный потенциал. Основными способами образования личных имен саха являются аффиксы (форманты) и слова-компоненты (антропокомпоненты). Морфологический способ представлен аффиксами, с помощью которых образуются части речи языка саха. Характерной особенностью образования ЛИС является наличие группы аффиксов, составляющих образные личные имена (в основном, подгруппы «имя-движение»). Эти форманты считаются заимствованными из монгольских языков, семантика которых во многих случаях остается неясной, как и их апеллятивная основа. Существуют также аффиксы *-а*, *-ыана*, *-аана*, *-ууна*, *-инэ*, *-ыына*, *-аайа*, которые используются преимущественно в современных женских именах.

Апеллятивные основы ЛИС из групп сферы объектов мира природы – космонимы (*Чолбон*, *Сулус*) имен, связанных с объектами мира человека (военная лексика (*Кылысхан*, *Болот*), названий металлов (*Тимир*, *Алтан*), титулярных имен (*Тыгын*, *Дархан*) и т. д.), соматической лексики (*Бас*, *Харах*, *Мурун* и т. д.), восходят к общетюркской лексике, представляя собой простые непроеизводные основы.

В отличие от рассмотренных систем личных имен в тюркских языках, в антропонимике саха антропокомпоненты являются неотъ-

емлемой частью дохристианских имен, которые, в связи с введением трехчленной модели официального именования, утратили свою социальную значимость. Выявлены следующие **основные типы дохристианских ЛИС**: 1) простое непроизводное «ИМЯ0» (*Саарын, Чолбон*); 2) сложные (составные) производные имена: а) «ИМЯ+аффикс» (*Хайах+сyt* ‘делающий молочный продукт хайах’, *Күн+нэй* ‘подобная солнцу’); б) безаффиксальное сложение «ИМЯ0+ИМЯ0» (*Аан Өрүөчэй*); в) «Имя0+(Имя0...)+антропокомпонент» (*Бэрт Хара*).

Семантика антропонимов саха представлена в виде семантической классификации. В классификации мы опирались на классические ЛСГ – имена-дескриптивы, имена-меморативы, имена-дезидеративы. Особо выделяются образные ЛИ по семантике и структуре, так как состав апеллятивных основ образных ЛИС, образующихся от глаголов, имен прилагательных, отглагольных имен существительных, обозначающих движение, имеет монголоязычное происхождение. Несмотря на то что их основа считается монголоязычной, их образность, прежде всего (по Е. И. Убрятовой), обусловлена образным мышлением саха, который имеет тюркский фундамент (каркас).

ЛСГ являются внешним проявлением изменения национальной (в том числе языковой) картины мира у саха. Например, онимизированные обозначения цвета репрезентируют затемнение некогда сакрального, религиозного значения, усиление акцента на обозначение внешности (цвет кожи, волос, глаз). Некоторые ЛИС с компонентом *хара* ‘черный’ являются указателем на состояние и изменение структуры организации, социально-экономического устройства общества в целом (например, *Бэрт Хара*).

Выделяются подгруппы ЛИС, которые имеют мифологический характер, тесно связаны с названиями тотемных животных и птиц: *куба, суор, сылгы, энэ, бараах, саһыл, бэдэр, мэкчиргэ* и др. Почитание этих животных восходит к общему пласту верований таежно-тундровых охотников Восточной Сибири как часть промыслового культа, следовательно, данные ЛИС образовались и развились на местной основе. Онимизированные названия животного мира, вероятно, имеют наиболее древние корни, которые восходят к формам почитания птиц и животных, представляя собой прообразы божеств из мифологического пантеона саха, а также процесс развития и разложения родоплеменных отношений, превращаясь в антропоморфные облики небесных богов. Лексический состав ЛИС наиболее ярко отражает особенности видов традиционного хозяйства (коневодство, скотоводство, промыслы) в условиях сурового субконтинентального климата, который

сохранился во время их фиксации в XVII в. и продолжился до начала XX в. в качестве вторичных имен (прозвищ).

В современном именнике, вследствие наибольшей прозрачности семантики, выраженной идеализации положительных качеств человека, подкрепляемой сакральностью эпической лексики, наиболее активно употребляются *эпические имена*. Сохранность *титულярных имен*, антропокомпоненты, указывающие на иерархический социальный статус, дают возможность утверждать, что ко времени фиксации дохристианских имен народ саха имел развитый социально-экономический и политический строй общества, в котором общество имело классовое расслоение, виды деятельности, присущие той или иной категории слоев населения (тойонатство, воины, улусные люди и т. д.).

Наблюдается незначительное количество *диалектизмов* по фонологическим (*Оххон/Орхон, Куһаҕан Сырай/Сирэй*), лексическим (*Муруку, Сыланг, Моҕой, Кучукта, Кыһыыдай*) признакам. Лексические заимствования из тунгусо-маньчжурских языков также незначительны (*Сиибиктэ, Хотокоон*).

Специфической чертой антропонимикона саха обладает подгруппа *образных личных имен*. Например, в образных именах-оценках отражаются различные внешние признаки человека: его внешний облик, рост, фигура, движения. Образные имена-оценки похожи на парные слова языка саха, которые дают целостную картину человека-носителя имени. Образные имена, как наиболее характерные репрезентанты системы личных имен саха, выражают субъективные ценностные отношения, связанные с чувственно-мыслительными процессами.

В исследовании впервые обоснован опыт *практической транскрипции с применением принципов упрощенной транслитерации*, использованный в двуязычном «Кратком именнике саха» (Приложение № 4). Он призван обогатить научный потенциал развития региональной (национальной) ономастики и тюркской антропонимики в целом.

В монографии предложен новый подход в использовании термина *хос аат* ‘прозвище’ в современной научной литературе, а также в основных источниках ЛИС. Обосновывается тезис о том, что к прозвищам саха относятся современные лично-индивидуальные прозвища, которые тяготеют к разряду *ыыс ааттар* ‘прозвища-пейоративы’, имеющие, скорее, негативную (отрицательную) эмоционально-экспрессивную окраску. Для терминологического единства выделены два понятийных термина – *личные имена саха* (или *якутские личные имена*), *антропонимы саха* (или *якутские антропонимы*) ‘саха аата’, ‘сахалыы аат’, которые могут быть в перспективе использованы вместо традиционного «якутские прозвища».

Некоторая несоразмерность глав монографии не случайна. Теоретическое осмысление, подробное изучение структуры и семантики личных имен на основе общепринятых категорий языкознания дают возможность соотносить и сопоставлять полученные выводы с результатами других исследований. Антропонимы, которые составляют специальный пласт лексики, обладают множеством особенностей.

Принимая во внимание междисциплинарность ономастики, проявление единства в многообразии мы видим в **синтезе языка и культуры, т. е. лингвокультуры**. В нашей работе данный аспект предельно осмысленно представлен в эксплицировании лексико-семантических групп, в результате которого мы можем утверждать, что картина мира саха имеет общие черты с общетюркскими космогоническими воззрениями, с терминами природы, с терминами типов культуры в части традиционных занятий. Отличительной чертой является связь личных имен саха с древними религиозными представлениями об устройстве материального и духовного мира, проецируемых через носителя имени, живущего и развивающегося в условиях северного ландшафта с его меняющимися историко-культурными, социально-экономическими, политическими условиями. Такие представления и опыт репрезентируются в виде *антропонимических концептов*: универсальные – ПРИРОДА – ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕК – ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК – ПОЗНАНИЕ; базовые национальные концепты АЙЫЫ, АНЬЫЫ-ХАРА, ТЫЫН, ҮС ДОЙДУ, КӨНҮЛ, ТУМУС КИИИ, КЭСКИЛ, ДЬЫЛҔА, БЫААХ-ОНОРУУ, КҮН, ИЙЭ СИР, АҔА ХАЛЛААН, САХА, САХА ТЫЛА как часть вербализованного культурного смысла личных имен саха. Культурный смысл ЛИС наполняется аналитикой кодов культуры на базе мифологического мышления как части мыслительной конструкции, образующейся в процессе освоения окружающего мира. В результате формируется *антропонимическая модель саха*, где проявляется антропонимический концепт ИМЯ СОБСТВЕННОЕ ‘АНАЛ ААТ’.

Исследование показало, что становление и развитие личных имен саха как системы имеют долгий путь – от сложных (составных) эпических имен до статуса вторичных имен (прозвищ) и возрожденных новообразований. Личные имена саха – это структурно и семантически определяемые социально-культурные знаки, посредством которых репрезентируется концептосфера личных имен, в том числе национальные коды культуры, являющиеся неотъемлемой частью общетюркской системы личных имен и тюркской культуры, а также ключевым фрагментом национальной картины мира саха.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев Н. А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1980. – 317 с.
- Алексеев Н. А.* Этнография и фольклор народов Сибири / Ин-т филологии СО РАН. – Новосибирск: Наука, 2008. – 494 с.
- Алиев Г. Р.* Лингвистические и экстралингвистические факторы в антропонимии (на материале тюркских языков: азербайджанского, узбекского, казахского, киргизского, татарского и башкирского): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.06. – Баку, 1989. – 379 с.
- Антонов Н. К.* Именное словообразование в якутском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Якут. фил. Акад. наук СССР, Ин-т яз., лит., истории и искусства. – Л., 1952. – 17 с.
- Антонов Н. К.* Саха билинни тылын лексиката / Саха АССР үөрэбин м-вота. – Якутск: Саха сиригэҕи кинигэ изд-вота, 1967. – 100 с.
- Антонов Н. К.* Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1971. – 175 с.
- Аскольдов С. А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997. – С. 267–279.
- Афанасьев Л. А.* Идеофонная структура образных слов якутского языка // Якутский язык: лексикология, лексикография: сб. науч. тр. – Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1989. – С. 124–129.
- Афанасьев Л. А.* Переход образных слов в знаковые слова // Якутский язык: семантика, фразеология: сб. науч. тр. – Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1990. – С. 115–122.
- Афанасьев Л. А.* Фоносемантика образных слов якутского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06. – Якутск, 1993. – 138 с.
- Аханянова Н. А.* К вопросу о мифологической основе солярно-лунарной символики в эпической традиции якутов // Язык – миф – культура народов Сибири: сб. науч. тр. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1994. – С. 194–207.

- Багдарыын Сүлбэ.* Аатга тал. – Эбэн, көннөрөн 2-с таһаары. – Дьокуускай: Бичик, 2011. – 95 с.
- Багдарыын Сүлбэ.* Талыллыбыт үлэлэр. – Т. 4: Этитиилээх ааттар=Сакральные имена. – Дьокуускай: Бичик, 2015. – 718 с.
- Баишев Г. В.-Алтан Сарын.* Ааты сахатытар туһунан. – Кыым, 1928. – Ахсынньы 13 к.
- Баскаков Н. А.* Элемент *gül* «роза, цветок» в составе каракалпакских женских имен // Ономастика Средней Азии / отв. ред. В. А. Никонов, А. М. Решетов; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1978. – С. 138–142.
- Баскаков Н. А.* Алтайская семья языков и ее изучение. – М.: Наука, 1981. – 135 с.
- Башарин Г. П.* К истории Западной Якутии (документы о распределении земли в вилюйских волостях 70-х годов XVIII в. // Якутский архив (сб. ст. и док.). Вып. 1. – Якутск: Кн. изд-во, 1960. – С. 69–170.
- Березович Е. Л.* Русская ономастика на современном этапе: критические заметки // Изв. АН. Сер. лит. и яз. – 2001. – Т. 60, № 6. – С. 34–46.
- Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. – М.: Индрик, 2007. – 600 с. – (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).
- Бетлингк О. Н.* О языке якутов / пер. с нем. В. И. Рассадина. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. – 646 с.
- Благова Г. Ф.* О причинах живучести тюркской антропонимической системы // Вопросы тюркской филологии. Вып. III (Материалы Дмитриевских чтений). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – С. 5–11.
- Благова Г. Ф.* К характеристике типов раннетюркских антропонимов // Вопр. языкознания. – 1998. – № 4. – С. 180–191.
- Благова Г. Ф.* Антропонимическая микросистема как проекция космологических и социальных представлений пратюрков // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюрковский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – М.: Наука, 2006. – С. 600–751.
- Блох М. Я., Семенова Т. Н.* Имена личные в парадигматике, синтагматике и прагматике. – М.: Готика, 2001. – 196 с.
- Боло С. И.* Прошлое якутов до прихода русских на Лену: По преданиям якутов бывшего Якутского округа. – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1994. – 352 с.

- Бондалетов В. Д.* Русская ономастика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. язык и литература». – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
- Борисов А. А.* Исторический фольклор и этносознание якутов // Этнос: традиции и современность: сб. науч. тр. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. – С. 24–31.
- Борисов А. А.* Социальная история якутов в позднее Средневековье и Новое время: (опыт комплексного исследования). – Новосибирск, 2010. – 272 с.
- Бравина Р. И.* Концепция жизни и смерти в культуре этноса: На материале традиций саха. – Новосибирск: Наука, 2005. – 307 с.
- Бравина Р. И.* Антропонимия якутов в трудах Ф. Г. Сафронова // Сев.-вост. гум. вестн. – 2015. – № 1 (10). – С. 61–66.
- Бухарова Г. Х.* Антропоморфный и соматический коды культуры в моделировании ландшафта и их отражение в башкирской топонимии // Вест. Башкир. ун-та. – 2015. – Т. 20, № 4. – С. 1289–1293.
- Васильева А. П.* Концепт «сылгы/лошадь» во фразеологических единицах якутского языка // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2015. – № 3 (45). – Ч. III. – С. 43–46.
- Васильев Л. М.* Современная лингвистическая семантика: учеб. пособие для вузов. – М.: Высш. шк., 1990. – 176 с.
- Васильев Ф. Ф.* Военное дело якутов / под ред. Д. Г. Савинова. – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1995. – 224 с.
- Васильев Ю. И.* Способы выражения сравнения в якутском языке. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. – 109 с.
- Вендина Т. И.* Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопр. языкознания. – 2002. – № 4. – С. 42–72.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1990. – (Библиотека преподавателя русского языка как иностранного). – 246 с.
- Вольф Е. М.* Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо/плохо» // Вопр. языкознания. – 1986. – № 5. – С. 98–106.
- Воробьев В. В.* Лингвокультурология. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
- Воронкин М. С.* Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. – Новосибирск: Наука. Сиб. издат. фирма РАН, 1999. – 197 с.
- Габышева Л. Л.* Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. – Новосибирск: Наука, 2009. – 143 с.

- Галиуллина Г. Р.* Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – 349 с.
- Галиуллина Г. Р.* Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02. – Казань, 2009. – 403 с.
- Гарипов Т. М.* О древних кыпчакских именах в антропонимии башкир // Ономастика Поволжья: материалы III конф. по ономастике Поволжья. – Уфа, 1973. – С. 52–58.
- Гасимова С. И.* Историко-лингвистический анализ татарских прозвищ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. – Казань, 2006. – 23 с.
- Гафуров А.* Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1987. – 221 с.
- Гачев Г.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 480 с.
- Геккер Н. Л.* К характеристике физического типа якутов=*Zur charakteristik des physischen typus der yakuten*: Антропологический очерк / под ред. правителя дел Я. П. Прейна и чл. отд. Д. П. Першина. – Иркутск: Типо-литография П. И. Макушина, 1896. – 90 с.
- Гоголев А. И.* Историческая этнография якутов. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1980. – 110 с.
- Гоголев А. И.* Мифологический мир якутов. Божества и духи-покровители. – Якутск: Изд-во ЦКиИ им. А. Е. Кулаковского, 1994. – 29 с.
- Голомидова М. В.* Искусственная номинация в русской ономастике / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 1998. – 232 с.
- Гордлевский В. А.* К личной ономастике у османцев // Избр. соч. Т. IV. Этнография, история востоковедения, рецензии. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1968. – С. 131–136.
- Готовцева Л. М.* Фразеологические единицы с соматическим компонентом языка саха как объект сопоставительного изучения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06. – Якутск, 1994. – 23 с.
- Гриценко К. Ф.* Личные имена и прозвища у якутов // Антропонимика. – М.: Наука, 1970. – С. 155–166.
- ГСЯЛЯ:* Грамматика современного якутского литературного языка: Фонетика и морфология / Е. И. Коркина, Е. И. Убрятова (отв. ред.) и др.; АН РС(Я), Ин-т языка, литературы и истории. – М.: Наука, 1982. – 490 с.
- Губогло М. Н.* Именем языка: очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2006. – 498 с.

- Гудков Д. Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2004. – Вып. 26. – С. 39–50.
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл. А. В. Гулыги, В. А. Звягинцева. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
- Гумилев Л. Н. Древние тюрки. – М., 1967. – 504 с.
- Данилова Н. И. Смысловая структура аналитической связи в якутском языке. – Новосибирск: Наука, 2001. – 143 с.
- Дёрффер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. I. Древние тюркские языки и литературы. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1986. – С. 71–134.
- Джанузаков Т. Дж. Основные проблемы ономастики казахского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Алма-Ата, 1976. – 129 с.
- Джуртубаев Х. Ч. Лексический состав и семантические типы карачаево-балкарских антропонимов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. – Нальчик, 2004. – 173 с.
- Диалектический атлас якутского языка (морфология и лексика) / сост. С. А. Иванов, отв. П. А. Слепцов. – Новосибирск: Наука, 2010. – 178 с.
- Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 307 с.
- Дьячковской Н. Д. Саха тылыгар сорох экспрессивнэй-эмоциональнай сыһыарыылар // Саха тыла: лексика, грамматика / Научнай үлэр хомуурунньуктара. – Дьокуускай: СГУ, 1993. – С. 103–136.
- Дьячковский Н. Д. Звуковой строй якутского языка. 4.1. Вокализм / отв. ред. М. И. Матусевич. – Якутск: Кн. изд-во, 1971. – 192 с.; Ч. 2: Консонантизм. – Якутск: Кн. изд-во, 1977. – 255 с.
- Дьячковский Ф. Н., Попова Н. И. Алаас как концепт якутской лингвокультуры // Урало-алтайские исследования. – 2014. – № 1 (12). – С. 58–66.
- Егинова С. Д. Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками). – Новосибирск: Наука, 2014. – 232 с.
- Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. – М.: Наука, 1980. – 375 с.
- Жаненова З. Р. Историко-лингвистический анализ казахского антропонимикона 40–90-х годов XX столетия: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06. – Казань, 1994. – 181 с.
- Жапаров Ш. Киргизская антропонимия: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.06. – Алма-Ата: АН КазССР, Ин-т языкознания, 1989. – 419 с.

- Жирков С. И.* Киһи аатын туһунан. – Якутск: Кинигэ изд-вота, 1990. – 200 с.
- Иванова И. Б.* Аффиксальное именное словообразование в современном якутском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. – Якутск, 2011. – 22 с.
- Иванов Н. М.* Монголизмы в топонимии Якутии / АН РС (Я), Ин-т гум. исслед.; отв. ред. Н. Д. Дьячковский. – Якутск, 2001. – 204 с.
- Иванов С. А.* Аканье и оканье в говорах якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1980. – 183 с.
- Иванов С. А.* Морфологические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2014. – 248 с.
- Иванов С. А.* Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты) / АН РС(Я), Ин-т гум. исслед. – Якутск: Изд-во ЯФ СО РАН, 2004. – Ч. 2: Морфология и лексика / сост. С. А. Иванов; отв. ред. П. А. Слепцов. – Новосибирск: Наука, 2010. – 177 с.
- Избекова Е. И.* Числительные в олонхо: структура и семантика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06. – Якутск, 2006. – 20 с.
- Информационно-аналитический обзор* государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Саха (Якутия) за 2007 год / сост. А. Г. Михайлова. – Якутск, 2008. – 44 с.
- Информационно-аналитический обзор* государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Саха (Якутия) за 2010 год / сост. А. Г. Михайлова. – Якутск, 2011. – 80 с.
- Информационно-аналитический обзор* государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Саха (Якутия) за 2012 год / сост. А. Г. Михайлова. – Якутск, 2013. – 72 с.
- Информационно-аналитический обзор* государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Саха (Якутия) за 2014 год / Упр. Записи актов гражданского состояния при Правительстве Республики Саха (Якутия); отв. за вып. Т. М. Родионова; сост. А. Г. Михайлова. – Якутск: ИП Минченко А. П., 2015. – 56 с.
- ИПРЯ: Исторические предания и рассказы якутов = Саха быллыргы сэхэннэрэ уонна кэпсээннэрэ* / Акад. наук СССР, Якут фил., Сиб. отд-ние, Ин-т яз., лит. и истории; изд. подгот. Г. У. Эргис; под ред. А. А. Попова; отв. ред. Н. В. Емельянов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960а. – Ч. 1. – 322 с.
- ИПРЯ: Исторические предания и рассказы якутов = Саха быллыргы сэхэннэрэ уонна кэпсээннэрэ* / Там же. 1960б. – Ч. 2. – 359 с.

- Калинина Л. В.* К вопросу о критериях выделения и отличительных приметах лексико-грамматических разрядов имен существительных // *Вопр. языкознания.* – 2007. – № 3. – С. 55–70.
- Калужинский С. С.* Монгольские элементы в якутском языке / пер. Р. М. Поповой. – 1963. – Архив ЯНЦ СО РАН: Ф. 5. Оп. 12. Д. 38. Л. 298.
- Калужинский Ст.* Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке // *Тр. ИЛИС ЯФ СО АН СССР.* – Вып. 3 (8). – Якутск: Кн. изд-во, 1961. – С. 4–21.
- Каракаев Ю. И.* Ногайские личные имена // *Ономастика и языки Урало-Поволжья: материалы регион. конф. (Чебоксары, 13–14 нояб. 1997 г.).* – Чебоксары, 2002. – С. 51–53.
- Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
- Карасик В. И.* Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
- Керимбаев Е. А.* Этнокультурные основы номинации и функционирования казахских собственных имен: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.06. – Алма-Ата, 1992. – 248 с.
- Колодезников С. К.* К проблеме традиционного мировоззрения якутов // *Язык-миф-культура народов Сибири: сб. науч. тр.* – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1994. – С. 217–226.
- Кононов А. Н.* Семантика цветообозначений в тюркских языках // *Тюркологический сборник-1975.* – М.: Наука, 1978. – С. 159–179.
- Косточаков Г. В.* Историко-лингвистическое исследование шорской антропонимии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06. – Казань, 1995. – 195 с.
- Красных В. В.* Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // *Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов.* – М.: МАКС Пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 5–19.
- Красных В. В.* Словарь и грамматика лингвокультуры // *Основы психолингвокультурологии.* – М.: Гнозис, 2016. – 496 с.
- Ксенофонтов Г. В.* Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Т. 1, кн. 1 / Г. В. Ксенофонтов; художник М. Г. Старостин. – Якутск: Нац. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. – 416 с.
- Кушкова А.* Деревенские прозвища: к вопросу о характере, бытовании и социальных функциях (по полевым материалам Белозерского р-на Вологодской области) // *Антропологический форум.* – 2009. – № 11. – С. 1–32.

- Ламожанова И. А.* Исконные личные имена у монгольских народов: структура, семантика: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2008. – 139 с.
- Левин Г. Г.* Историческая связь якутского языка с древними тюркскими языками VII–IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками). – Якутск: Изд. дом СВФУ, 2013. – 439 с.
- Левин М. Г.* Антропологические типы Сибири и Дальнего Востока (К проблеме этногенеза народов Северной Азии) // Сов. этнография. – 1950. – № 2. – С. 53–64.
- Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. З. Д. Титовой; под общ. ред. И. С. Вдовина. – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.
- Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. – М.: Наука, 1993. – Т. 52. – С. 3–9.
- Лосев А. Ф.* Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 477 с.
- Лотман Ю. М.* Избранные статьи: В 3 т. – Таллинн: Александра, 1992–1993. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – 1992. – 479 с.
- Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
- Маак Р. К.* Вилкойский округ Якутской области. – 1-е изд. – Санкт-Петербург: Типография и хромолитография А. Траншеля, 1883–1887. – Ч. 3. – 1887. – 192 с.
- Мамажакыпова А. Ж.* Женские и мужские личные имена как единицы культурного кода (на материале киргизского языка) // Вестн. МГЛУ. – 2009. – Вып. 557. Гум. науки. – С. 131–140.
- Маслова В. А.* Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта; Наука, 2007. – 41 с.
- Маслова В. А.* Современные направления в лингвистике: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2008. – 272 с.
- Матвеев А. К.* Апология имени // Вопр. ономастики. – 2004. – № 1. – С. 7–13.
- Махпиров В. У.* Имена далеких предков (источники формирования и особенности функционирования древнетюркской ономастики). – Алматы: Ин-т востоковедения МН-АН РК, 1997. – 302 с.

- Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа / АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1976. – 407 с.
- Мелехова А. А.* Языковая репрезентация концепта «земля» в русском, якутском и английском языковом сознании // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2013. – № 5 (23). – Ч. II. – С. 145–149.
- Миддендорф А. Ф.* Путешествие на Север и Восток Сибири. Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении: пер. с нем. В 2 ч. Ч. 1–2. – СПб.: Типография Академии наук, 1860–1878. – Ч. 2, отд. 6: Коренные жители Сибири: (окончание всего сочинения): с шестью таблицами. – 1878. – IV. – С. 619–833.
- Миллер Г. Ф.* Описание сибирских народов / Изд. А. Х. Элерт, В. Хинтцше; пер. с нем. А. Х. Элерт. – М.: Памятники исторической мысли, 2009. – 456 с.
- Митрошкина А. Г.* Морфологическая структура исконно бурятских личных имен и семантика их апеллятивов // Ономастика Бурятии: тр. Ин-та общ. наук. Сер. языковедческая. Вып. 26 / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. фил.; редкол.: В. И. Рассадин, Ц. Б. Цыдендамбаев (отв. ред.), Л. В. Шагдаров. – Улан-Удэ, 1976. – С. 46–68.
- Митрошкина А. Г.* Бурятская антропонимия. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. – 220 с.
- Монастырёв В. Д.* Структура и семантика топонимов (на материале топонимии правобережных районов Центральной Якутии): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06. – Якутск, 1993. – 22 с.
- Монастырёв В. Д.* С. Иванов-Багдарыын Сүлбэ топонимикаба үлэлэрэ // Современное состояние и перспективы развития якутской ономастики: материалы Респ. науч. конф. и круглого стола, посвящ. 80-летию Иванова М. С.-Багдарыына Сүлбэ. – Я.: ИГИ-ИПМНС СО РАН, 2012. – С. 40–46.
- Монастырёв В. Д.* Способы образования современных якутских личных имен // Евразийский Союз ученых (ЕСУ). – 2014. – V: Филол. науки. – С. 48–50.
- Монастырёв В. Д.* Якутские личные имена // СМАЛЬТА. – 2016. – № 5. – С. 16–24.
- Морполуогуйа: Саха билинги тыла. Морполуогуйа: устудьуонна аналлаах үөрэх кинигэтэ / б. н. д., бэрэпиэссэр Н. К. Антонов (уо. д. а.); Саха Өрөсп. Бэрэсидьиэнин иһинэн Тыл бэлиитикэтин сүбэтэ, Саха Өрөсп. Номукаатын уонна идэ биэрэр үөрэбин министиэристибэтэ, Бэдэрээссийэ үөрэбин аабыныстыбата, М. К. Аммосов аатынан Саха судаарыстыбалы үнүбэрсититэтэ, Саха*

- тылын үөрэжин уонна култууратын бакылтыгата, Н. С. Григорьев аатынан саха тылын хаапыдырата; кылаабынай эрдээктэр б. д. н., бэрэпиэссэр Г. Г. Филиппов. – Дьокуускай: Бичик, 2009. – 288 с.
- Мусаев К. М.* Лексикология тюркских языков / отв. ред. А. А. Юлдашев. – М.: Наука, 1984. – 226 с.
- Нерознак В. П.* Принципы исследования палеобалканской ономастики // Историческая ономастика: сб. ст. / АН СССР, Ин-т языковедения; ред.: В. П. Нерознак, Н. В. Подольская, В. Э. Сталтмане, А. В. Суперанская (отв. ред.). – М.: Наука, 1977. – С. 27–48.
- Ниембаева К. А.* Современные тенденции в становлении казахской антропо­системы // Ономастика Поволжья: тез. докл. VIII Междунар. конф. (Волгоград, 8–11 сент. 1998 г.) / отв. ред. и сост. В. И. Сурпун. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 108–109.
- Никифоров В. М.* Стадии эпических коллизий в олонхо: Формы фольклорной и книжной трансформации. – Новосибирск: Наука, 2002. – 208 с.
- Николаева А. М.* О ключевых метафорических концептах якутской женской поэзии (на примере поэзии С. Гольдеровой-Саргы Куо) // Северо-Восточный гум. вестник. – 2017. – № 1 (18). – С. 118–126.
- Николаева А. М.* Средства выражения экспрессивности в якутском языке. – Новосибирск: Наука, 2014. – 132 с.
- Никонов В. А.* Космонимия Поволжья // Ономастика Поволжья. – Вып. 3. – Уфа, 1973. – С. 373–381.
- Никонов В. А.* Имя и общество. – М., 1974. – 278 с.
- Никонов В. А.* Личные имена кумыков и ногайцев сегодня // Ономастика Кавказа. – Махачкала: Дагестанское учеб.-педагог. изд-во, 1976. – 330 с.
- Новгородов И. Н.* Якутско-эвенкийские языковые взаимосвязи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02. – Казань, 2009. – 43 с.
- Окладников А. П.* К истории этнографического изучения Якутии (Описание быта и нравов народов Якутии, сочиненные в г. Якутске в 1768–69 и 1785 гг.) // Очерки материалов по этнографии якутов. – Якутск: Кн. изд-во, 1948. – С. 17–73.
- Оконешников Е. И.* Лингвистические аспекты терминологии языка саха (на материале общей и отраслевой лексикографии). – Якутск: Изд-во СО РАН (Якутский филиал), 2004. – 196 с.
- Ономастика Узбекистана:* материалы науч.-теорет. конф., посвящ. 70-летию Великой Окт. соц. революции (Гулистан, 27–29 мая 1987 г.) / ред.: М. А. Мамедов и др. – Ташкент: Укитувчи, 1987. – 91 с.

- Ономастика Узбекистана: Тез. II Респ. науч.-практ. конф. (г. Карши, 14–16 сент. 1989 г.) / отв. ред. Т. Н. Нафасов. – Ташкент: Б.и., 1989. – 207 с.*
- Павлова И. П., Монастырёв В. Д.* Якутские описательные личные имена XVII–XVIII веков // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2017. – № 5 (71). Ч. 3. – С. 125–127.
- Петрова Т. И.* О некоторых изменениях в современном якутском языке // О. Н. Бетлингк и тюркское языкознание: сб. науч. ст. / отв. ред. П. А. Слепцов, редкол. Н. И. Данилова, Н. И. Попова; АН РС(Я); Ин-т гум. исслед. – Якутск, 2005. – С. 141–144.
- Парникова А. С.* Расселение якутов в XVII – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1967. – 21 с.
- Петров Н. Е.* Частица в якутском языке. – Якутск: Кн. изд-во, 1978. – 300 с.
- Пименова М. В.* Методология концептуальных исследований // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 16–19.
- Покатилова И. В.* Пластический фольклор в художественной культуре Якутии. – Новосибирск: Наука, 2013. – 184 с.
- Покровская Л. А.* Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 11–81.
- Попов Б. Н.* Культурология: курс лекций для студентов вузов / Якут. гос. ун-т им. М. К. Аммосова. – М., Academia, 2000. – 124 с.
- Попов Г. В.* Былыргы сахаҕа оҕо аата=Детские имена у древних якутов // Чолбон. – 1995. – № 9. – С. 116–122.
- Попова Г. С.* Триединство в духовной культуре этноса (на примере саха) / под науч. ред. Е. П. Борзовой. – СПб.: Астерион, 2010. – 346 с.
- Попова З. Д., Стернин И. А.* Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – С. 7–9.
- Поппе Н. Н.* Грамматика письменно-монгольского языка / Ин-т востоковедения Акад. наук СССР; Ленингр. вост. ин-т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – 196 с.
- Предания, легенды и мифы саха (якутов) / сост. Н. А. Алексеев, Н. В. Емельянов, В. Т. Петров. – Новосибирск: Наука. Сиб. издат. фирма РАН, 1995. – 400 с.*
- Прокопьева С. М., Борисов Ю. М.* Экспликация ритмико-синтаксическими параллелизмами концепта локативность в якутском олон-

- хо и тюрко-монгольских эпосах // *Вопр. когнитивной лингвистики*. – 2016. – № 4. – С. 92–103.
- Прокопьева С. М., Монастырёв В. Д.* Концептуальный анализ многозначного глагола «кэл» в современном якутском языке // *КубГАУ*. – 2012. – № 79 (05). – С. 705–721.
- Пропт В. Я.* Фольклор и действительность: Избр. ст. / сост., ред. предисл. и примеч. Б. Н. Путилова; АН СССР. Ин-т востоковедения. – М.: Наука, 1976. – 325 с.
- Раемгужина З. М.* Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира (аспекты формирования и особенности функционирования): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02. – Уфа, 2009. – 48 с.
- Рассадин В. И.* Антропонимы у тофаларов // *Ономастика Бурятии*: тр. Ин-та общественных наук. Вып. 26. Сер. языковедческая. – Улан-Удэ: АН СССР. СО, Бурят. фил., 1976. – С. 111–140.
- Рассадин В. И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – М.: Наука, 1978. – 287 с.
- Рассадин В. И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – М.: Наука, 1980. – 115 с.
- РИБ: Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Томъ второй.* – СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1875. – 656 с.
- Романова А. В., Мыреева А. Н., Бараишков П. П.* Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков / отв. ред. Н. И. Гладкова; АН СССР, Якут. фил. Сиб. отд-ния, Ин-т яз., лит. и истории. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. – 210 с.
- Романова Е. Н.* Мифология и ритуал в якутской традиции: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07. – М., 2009. – 45 с.
- Рудных А. И.* Вторые имена у якутов // *Антропонимика*. – М.: Наука, 1970. – С. 223–224.
- Рут М. Э.* Образная номинация в русской ономастике. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 192 с.
- Рут М. Э.* О некоторых общих проблемах ономастической лексикографии // *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г.* / под ред. Е. Л. Березович. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 242–243.
- Саввина Е. В.* Цвет в традиционной культуре этнической культуры саха: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. – Якутск, 2001. – 163 с.
- Сайымбетов О. Т.* Состав и структура каракалпакских личных имен: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. – Нукус, 1998. – 16 с.

- Самойлович А. Н.* Тюркское языкознание. Филология. Руника / сост. и отв. ред. Г. Ф. Благова, Д. М. Насилов; Отд-ние ист.-филол. наук РАН. – М.: Вост. лит., 2005. – 1053 с.
- Самсонов Н. Г.* Якутские имена. – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 2000. – 64 с.
- Саттаров Г. Ф.* Антропотопонимия Татарской АССР: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 1975. – 90 с.
- Саттаров Г. Х.* Тюркский пласт узбекской антропонимии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. – Ташкент, 1990. – 20 с.
- Сафронов Ф. Г.* Дохристианские личные имена народов Севера-Востока Сибири (историко-этнографический обзор и именник) / отв. ред. Е. И. Коркина; АН СССР, Сиб. отд-ние, Якут. фил., Ин-т языка, литературы и истории. – Якутск: Кн. изд-во, 1985. – 197 с.
- Севортян Э. В.* О содержании термина «обштюркский» // Сов. тюркология. – 1971. – № 2. – С. 3–12.
- Сепир Э.* Язык // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II / В. А. Звегинцев. – М., 1965. – С. 248.
- Серошевский В. Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. – 2-е изд. – М., 1993. – 736 с.
- СИГТЯ: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика* / отв. ред. Э. Р. Тенишев; Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2001. – 822 с.
- СИГТЯ: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции* / Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, Э. А. Грунина и др.; отв. ред. Э. Р. Тенишев; АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 2002. – 766 с.
- СИГТЯ: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка* / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо; Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 2006. – 907 с.
- Символ веры* / авт. и сост. А. Н. Павлов-Дабыл, Л. А. Афанасьев-Тэрис. – Якутск, 2004. – 14 с.
- Скрябина Н. П.* Личные наименования в документах Ясачного сбора XVII в. на территории Якутии // Вопросы ономастики: собственные имена в системе языка: сб. ст. Вып. 14 / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького; отв. ред. А. К. Матвеев. – Свердловск, 1980. – С. 140–144.
- Скрябина Н. П.* Становление локальной антропонимической системы (на материале русских деловых документов Якутии): автореф. дис... канд. филол. наук. – Томск, 1983. – 17 с.

- Слепцов П. А.* Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период). – Якутск: Кн. изд-во, 1964. – 196 с.
- Слепцов П. А.* Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период). – М.: Наука, 1975. – 256 с.
- Слепцов П. А.* Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX – начало XX в.). – Якутск: Кн. изд-во, 1989. – 159 с.
- Слепцов П. А.* Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1990. – 277 с.
- Слепцов П. А.* Концептосфера родного языка – концептосфера национальной культуры (к постановке проблемы) // Язык как основной элемент культуры: генезис, традиции и современные проблемы: материалы Респ. науч.-практ. конф., 26 ноября 2004 г. – Якутск, 2006. – С. 13–18.
- Слепцов П. А.* О словах *күөх, таһара, халлаан* в якутском языке // Вопр. филологии. Сер. Урало-алтайские исследования. – 2009. – № 1/УА (1). – С. 92–95.
- Сокровенное сказание монголов / пер. С. Козина. – Улан-Удэ: Бурядайд номой хэблэл, 1990. – 318 с.
- Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд. – М.: Академ. проект, 2004. – С. 42–67.
- Суванди Н. Д.* Тувинская антропонимия: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. – М., 2004. – 191 с.
- Суперанская А. В.* Языковые и неязыковые ассоциации собственных имен // Антропонимика. – М.: Наука, 1970. – С. 7–17.
- Суперанская А. В.* Ономастика начала XXI века. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2009. – 80 с.
- Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х.* Теория и методика ономастических исследований / отв. ред. А. П. Непокупный. – 3-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
- Супрун В. И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.
- Табаровская С. Ф.* Заимствованные собственные имена и традиционные прозвища в якутском языке // Языки и литература народов Сибири. – Новосибирск, 1970. – С. 165–175.
- Тарасова З. Е.* Фонологические и фоносемантические аспекты перевода якутских эпических текстов (на русский и английский языки): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. – Якутск, 2013. – 28 с.

- Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
- Телия В. Н.* Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – 2-е изд., стер. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – С. 776–782.
- Тенишев Э. Р., Фэн Цзя-шен.* Три новых уйгурских документов из Турфана // Пробл. востоковедения. – 1960. – № 3. – С. 141–149.
- Толстой Н. И., Толстая С. М.* Имя в контексте народной культуры // Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII Международному съезду славистов / РАН, Ин-т славяноведения, Национальный комитет славистов РФ. – М., 1998. – С. 88–125.
- Топорова Т. В.* Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. – М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1996. – 253 с.
- Тыбыкова А. Т.* Избранные труды. Теоретические вопросы алтайского языкознания. – Горно-Алтайск, 2010. – 391 с.
- Убрятова Е. И.* О некоторых особенностях основы слова в якутском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1948. – Т. VII, вып. 6. – С. 551–567.
- Убрятова Е. И.* Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. I: Простое предложение. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 304 с.
- Убрятова Е. И.* Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским. – М.: Вост. лит., 1960. – С. 258–264.
- Указ Екатерины II от 29 апреля 1769 г. [О запрете называть новокрещеных ясашных прежними иноверческими именами] / НА РС (Я). Ф. 1-и. Оп. 1. Д. 31. Л. 1,1об. [фонд Якутской воеводской канцелярии].
- Уткин К. Д.* Культура народа Саха: этнофилософский аспект. – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1998. – 368 с.
- Федоров Е. В.* Ааккыттан саҕалыах. – Дьокуускай: Литограф, 1999. – 63 с.
- Филиппов Г. Г.* История изучения якутского языка и ее перспективы // Вест. ЯГУ. – 2006. – Т. 3, № 4. – С. 58–61.
- Филиппова Н. И.* Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика. – Ягепсг, 2016. – 104 с.
- Фрейд З.* Тотем и табу: Психология первобытной культуры и религии / Prof. Sigmund Freud; пер. д-ра М. В. Вульфа; с предисл. Г. П. Вейсберга. – Москва; Петроград: Госиздат, 1923. – 170 с. (Психологическая и психоаналитическая библиотека / под ред. проф. И. Д. Ермакова; вып. 6).

- Хазиева-Демирбаши Г. С.* Об особенностях функционирования современных татарских личных имен (по материалам ЗАГСа г. Казани 2002–2012 гг.) // *Вопр. ономастики.* – 2014. – № 2 (17). – С. 93–102.
- Харитонов Л. Н.* Неизменяемые слова в якутском языке: пособие для учителей. – Якутск: Якутгосиздат ЯАССР, 1943. – 84 с.
- Харитонов Л. Н.* Типы глагольной основы в якутском языке. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 312 с.
- Худяков И. А.* Краткое описание Верхоянского округа. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – 441 с.
- Чарьяров Б., Аталиязов Б.* Диалекты и туркменская антропонимия // *Сов. тюркология.* – 1976. – № 1. – С. 42–48.
- Чичагов В. К.* Вопросы русской исторической ономастики. Об отношении русских имен к греческим в русском языке XV–XVII вв. // *Вопр. языкознания.* – 1957. – № 6. – С. 64–80.
- Шайхулов А. Г.* Татарские и башкирские личные имена тюркского происхождения: учеб. пособие. – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1983. – 72 с.
- Шайхулов А. Г.* Тематические группы татарских и башкирских личных имен доисламского периода // *Номинация в ономастике: сб. ст. / под ред. М. Э. Рут.* – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 137–142.
- Шайхулов А. Г.* Урал-Поволжье: языковой союз. – Уфа: Китап, 2018. – 464 с.
- Шатинова Н. И.* К истории алтайских имен // *Этнография имен.* – М., 1971. – С. 65–70.
- Шафиков С. Г.* Категории и концепты в лингвистике // *Вопр. языкознания.* – 2007. – № 2. – С. 3–17.
- Широбокова Н. Н.* О смене классификационного типа (на материале тюркских языков Сибири) // *Сиб. филол. журн.* – 2015. – № 4. – С. 242–250.
- Шишигин Е. С.* Распространение христианства в Якутии. – Якутск: «Полиграфист» ЯНЦ СО АН СССР, 1991. – 116 с.
- Шмакова Е. А.* К семантике якутских антропонимов // *Вопр. ономастики.* – 1974. – № 7. – С. 93–97.
- Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя) / АН СССР, Ин-т языкознания. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. – 191 с.
- Щербак А. М.* Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.) / РАН, Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1997. – 291 с.
- Щербак А. С.* Когнитивные основы региональной ономастики: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.12., 10.02.01. – Тамбов, 2008. – 452 с.

- Щербак А. С.* Основные типы ономастических концептов (на материале региональной концептосферы) // Вестн. ТГУ. – 2009. – Вып. 10 (78). – С. 169–175.
- Щербак А. С.* Диалектная ономастическая среда и ономастикон национального языка // Ономастика Поволжья: материалы XIII Междунар. науч. конф. (Ярославль, 13–14 сент. 2012 г.) / под ред. Р. В. Разумова, В. И. Супруна. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – С. 51–55.
- Щербак А. С., Бурыкин А. А.* К проблеме выявления отличительных особенностей прозвищ от личного имени // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. гум. науки. – 2009. – № 9 (77). – С. 213–217.
- Якутский фольклор / тексты и пер. А. А. Попова; лит. обраб. Е. М. Тагер; общ. ред. М. А. Сергеева; вступ. ст. акад. А. Н. Самойловича. – М.: Сов. писатель, 1936. – 319 с.
- Ястремский С. В.* Грамматика якутского языка: пособие для педагогов / под ред. проф. Б. М. Гранде. – М.: Гос. учеб.-педаг. изд-во НКП РСФСР, 1938. – 227 с.
- Kaluzynski St.* Mongolische Elemente in der Jakytischen Sprache. – Warsaw: Panstwowe wydawnictwo Naukowe, 1961. – S. 170.
- Karabaev M. I., Abdullina G. R., Ishkildina Z. K.* Bashkir onomatology in the light of modern linguistics // Mediterranean Journal of Soc. Sci. – Rome-Italy, MCSER Publishing, 2015. – Vol. 6. – v3 S 3. May. – P. 73–82.
- Pauly T.* Description ethnographique des peuples de la Russie. – Saint-Petersbourg: Imprimerie de F. Bellizard, 1862. – 310 p.
- Rásonyi L.* Sur quelques catégories de noms de personnes en turc // Acta linguistic. – Budapest: Academiae Scientiarum Hungaricae, 1953. – Vol. 3, fasc. 3-4. – P. 323–351.
- Rásonyi L.* Les noms de nombre dans l'anthroponymie turque // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1961. – Vol. 12, N 1/3. – P. 45–71.
- Rásonyi L., Baski I.* Onomasticon Turcicum. Turcic Personal Names. – Bloomington, IN: Indiana University Publications. Rasonyi, Ласло; Baski Имре, 2007.
- Strahlenberg Ph. J.* Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. – Stockholm, 1730.

Словари, справочники

- Айыы ааттара* / Хом. онгордулар Л. А. Афанасьев, А. Н. Павлов. – Дьокуускай: «Ситим» КИФ, 1994. – 31 с.

- Алтайские личные имена* / сост. В. А. Муйтуева, Т. Н. Туденева. – Горно-алтайск: Кн. изд-во «Юч-Сюмер» Республики Алтай, 1993. – 128 с.
- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд., стер. – М.: Сов. энцикл., 1969. – 608 с.
- Бегматов Э. А.* Ўзбек исмлари маъноси (изохли луғат). 14 600 исмлар изохи. 2-нашри. – Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси (луғат), 2007. – 608 с.
- БМРС:* Бурят-монгольско-русский словарь: Около 25 000 слов: С прил. краткого грам. справочника по бурят-монгол. яз. / сост. К. М. Черемисов; под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева; Бурят-монгол. гос. науч.-исслед. ин-т культуры. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. – 852 с.
- БТСЯЯ:* Большой толковый словарь якутского языка: в 13 т. Т. IV: (Буква К) / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2007. – 672 с.
- БТСЯЯ:* Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. V: (Буква К: күөлэһис гын – кээчэрэ) / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2008. – 616 с.
- БТСЯЯ:* Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VI: (Буквы Л, М, Н) / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2009. – 519 с.
- БТСЯЯ:* Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VII: (Буквы Њ, О, Ө, П) / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2010. – 519 с.
- БТСЯЯ:* Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VIII: (Буква С – сөллөбөр) / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2011. – 572 с.
- БТСЯЯ:* Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. IX: (Буква С – сөллөй – сээн, буква Ъ) / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2012. – 630 с.
- БТСЯЯ:* Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. X: (Буква Т: т – төһүүлээ) / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2013. – 575 с.
- БТСЯЯ:* Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XI: (Буква Т: төтөллөөх – тээтэннээ) / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2014. – 528 с.
- БТСЯЯ:* Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XII: (Буквы У, Ү) / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2015. – 598 с.
- БТСЯЯ:* Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XIII: (Буква Х) / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2016. – 639 с.

- БТСЯЯ*: Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XIV (Буквы Ч-Ы) / АН РС(Я), Ин-т гум. исслед.; под общ. ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2017. – 589 с.
- БТСЯЯ*: Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XV (Буква Э) / АН РС(Я), Ин-т гум. исслед.; под общ. ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2018. – 575 с.
- БФСРЯ*: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – 2-е изд., стер. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с. – (Фундаментальные словари).
- Даль В. М.* Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1-4 (А-З). – М., 1863. – 627 с.
- ДАЯЯ*: Диалектологический атлас якутского языка (сводные карты). Ч. I. Фонетика / отв. ред. И. Е. Алексеев; сост. С. А. Иванов. – Якутск: Изд-во ЯФ СО РАН, 2004. – 124 с.
- ДСЯС*: Диалектологический словарь языка саха: доп. том: содержит около 5000 слов / сост. М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1995. – 294 с.
- ДСЯЯ*: Диалектологический словарь якутского языка: Содержит свыше 8500 слов / сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев; АН СССР, Якут. филиал Сиб. отд-ния, Ин-т яз., литературы и истории. – М.: Наука, 1976. – 392 с.
- ДТС*: Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др.; АН СССР, Ин-т языкознания. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – 676 с.
- Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.
- Кручкин Ю. Н.* Монгольско-русский словарь: более 70 тысяч слов и словосочетаний, 12-е изд. – М.; Улан-Батор; Лос-Анджелес, 2013. – 1260 с.
- Кусимова Т. Х., Биккулова С. Э.* Башкирские имена. – Уфа: «КИТАП» им. З. Бишовой, 2010. – 232 с.
- ЛИХ*: Личные имена хакасов. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1993. – 108 с.
- Мыреева А. Н.* Эвенкийско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2004. – 798 с. – (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 3).
- Нелунов А. Г.* Якутско-русский фразеологический словарь. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2002. – Т. 1. – 287 с.; Т. 2. – 420 с.

- ОРС: Баскаков Н. А., Тоцакова Т. М.* Ойротско-русский словарь / под общ. ред. Н. А. Баскакова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1947. – 312 с.
- Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. 2-е изд. – Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. I. – 1278 стб.; Т. II. – 2010 стб.; Т. III. – 3858 стб.
- Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 198 с.
- Попов Г. В.* Этимологический словарь якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2003. – 180 с. – (Ч. 1: А-Дь).
- РАС: Русско-алтайский словарь / под ред. Н. А. Баскакова.* – М.: Сов. энцикл., 1963. – 875 с.
- РКБС: Русско-карачаево-балкарский словарь. Ок. 35 000 слов / под ред. Х. И. Суюнчева, И. Х. Урусбиева.* – М.: Сов. энцикл., 1965. – 744 с.
- РЯС: Русско-якутский словарь. Около 28 500 слов / под ред. П. С. Афанасьева, Л. Н. Харитонова.* – М.: Сов. энцикл., 1968. – 720 с.
- САНАНТЯ: Вербицкий В. И.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / сост. прот. В. Вербицкий. – Казань: Православ. миссионер. о-во (Тип. В. М. Ключникова), 1884. – Т. IV. – 494 с.
- Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа / отв. ред. проф. Р. Ю. Намитокова.* – М.: ФЛИНТА; Наука, 2012. – 584 с.
- Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Обще-тюркские и межтюркские основы на букву «Б». – М.: Наука, 1978. – 349 с.
- Системы личных имен у народов мира.* – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1989. – 383 с.
- СЛИН РСФСР: Справочник личных имен народов РСФСР / под ред. Н. А. Баскакова и др.* – М.: Сов. энцикл., 1965. – 254 с.
- СЛИН РСФСР: Справочник личных имен народов РСФСР / под ред. А. В. Суперанской, Ю. М. Гусева.* – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1979. – 573 с.
- СЛИН РСФСР: Справочник личных имен народов РСФСР: Рек. М-вом юстиции РСФСР в качестве практического пособия для работников органов записи актов граждан. состояния РСФСР / под ред. А. В. Суперанской (отв. ред.), Ю. М. Гусева.* – 3-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1987. – 656 с.
- Сосин Т. Е.* Толковый якутско-русский словарь малопонятных, трудно переводимых якутских образных и удвоенных слов // Архив ЯФ СО РАН. – Ф. 5. – Оп. 4. – Ед. хр. 21. – 1937. – 75 л.

- Старостина М. И.* Колымские якуты в середине XVII – начале XX в.: (по материалам генеалогии); Якут. гос. ун-т им. М. К. Аммосова. – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 2009. – 391 с.
- СТСТ:* Сахалы таба суруйуу тылддыта = Орфографический словарь якутского языка: около 32 000 слов / Россия наук. акад., Сибиирдээби салаа гуманитар. чинчийии уонна хотугу аҕыйах ахсааннаах омуктар проблемаларын ин-та; [эрэдээксийэлиир хамыһыйа: А. Г. Нелунов уо. д. а.]. – Дьокуускай: Бичик, 2015. – 480 с.
- Сулейманова Р. А.* Башкирско-русский словарь-справочник личных имен и фамилий. – Уфа, 2013. – 364 с.
- Сулейманова Р. А.* Словарь башкирских личных имен и фамилий. – Уфа, 2015. – 298 с.
- ТСЯ:* Толковый словарь якутского языка (Буква А) / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – 680 с.
- ТСЯ:* Толковый словарь якутского языка (Буква Б) / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2005. – 912 с.
- ТСЯ:* Толковый словарь якутского языка (Буквы Г, Д, Дь, И) / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2006. – 844 с.
- Тэрис.* Сахалы аат / Тэрис. – Дьокуускай: Якутский край, 2012. – 41 с. – (Айыы суолунан).
- Указатель* личных имен. А. Имена якутов, тунгусов и юкагиров // Материалы по истории Якутии XVII века: документы ясачного сбора): В 3 ч. / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1970. – Ч. I – LIII. – 158 с.
- Указатель* личных имен. А. Имена якутов, тунгусов и юкагиров // Материалы по истории Якутии XVII века: (документы ясачного сбора): В 3 ч. / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. – М.: Наука, 1970. – Ч. III. – С. 1117–1255.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка (Муза-Сят) / пер. с нем. О. Н. Трубачева. – Т. 3. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.
- ХРС:* Список мужских и женских имен // Хакасско-русский словарь: около 14000 слов. С приложением очерка «Хакасский язык» / Н. А. Баскаков; сост. Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул; под ред. Н. А. Баскакова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. – С. 348–356.
- ЭСЧЯ: Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Т. 2. С-Я. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гум. наук, 1996. – 509 с.

ЯРС: Якутско-русский словарь. 25 300 слов / под ред. П. А. Слепцова. – М.: Сов. энцикл., 1972. – 608 с.

Электронные издания

Азербайджанские имена. – URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/Участник:Vesailok/Список_азербайджанских_имен (дата обращения: 24.07.2017).

Информационно-аналитический обзор государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Саха (Якутия) за 2009 год. – URL: <https://uprzags.sakha.gov.ru/press/informatsionnye-i-analiticheskie-materialy/statistika-za-2009-god> (дата обращения: 25.12.2020).

Информационно-аналитический обзор государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Саха (Якутия) за 2011 год. – URL: <https://uprzags.sakha.gov.ru/press/informatsionnye-i-analiticheskie-materialy/statistika-za-2011-god> (дата обращения: 25.12.2020).

Казахские имена. – URL: <http://name.kazakh.ru> (дата обращения: 24.07.2017).

Каралкапакские имена. – URL: <http://www.ejonok.ru/names> (дата обращения: 24.07.2017).

Закон. Республика Саха (Якутия). Законы. Закон Республики Саха (Якутия) о присвоении фамилии и отчества ребенку в соответствии с якутскими национальными обычаями при государственной регистрации рождения: от 25 апреля 2012 г. 1065-3 № 1031-IV. – URL: <https://rg.ru/2012/07/02/yakutiya-zakon1031-reg-dok.html>. (дата обращения: 21.02.2017).

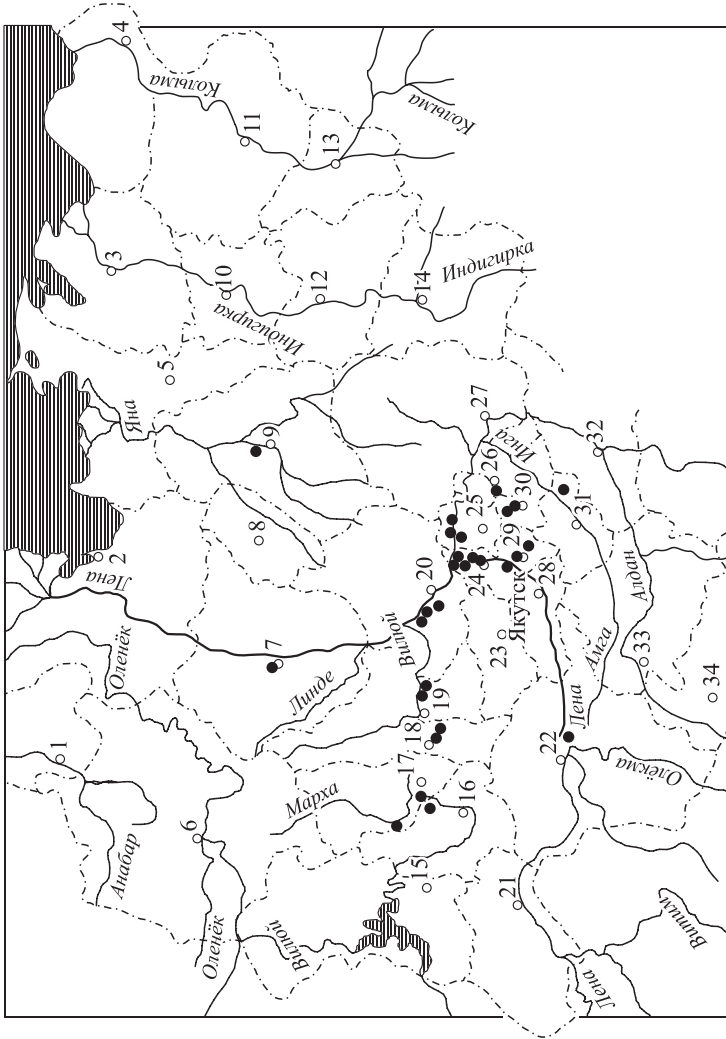
Справочник якутских личных имен и фамилий [электр. ресурс]. – Якутск, 2014.

Татарские имена. – URL: <http://tatarisem.ru/> (дата обращения: 24.07.2017).

Турецкие имена. – URL: <http://www.sudba.info/imena-musulmanskie-soznacheniem/> (дата обращения: 24.07.2017).

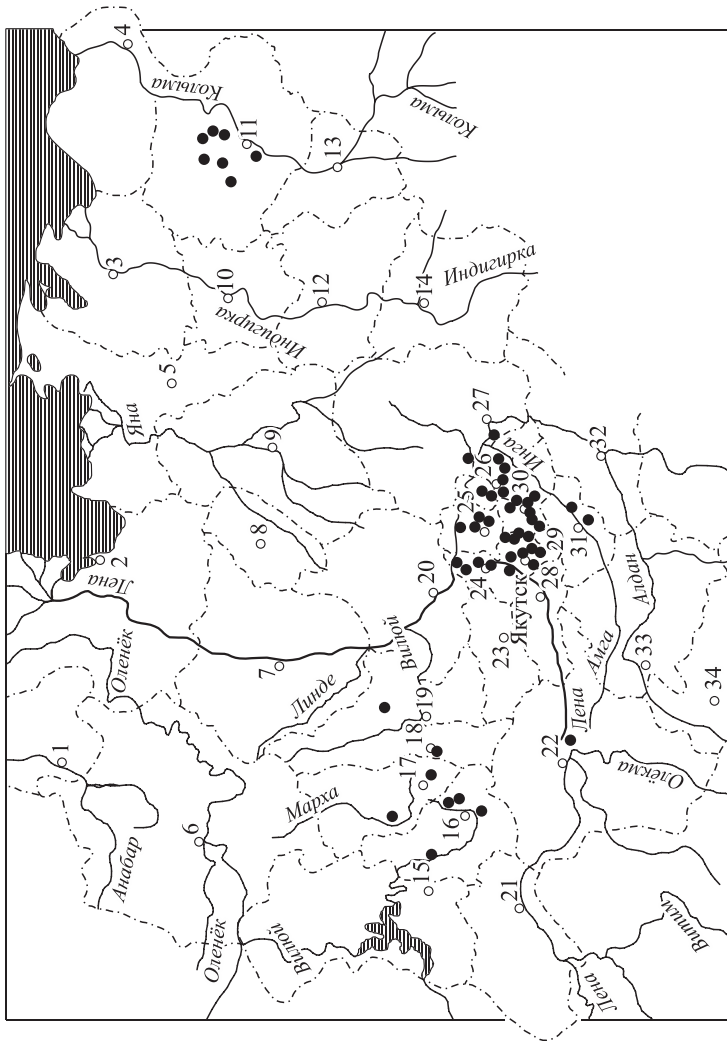
ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Схематическая карта
№ 1. Распространение якутских личных имен по названиям волостей (по: [Указатель..., 1970]). Основа карты взята из [Диалектологический атлас..., 2010]

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Схематическая карта
 № 2. Распространение
 якутских личных имен
 по наследам и улусам
 (по материалам «Сло-
 варя якутского язы-
 ка» Э. К. Пекарского
 (1887–1930))

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Транслитерация личных имен саха

Саха	Транслитерация
А	A, a, aa
Б	B b
Г	g
Ҕ	ʋ
Д	D d
Дь	ʎj
И	I, i, ii
Иэ иэ	Ie ie
Й	j
К	K k
Л	L l
М	M m
Н	N n
Ҥ	Ŋ ŋ
Нь	Ń ń
О	O, o, oo
Ө	Ө, œ, œœ
П	P p
Р	R r
С	S s
Һ	h
Т	T t
У	U, u, uu
Уо уо	Uo uo
Ү Ү	Y/y/yy
Үө, үө	Yœ, yœ
Х	X x
Ч	Č č
Ы, ы, ыы	Ш, ш, шш
Ыа ыа	Ша ша
Э	E, e, ee

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Краткий именной саха

Аан Тайбыыр/Аан Тајбуур, муж. ‘сын *Омоҕой баайа*, одного из первопредков саха’, встречается в числе имен якутской мифологии.

Аан Үүһэй/Аан Ууһей, муж. – сущ., перен. *аан* ‘начало чего-л.; почин, начинание’, ‘первый шаман’.

Абааһыйа/Абааһыја, муж. – от сущ., миф., фольк. *абааһы* ‘абаасы, злой дух, злое начало; дьявол, сатана, вредные и враждебные человеку «обитатели» земли»; ~ охр. и. в знач. ‘Показавший себя способным на много как черт’.

Абааһыйын/Абааһыјун, муж. – от сущ., миф., фольк. *абааһы* ‘абаасы, злой дух, злое начало; дьявол, сатана, вредные и враждебные человеку «обитатели» земли»; ~ охр. и. в знач. ‘Способный на многое как черт’.

Абааһылаай/Абааһылаай – от сущ., миф., фольк. *абааһы* ‘абаасы, злой дух, злое начало; дьявол, сатана, вредные и враждебные человеку «обитатели» земли»; ~ охр. и. с ласкат. знач. ‘Чертенок’.

Абааһылаах/Абааһылаах – от сущ., миф., фольк. *абааһы* ‘абаасы, злой дух, злое начало; дьявол, сатана, вредные и враждебные человеку «обитатели» земли»; ~ охр. и. ‘С чертовщинкой’.

Абааһыллай/Абааһыллај – от сущ., миф., фольк. *абааһы* ‘абаасы, злой дух, злое начало; дьявол, сатана, вредные и враждебные человеку «обитатели» земли»; ~ охр. и. ‘Чертыка’.

Абааһытыны/Абааһытујун – от сущ., миф., фольк. *абааһы* ‘абаасы, злой дух, злое начало; дьявол, сатана, вредные и враждебные человеку «обитатели» земли’, перен., бран. ‘дрянь, негодяй, паршивец’; в кач. прилаг. ‘скверный, дрянной; опасный, вредный; болезненный’; ‘название аҕа ууһа (рода)’; фразеол. *абааһы киһи* ‘скверный, гадкий человек; дурной во всех отношениях человек; ни с кем не уживающийся человек; [как] черт, человек’ [Нелунов, 2002, 1: 89] ~ охр. и. в знач. ‘Как Черт’.

Абааһытыын/Абааһытујун – от сущ., миф., фольк. *абааһы* ‘абаасы, злой дух, злое начало; дьявол, сатана, вредные и враждебные человеку «обитатели» земли’ ~ охр. и. в знач. ‘Похожий поступками на черта’.

Абаҕа/Абака – 1. ЛИ; 2. название рода; 3. ‘старший брат отца’; 4. эвфем. ‘медведь’; 5. диал. ‘кабарга’; 6. ‘рябчик’ [ДСЯЯ, 1976: 39].

Абаҕатта [Мырсыла уола]/Абаатта [Muursulu uola] – от сущ. *абаҕа* ‘дядя (старший брат отца – независимо от пола говорящего); в знач., выражающем уважение.

Адылџах/Adulџах – сущ. *адылџах* ‘место между озером и лесом, загроможденное валежником’; обр. и. ~ описывает фигуру человека, его походку; Адылџа ‘мужское сказочное имя’ [Пекарский, 1959, I: 30].

Айаар/Ajaar – от глаг. *айаар* ‘громко кричать, петь, горланить, шуметь, реветь’; ~ пожелание быть громкоголосым, певцом [ЛК].

Айаарба/Ajaarba – от глаг. *айаар* ‘громко кричать, петь, горланить, шуметь, реветь’; ~ ‘очень горластый, крикливый’.

Айанныыт Бобуруоп/**Ajanñuut** Boburuop – от сущ. *айан* ‘путешествие’; *айанныыт* ‘путешественник’.

Айбар/Ajbar, жен. – сущ. *айбар* ‘обилие, изобилие’, ‘с мешковатой походкой’, *Айбар Аана* ‘Развалюха Аана/Анна’ [Пекарский, 1959, I: 34]; обр. и.

Айгыл/Ajgыл ~ от глаг. *ай* ‘творить, создавать’, ‘предопределять, предназначать, давать жизнь, предначертать свыше (по поверью – о сверхъестественных силах, божественном начале)’.

Айгыына/Ajgыына, жен. ~ от глаг. *ай* ‘творить, создавать’, ‘предопределять, предназначать, давать жизнь, предначертать свыше (по поверью – о сверхъестественных силах, божественном начале)’.

Ай Куо /Aj Куо, жен. – от глаг. *ай* ‘творить, создавать’ + *куо* ‘прекрасная; красавица’ [ЛК].

Айсена/Ajsena, жен. – от глаг. *ай* ‘творить, создавать’ + *сиэн* ‘внучка’ [ЛК].

Айталын/Ajtalун, жен. ~ от глаг. *ай* ‘творить, создавать’, ‘предопределять, предназначать, давать жизнь, предначертать свыше (по поверью – о сверхъестественных силах, божественном начале)’; ‘Творящая и созидающая’.

Айталыын/Ajталууын ~ от глаг. *ай* ‘творить, создавать’, ‘предопределять, предназначать, давать жизнь, предначертать свыше (по поверью – о сверхъестественных силах, божественном начале)’; смягченный вариант *Айталын/A t lun* ‘Творящий и созидающий’.

Айталыына//Ajталууына, жен. – от ЭИ *Айталы* (*Айталыын*, *Айталын*) *Куо* ‘женщина айыы’ [Емельянов, 1980: 340]; ~ от глаг. *ай* ‘творить, создавать’, ‘предопределять, предназначать, давать жизнь, предначертать свыше (по поверью – о сверхъестественных силах, божественном начале)’; ‘Творящая и созидающая’.

Айаан Мэкчиргиин/**Ajaan** Мекçiirgiin ~ от глаг. *ай* ‘творить, создавать’, ‘предопределять, предназначать, давать жизнь, предначертать свыше (по поверью – о сверхъестественных силах, божественном начале)’.

Айуол/Ajuol ~ глаг. *ай* ‘творить, создавать’ + *уол* ‘мальчик; парень’.

Айурана/Аjurana, жен. – глаг. *ай* ‘творить, создавать’ + прилаг. *уран* ‘нежная, изящная, тонкая’ [ЛК].

Айхал/Аjxal – сущ., возвыш., устар. *айхал* ‘молитвенный возглас, выражает радость, пожелание блага, счастья’.

Айылхан/Аjулхан – глаг. *ай* ‘творить, создавать’ [ЛК].

Айыы Тайбыыр/Аан Таjбwуур, жен. – сущ. *айыы* ‘общее название высших существ, олицетворяющих доброе начало’, ‘внук *Омобойа*, одного из первопредков саха’.

Айыысхан Түмэн уола/Аjwуусхан Түмөн уола – сущ. *түмэн* ‘единение народа’.

Айыы-Куо/Аjwуу-Куо ~ от глаг. *ай* ‘творить, создавать’, ‘предопределять, предназначать, давать жизнь, предначертать свыше (по поверью – о сверхъестественных силах, божественном начале)’; прилаг. *куо* ‘красивая, прекрасная’.

Айыы-Сээн/Аjwуу-Seen – сущ. *сиэн* ‘внук’; букв. ‘Внук (потомок) Айыы’.

Айтал/Аjtal ~ от глаг. *ай* ‘творить, создавать’, ‘предопределять, предназначать, давать жизнь, предначертать свыше (по поверью – о сверхъестественных силах, божественном начале)’; ‘Творящий и Добыгчик’.

Айылхан/Аjулхан ~ от глаг. *ай* ‘творить, создавать’, ‘предопределять, предназначать, давать жизнь, предначертать свыше (по поверью – о сверхъестественных силах, божественном начале)’ + антропокомпонент ‘хан’.

Алаадьы/Алаajш – сущ. ‘оладья’; ~ ‘с лицом, похожим на оладью, круглое, плоское’.

Албан – возвыш. прилаг. *албан* ‘славный, отменный’.

Алгыс/Аlgуs – сущ. *алгыс* ‘особые слова, обращенные к людям с пожеланием им добра; слова, произносимые по разным жизненным случаям с просьбой, мольбой о благополучном исходе, благопожелания’; ‘Охраняющий’.

Алгыстаан/Аlgуस्ताан – от сущ. *алгыс* ‘благопожелание’; смягченный вариант *Алгыс* [ЛК].

Аллай Арабас/Аllaj Аравас – глаг. *аллай* ‘глупо, вяло разевать рот’; прилаг. *арабас* ‘светло-желтый’; обр. и. ~ ‘Желторотый’.

Алтан/Аltan – сущ. *алтан* ‘медь’.

Алтан Бадаба /Аltan Вадака – сущ. *алтан* ‘медь’.

Алчак Кутетеев/Аlчax Кутетеев – сущ. диал. *алчак* (*аччах*) ‘лягушка’; ~ с широко разведенными, расставленными ногами или с раскоряченными ногами, раскоряка; обр. и.

Алыһар Сөкүчээйэп/Aluһar Sөkүсөөjeр – сущ. *алыһар* ‘окунь озерный’; бур. *алгана* ‘окунь’ [БМРС, 1951: 43], монг. *алгана* ‘окунь’ [Кручкин, 2013: 17].

Амай/Амај – глаг. *амай* ‘добродушно, глупо улыбаться, широко раскрывая рот’; обр. и.

Амантаай/Amantaaj – от прилаг., возвыш., поэт. *аман* ‘сопровожаемый благословением, желающий счастья и удачу’.

Ангырдай/Аңурдај – сущ. *ангыр* ‘выпь’; ‘как выпь’.

Аппағыйаан/Аппавшјаан – от обр. глаг. *аппай* ‘приоткрываться, закрываться не вплотную’; обр. и.; ср.: хак. *анмай* ‘держат рот открытым’.

Арағас Мүлтүркээйэп/Арағас Мүлтуркееjeр – прилаг. *арағас* ‘светло-желтый’.

Арбай/Arбай, жен. – обр. глаг. *арбай* ‘быть растрепанной, взевошенной, взлохмаченной (о волосах)’; обр. и.

Ардах Ыктыгаарап/Arдах Үтүктүшүрар – сущ. *ардах* ‘дождь’.

Арчын/Arсүн – от сущ., устар. *арчы* ‘по старинным поверьям – обряд изгнания злых духов, нечисти из жилища, человека или какой-л. вещи посредством окуривания’; ‘Человек Охраняющий’.

Арчылан/Arсүлан – от сущ., устар. *арчы* ‘по старинным поверьям – обряд изгнания злых духов, нечисти из жилища, человека или какой-л. вещи посредством окуривания’; пратюрк. *агса ‘можжевелик’ [СИГТЯ, 2001: 129]; ‘Человек Охраняющий’.

Арыяана/Arујаана, жен. – от глаг. *арый* ‘открывать’ [ЛК].

Арыы Сыалдыа/Arуш Суалја – сущ. *арыы* ‘масло’; букв. ‘нагазник (сыалдыа), намазанный маслом’, сущ. *сыалдыа* ‘короткие штаны, сшитые из выделанной кожи, нагазник’; букв. ‘С Масляным Нагазником’.

Арыһыт/ Arуһуһт – от сущ. *арыы* ‘масло’; ‘Маслодел’.

Асхар Сэксэгээһэп/Asхавар Seksegeeher – от образ. глаг. *асхарый* ‘пыхтеть, потеть от чрезмерного ожирения; очень жирный, тучный’.

Аһылык/Aһулук – сущ. *аһылык* ‘человеческая пища, еда’.

Аһыька/Aһуька – от сущ., диал. *аһыьна* ‘крупная кобылка’.

Атаға Суох Куйуһукаанап/Атаға Суох Куйуһукаанар ‘Безногий’.

Аттыкы Лоһуурап/Atтуку Лоһууар – от сущ. *ат* ‘конь, лошадь’; сущ., устар. *аттакты* ‘скопец’.

Атыйах Күлүкээнэп/Atујах Кулукеенер – сущ. *атыйах* ‘берестяное или деревянное лукошко, предназначенное для воды или хранения, содержания рыбы’; ~ ‘человек маленького роста’.

Атырдыах/Atурјах – сущ. *атырдыах* ‘сельскохозяйственное орудие для метания и укладки сена в копны, вилы; изготавливается из лиственницы’.

Атыыр Атыырап/Атшур Атшурар – прилаг., разг. *атыыр* ‘жеребец’; ‘способный оплодотворить’; ‘крупный; мощный’; ср.: тюрк. *adyir* ‘жеребец’.

Ахта Чыбыыйап/Ахта Сшвшшчјар – сущ. *акта* ‘промежность’.

Баай/Ваај – прилаг. *баай* ‘богач, богатый’, ‘богатый, денежный, состоятельный’; ‘сын *Айыы Тайбыыра*, прозванный на старости *Баай аба*, родоначальник Баягантайского улуса (ныне наслег *Баайаба* в Таттинском улусе)’.

Баай оҕо/ Ваај ово – букв. ‘Богатый ребенок’.

Баба Марсаахыын/Ваага Марсаахшын – от сущ. *баба* ‘лягушка’.

Бабалыыр Моркуунап/Вагалшур Моркуунар – от сущ. *баба* ‘лягушка’.

Байбал Митиирэп/Вајвал Митиирер – сущ. *байбал* ‘море, океан’.

Байсен/Вајсен – от прил. *баай* ‘богатый’ + *сиэн* ‘внук’ [ЛК].

Балхах/Вахлах – сущ. *балхах* ‘деревянная долбленая посуда’.

Бас Төрөлөй/Вас Төрөлөј – сущ. *бас* ‘голова’, ‘глава; господин; вершина, верхушка, макушка; начало’; ‘сын *Тыгын Мунньана*, одного из родоначальников саха’.

Багдаҕар/Вагдавар – прилаг. *багдаҕар* ‘широкий в плечах, широкоплечий’; обр. и.

Баба Бас/Ваага Вас – ‘Лягушачья Голова’.

Бабадьа/Ваваја – от сущ., диал. *бабадьы* ‘большая рыболовная сеть, невод для коллективного рыболовства’; п. монг. *b çi* ‘инструмент, орудие’; ‘лесная засека для ловли лосей и оленей’ [ДСЯЯ, 1976: 57].

Байанай Үнүгээһэп/Вајанай Унугеһер – сущ., миф. *байанай* ‘Баянай – общее название духов леса, воды, покровительствующих охотничьим и рыболовным промыслам’; ср.: алт. *пайана* ‘доброе божество’.

Байдам/Вајдам – от сущ. *баай* ‘богатство, богатый’, ‘будь богатым, живи в достатке и изобилии’.

Баллай/Ваалај, жен. – обр. глаг. *баллай* ‘казаться раздутым, увеличенным в объеме (о губах, о лице)’; обр. и.

Балта Өрсүнээйэп/Валта Өрсунеејер – сущ. *балта* ‘большой кузнечный молот’; ‘ударная сила ч.-л.’, ‘коренной зуб’; др.-тюрк. *baltu* ‘секира’ [ДТС, 1969: 81]; як. *балта* ‘большой кузнечный молот, балда, молот; коренной зуб (у людей и животных)’ [Попов, 2003: 117].

Балыксыт/Валуksут – от сущ. *балык* ‘рыба’, ‘Рыбак’.

Бараах Хаахын/Вагаах Хаахын – сущ. *бараах* ‘кулик полевой’.

Барахсан/Вагахсан – сущ. *барахсан* ‘бедняга, бедняжка, милый; милоч’; ~ имяобладатель имеет маленький рост, так как «уменьшенный, миниатюрный предмет представляется милым» [Петров, 1978: 195].

Батас Амыдай уола/**Batas** Amudaj uola – сущ. *батас* ‘древнее воинское оружие, пальма’; м.-кмч. *батасъ* ‘ножище, косарь, тесак’ [Даль, 1863, I: 47].

Батас Мөндүкээн/**Batas** Mœndykeen – сущ. *батас* ‘древнее воинское оружие’.

Баттах/Ваттах – ‘Волосы’.

Бахчангыр/Вахсаңишур – от глаг. *бахчай* ‘широко расставлять кривые или слегка согнутые ноги’; обр. и.

Бискэритии/Biskeritii, жен. – от обр. глаг. *бискэй* ‘быть полнотелым, чрезмерно полным, как бы прущим через край’; обр. и.

Болотой Оххон (Молотой Оххон)/Bolotoj Orxon (Molotoj Orxon) – сущ. *болот* ‘у древних якутов: обоюдоострый выгнутый меч с короткой рукояткой; один из четырех сыновей *Элэйэ*, имевший сына *Мэнэ*, родоначальника Мегинского улуса’.

Борон/Вороң – прилаг. *борон* ‘цвета пепла или более темный, серый’.

Боотур/Bootur – сущ. *боотур* ‘у древних якутов: человек большой физической силы, обладающий также воинской выучкой, воин, витязь’; окающая форма *баатыр* ‘герой’; ‘отважный, решительный, мужественный, смелый, доблестный; сильный, бравый, бойкий, боевой, бесстрашный, удалой; силач; боец’; ИС: алан. *Бадур*; уйг. диал. *Vatur* [Севортьян, 1978: 82–83]; др.-тюрк. *tu*, *y tu çi ši* ‘ИС; титул’ [ДТС, 1969: 77, 89].

Боотур Бобуруоп/**Bootur** Boburuop – сущ. *боотур* ‘у древних якутов: человек большой физической силы, обладающий также воинской выучкой, воин, витязь’.

Боччуйар Нягебилев/**Воççујар** – от глаг., разг. *боччуй* ‘устраивать что-л., наводить порядок в чем-л.’

Бөлтөгө/Vœltœŋœ – от глаг. *бөлтөй* ‘округло выпячиваться, выпучиваться или иметь сильно выпуклый вид; толстолицый’; обр. и.

Бөкчө – от глаг. *бөкчөй* ‘наклонять, опускать голову и верхнюю часть спины или наклоняться при движении всем корпусом, наклоняться, нагибаться’; обр. и.

Бөкчө/Вөкçœ

Бөтөс Мочойуукап/**Vœtœs** Moçokuuјар – сущ. *бөтөс* ‘молодой человек, полагающийся в своих поступках большей частью на свою физическую силу и энергию, молодчик’.

Бөх Талайап/**Vœx** Talaјар – от сущ. *бөх* ‘мусор’; ~ охр. и.

Будьур Бахчах/**Vuјur** Вахçах – прилаг. *будьур* ‘в мелких густых завитках, кудрях, курчавый (о волосах)’.

Булгуй/Vulguj – глаг. *булгуй* ‘освобождаться от запряжки, отбрасывая ярмо, распрягаться’; от монг. >*bū* ‘садиться, спуститься, схо-

дить'; п. монг. *b ʒulʒa*; орд., бур. *būl*; халх.-монг. *būl o* 'сойти, убраться, распрягать, расслабить'.

Булчут Бөтөөгүн/**Bulčut** Бөтөөгүн – от сущ. *булт* 'охота; Охотник'.

Буор/Vuor – сущ. *буор* 'земля, верхний слой почвы'; 'земельный надел, выдаваемый обычно за уплату налога, ясака'; 'название рода во 2-м Холгуминском наслеге Мегинского улуса'.

Булумдью/Bulumju – от сущ. *булумньу* 'то, что найдено, добыто как нужное, полезное для чего-л.; находка'.

Бухатыыр/Vuxatuur – сущ., фольк. *бухатыыр* 'главный герой якутского героического эпоса олонхо, защитник Среднего мира, обладающий силой, равной половине силы всего мира, и его противник'.

Бүргэс Хаахын/**Byrges** Хаахин – сущ. *бүргэс* 'шило'.

Бүскүүлэ/Byskyule – от обр. глаг. *бүскүй* 'набухать, разбухать'; обр. и.

Бүскүүнчэ/Byskyunče, жен. – от обр. глаг. *бүскүй* 'набухать, разбухать'; ~ о движениях тучной женщины; обр. и.

Быллай/Vullaj – обр. глаг. *быллай* 'сильно вытягиваться, отвисать (о нижней губе)'; обр. и.

Бынтайбыт/Bultajbut – от прилаг. *бынтабар* 'выпирающий, округлый (о щеках)'; обр. и.

Бырдах Бүкүчээйэп/**Burdax** Вукүсееер – сущ. *бырдах* 'комар'.

Бырдыгынас Мохчун/**Burjygnas** – от звукоподр. глаг., перен., неодобр. *бырдыгынаа* 'кипеть гневом (о постоянно сердящемся человеке)'; обр. и.

Бырдыкы/Vurjyku – от звукоподр. глаг., перен., неодобр. *бырдыгынаа* 'кипеть гневом (о постоянно сердящемся человеке)'; обр. и.

Быһый Элээнтийэп/**Buhyj** Eleentijer – от прилаг. *быһый* 'быстроногий, резвый, быстрый'.

Быт Сахтаахап/**But** Saaxtaaxap – сущ. *быт* 'вошь'.

Бытаан Иттигинэйэп/**Butaan** Iittigineejer – от прилаг. *бытаан* 'медленный, медлительный'.

Быттык Бычыгынааһап/**Buttuk** Бишчыгынааһап – сущ. *быттык* 'пах'.

Бытыкый Хабыылап/**Butukuj** Хаышлар – сущ. *бытык* 'усы'; 'борода'.

Быччаанай Түүлээх/**Buščaanaj** – от обр. глаг. *быччай* 'быть, казаться очень полным, выпуклым; быть пучеглазым'; обр. и.

Быыкаан/Vuškaan – прилаг. *быыкаан* 'очень, совсем маленький'.

Быыччык Ибээкэп/**Bušččuk** – прилаг. *быыччык* 'усердный, старательный (до мелочей), но медлительный'.

Бэдэр/Beder – сущ. *бэдэр* ‘рысь’; ‘*Бэдэр ууһа/Beder uuha*, название рода в 1-м Хангаласском наслеге Колымского улуса’.

Бэдэрдээх удабан/Bederdeex udaban, жен. – сущ. *бэдэр* ‘рысь’; *удабан* ‘шаманка’; ‘Шаманка Рысь’.

Бэдьэй Куйахын/**Bejej** Куяхын – от обр. глаг. *бэдьэй* ‘бежать трусцой’; прилаг. *бэдьээн* ‘медленный’; глаг. *бэдьээнлээ* ‘быстро шагать или бегать мелкими шажками’; обр. и.

Бэкэйээн/Bekejeen – от обр. глаг. *бэкий* ‘быть высоким, поджарым и сутуловатым’; ~ ‘высокий и поджарый сутуловатый человек, ходящий и держащийся сутуловато, наклонившись вперед’; обр. и.

Бэкэлдьийэ/Bekeljiije – от глаг. *бэкэй* (*бэкий*) ‘описание движения высокого, поджарого и сутуловатого человека’.

Бэлэх Дьүдьеэхэп/**Belex** Јүеехер – сущ. *бэлэх* ‘подарок, дар; религ. ‘принесение даров духам перевала, местности с целью их задабривания; тюрк. *белек*’.

Бэргэн/Bergen – прилаг. *бэргэн* ‘меткий, искусный в стрельбе’; ЭИ Тонуоллут *Бэргэн*, Куралай *Бэргэн* (имена *Байаная*), *Эриэдэл Бэргэн* (*Мэргэн*), *Эрбэхтэй Бэргэн* ‘Большой Палец Меткий’, *Өлбөт Бэргэн* ‘Бессмертный Меткий’, *Элэс Мэргэн* [Филиппова, 2016: 45, 74, 84], *Дьибэрбэн Бэргэн* ‘богатырь айыы’, *Дьибэрбэс Бэргэн* (рыболов), *Дьибэрбэк Бэргэн* ‘богатырь айыы’ [Емельянов, 1980: 345].

Бэрт Хара/Bert Xara ‘Доблестный Черный’.

Бөрө Бөтөһө/Bөрө Вөтөһө ‘сын Бадыр Эмээхсинэ, бедной старушки-вдовы; одно из имен Бэрт Хара’.

Бэс/Bes – сущ. ‘сосна’; ‘имя родоначальника Сыгатского наслега Холгуминского наслега Меитского улуса’.

Дал Бас/Dal Bas – *дал* ‘цель для стрельбы из лука’; сущ. *бас* ‘голова’.

Далбарай Сандрин/**Dalbaraj** Sandrin ‘птенец, только начавший летать; маленькая певчая птичка; ласкательное выражение’.

Далланныыр/Dallannuur – от глаг. *даллай* ‘человек, ходящий с широко раскинутыми руками’.

Дархан/Тархан/Darхан/Tarхан – прил., устар. *дархан* ‘очень солидный, серьезный’, ‘высокомерный, напускающий на себя важность, надменный’; тюрк. *тархан*, *дархан* ‘привилегированное сословие’; *Дархан* (*Даркан*), *Тархан*, *Дэли Дархан* – один из шести сыновей Элэя; от него произошли Борогонский и Дюпсюнский улусы, по имени его двух сыновей; *Дэхси Дархан*, *Түһүлгэ Дархан*, *Күрсэн Дархан*, *Мэнги Дархан*, *Дэги Дархан*, *Дэли Дархан*, *Дэри Дархан*, *Баҕадаһын Дархан*, *Үөлэн Дархан*, *Игидэй Дархан*, *Мунһан Дархан*, *Хомуян Дар-*

хан [Окладников, 1948: 416–419; Багдарыын Сүлбэ, 2011, 4: 540–545]; др.-тюрк. *Ара Тагхан* ‘имя и титул’, где *ара* ‘старший родственник’, *tarhan* ‘титул’ [Махпиров, 1997: 183].

Добун/Dobun – прилаг. *добун* ‘чрезвычайно сильный, очень большой, гигантский; возвыш. ‘великий, священный; непоколебимый (о земле, море, небе)’.

Догдобор/Dogdovor – от обр. глаг. *догдой* ‘быть, казаться коротким, кургузым (обычно об одежде)’.

Доболон/Доволог – прилаг. *доболон* ‘хромой’, ср.: п. монг. *доболон*.

Добуур/Довуур – сущ. *добуур* ‘силки для ловли мелких птиц, прикрепляемые к деревянному шесту, доске’. *Добуур* возводят к др.-тюрк. *tör* ‘сеть для ловли птиц’ [СИГТЯ, 2001: 419]. Вероятно, происходит от як. *обуур* ‘шест с веревочной петлей на конце, аркан’; ср.: др.-тюрк. *ау* ‘силоч, ловушка’, *оу и* ‘скрытый, незаметный’: *iglädi enij abaq /körmäbip оу и туз q* ‘я наступил ногой, /не заметив скрытую ловушку’, *оурла-* ‘скрывать, прятать’ [ДТС, 1969: 16, 363, 365].

Дойдуха Дархан/Dojduha Darhan – сущ. *дойду* ‘место рождения, родина, родимый край’, ‘государство’, ‘до революции и в первые годы советской власти: участок покоса, выпаса, принадлежащий кому-л.’; ‘один из шести главных родоначальников, потомков Эллэя’. *дархан*: орх., ен. *тар ан* ‘титул’; тув. *дарган* ‘кузнец; почтенный боец’; кирг. *даркан* ‘кузнец (в эпосе); перен. уважаемый, славный, почетный’; монг. *дархан* ‘мастер’; ср.-монг. ‘священный, неприкосновенный; заповедный; ист. свободное от повинностей лицо’; бур. ‘кузнец; мастер, умелец, искусный мастер; искусный, умелый’; п. монг. *дагхан* ‘кузнец’ [Левин, 2013: 189].

Долгура Тэндиэйэп/Dolguha Tendiejer – от глаг. *долгур* ‘едва заметно качаться, колыхаться, волноваться; ходить едва колыхаясь’.

Дыгын/Dugun – сущ., устар. *тыгын* [tygun] ‘высокий чин, господин, правитель, предводитель (со значением великий, почтенный)’, др.-тюрк. *тэгин, тегин. Дыгын (Дыгын, Дыгинча), Тыгын [Тугун; Дугун]* ‘знаменитый родоначальник якутов, воевавший с русскими, взятый последними в плен и казненный’ [Пекарский, 1959, I: 760]. Ср.: орх. *тигин* ‘принц’; уйг. (рун.) *Тигин* ‘имя собственное’; ср.-монг. *tii: ni – тегин* [Левин, 2013: 187]. *Tegin/tigin* – часто встречается в древнетюркском антропонимиконе: «*tegin* – ‘принц’, титул, присоединяемый к именам младших членов ханской семьи, первоначально «раб»: *Tigin Buqa, Alp Tegin, Kumus Tegin, Kul Tegin, Ogul Tegin*» [Махпиров, 1997: 208]. В пользу значения «титулярное имя» в свое время высказался Г. В. Ксенофонов: «Тегин – наследный правитель прибайкаль-

ских курыкан» [Ксенофонтов, 1992: 168–204]. В современном именнике зафиксировано имя *Дыгын* [ЛК].

Дэгэрэн/Degeren – от сущ. *дэгэрэн* ‘быстрая ходьба, бег (на слегка приподнятых ногах, с подскакиванием на носках); ходящий быстро, как-будто на носках’.

Дэгэс/Deges ‘легко ходящая’. От глаг. *дэгэй* ‘двигаться, идти, бежать, легко ступая, едва касаясь земли’.

Дьабака/Јабака – сущ. *дьабака* ‘национальная якутская женская шапка: меховая изнутри и снаружи, высокая, закрывающая уши’.

Дьабара/Јабара – сущ. *дьабара*, *дьабарааскы* ‘евражка (вид суслика)’.

Дьаллай Оконов/**Јаллај** Окоопор – от глаг. *дьаллай* ‘широко раскрыть, разинуть (рот)’; обр. и.

Дьяһал Сүргүүэй/**Јаһал** Сүргуујер – сущ. *дьаһал* ‘распоряжение, приказ, поручение’.

Дьол/Јол – сущ. *дьол* ‘счастье’.

Дьолурхан/Јолурхан – сущ. *дьол* ‘счастье’.

Дьолсун/Јолсун – сущ. *дьол* ‘счастье’.

Дьоруо Хонтой/**Јоруо** Хонтој – ‘имя девятого, самого младшего сына шамана *Бакаанча Бытааны*’; *дьоруо* ‘двигающийся как конь-иноходец, быстро, слегка подаваясь то в одну, то в другую сторону’; обр. глаг. *хонтой* ‘иметь высокую переносицу или с большой горбинкой нос’.

Дьулугур/Јулугур – прилаг. *дьулугур* ‘прямой, стройный, высокий’.

Дьулуур/Јулуур, **Дьулус/Јулус**, **Дьулустаан/Јулустаан**, **Дьулусхаан/Јулусхаан**, **Дьулусхан/Јулусхан** – от глаг. *дьулуй* ‘делать что-л. упорно, настойчиво, не отвлекаясь ни на что другое, налегать’, ‘сильно желать, жаждать чего-л., стремиться к чему-л.’, ‘идти стремительно вперед, преодолевая все помехи’. Исходным именем являются ЭИ *Дьулусхан Баай Тойон* ‘Стремительный Богатый Господин’, *Дьулуруйар Ньургун Боотур* ‘Стремительный Ньургун Боотур’, *Дьулуруйар Ньургун Кыыс* букв. ‘Стремительная Ньургун Дева’ [Емельянов, 1980: 346].

Дьуох Саахтыя/Јуох Саахтуја ‘сын шамана Төңүлү’.

Дьүлэй/Јүлэй – прилаг. *дьюлэй* ‘глухой, тугоухий’; ср.: п. монг. *дьюлей*.

Дьүүл/Јуул – сущ. *дьюул* ‘судебное разбирательство’.

Дьэгин Чугунаайап/**Јегин** Сүгунаајар – прилаг. *дьэгин* ‘непривычный, неудобный для пользования (о руке), левосторонний’, ‘левша’.

Дьэллик Бархаанап/**Јеллик** Вагхаанар – прилаг. *дьэллик* ‘бездомный, бродячий; бесхозный’; в знач. сущ. ‘бродяга, скиталец, непоседа’; ср.: тув. *черлик*, *челлик* ‘дикий’.

Дьэргэй/Jergej – от глаг. *дьэргэй* ‘бросаться в глаза пестрой или особенно яркой, светлой окраской’; ‘не заниматься ничем полезным, проводить время впустую’.

Дьээбэ Дуркуулап/**Jeebe** Durkuular – прилаг. *дьээбэ* ‘вызывающий удивление, непонятный, необычный’.

Ингирдэй/Iŋiirdej – от сущ. *ингиир* ‘сухожилия’; перен. ‘сила, мощь’.

Инэрчэ/Iŋerče – сущ. ‘сухожильная обмотка лука и стрелы (для придания большей прочности и эластичности)’.

Иринньэх/Irinñex – прилаг. *иринньэх* ‘болезненный, слабый, хилый, тщедушный; неокрепший, слабый’; тюрк. *иринчек, эринчек* ‘ленивый’.

Киил/Kiil – сущ. *киил* ‘часть лиственницы, затвердевшая, ставшая очень прочной вследствие нарушения годовых колец’; перен. ‘крепкий, прочный, здоровый’.

Кинтэй Лачыыгын/**Kintej** Lačyuygyn – обр. глаг. *кинтэй* ‘вытянуться, откинуться назад всем телом; надменный’.

Кирик Дардыыйап/**Kirik** Darduyap – от глаг. *кирик гын* ‘вдрут пригнуться, уклониться, пугливо втянуть голову в плечи; пугливый’.

Кихилэй Тэйиинин/**Kihijej** Tejiin – сущ. *кихи* ‘человек; вероятно, от *кихи-хара буол* ‘стать человеком, повзростеть’.

Кихиргэс Мардыаахын/**Kihirges** Marɟaaɟyn – прилаг. *кихиргэс* ‘любящий похвастать, хвастливый’.

Кичээни Кытыыйап/**Kičeeŋi** Kytyuyap – прилаг. *кичээни* ‘бережливый, экономный, расчетливый; старательный, упорный, усердный, тщательный’.

Көдөй/Kөdөj, жен. – обр. глаг. *көдөй* ‘иметь большой отвислый живот; пузатая и коротконогая’; обр. и.

Көбөн Тархаанап/**Kөвөп** – сущ. *көбөн* ‘кряква’.

Көмөрөһүт Тахайаанап/**Kөmөрөһүт** Тахајаапаp – сущ. *көмөр* ‘почерневший остывший древесный уголь; Угольщик’.

Көмүс Дайыылап/**Kөmүс** Dajuyap – сущ. *көмүс* ‘благородный, драгоценный металл; золото или серебро’.

Көнө Кэтэх Айбаана/**Kөncө** Ketex Ajbaana ‘Прямой Затылок’.

Көнөккө/Kөncөkkө – от прилаг., перен. *көнө* ‘непритворный, бесхитростный, простодушный, правдивый; простой, прямой’.

Көндөй Бас Долгуура/**Kөŋdөj** Bas Dolguura – *көндөй бас* ‘Пустоголовый’, сущ. *долгуура* ‘вероятно’, от *долгура* ‘затишье’.

Көнкөлөй Бэчээнэп/**Kөŋkөлөj** Bečeep – ‘Громкоголосый’, от сущ., диал. *көнкөлөй* ‘верхняя часть горла’; ‘громко, громкогласно’; ‘человек с громким голосом’.

Көпсө Бэрчээхэп/**Kөpsө** Bepceexep – сущ., устар. *көпсө* ‘бечевка, вязка, сплетенная из тонкого тальника; кольцо, свитое из тальника или молодой березы, надеваемое на макушку урасы (берестяной юрты) для скрепления жердей’.

Көрбөт Кудугууяп/**Kөpsө** Kuduguujap ‘слепой, незрячий’.

Көрсүө/**Kөrsyө** – прилаг. *көрсүө* ‘смирный, тихий, спокойный’.

Көтөх/**Kөetөx** – прилаг. *көтөх* ‘худошавый, сухощавый (о человеке)’.

Куба Одьураайап/**Kuba** Ojuraajap – сущ. *куба* ‘лебедь’.

Кугас Кыыс/**Kugas Kuus** – букв. ‘Рыжая Девочка’, ‘силач из Тагайского наслега’ [ИПРЯ, 1960: 335].

Кугас Үнүгээхэп/**Kugas** Үnygeexep – прилаг. *кугас* ‘рыжий, красновато-желтый; красно-бурый’.

Куйаас Тутуукун/**Kujaas** Tutuukun – сущ. *куйаас* ‘жара, зной’, прилаг. ‘жаркий, знойный’.

Куйаха Моркуунап/**Kujaxa** Morkuunap – сущ. *куйаха* ‘кожа головы’.

Куйахаан/**Kujaxaan** – от сущ. *куйах* ‘щит; Щитоносец’.

Кулгаах Куһабаанап/**Kulgaax** Kuһabaanap – сущ. *кулгаах* ‘уши’.

Куллуруут/**Kulluruut** – ‘кулик; бекас сибирский’.

Култабар Лэбин/**Kultabar** Lebin – обр. глаг. *култай* ‘быть, казаться вздутым, пухатым, иметь круглую, шаровидную форму (о животе)’.

Кулут/**Kulut** ‘Раб’.

Кулутгай Тэкээхэп/**Kuluttaj** Tekeexep – сущ. *кулут* ‘раб’, тюрк. *кул* ‘раб, холоп’.

Кур Обус/**Kur Obus** – сущ. *обус* ‘бык’; ‘Откормленный Бык’.

Куртааскы/**Kurtaasku** ‘Желудочек’.

Куртах (**Кутгах**)/**Kurtaх**/**Kuttaх** ‘Желудок’.

Куртуйах Чэчэгээхэп/**Kurtujax** Cecegeexep – сущ. *куртуйах* ‘те-терев’.

Кустук Бэргэн/**Kustuk** Bergen – сущ. *кустук* ‘боевая стрела или наконечник стрелы (преим. треугольной формы)’.

Кусчут Күччүй Дьыраайап/**Kuscut** Kycçuj Juraajap – от сущ. *кус* ‘утка’; ‘Охотник за утками’.

Кус Харах Бүттүгүнээнэп/**Kus Xarax** Byttuguneenep – сущ. *кус* ‘утка’, сущ. *харах* ‘глаза’; букв. ‘Утиный Глаз’.

Кус Харах/**Kus Xarax**, жен. ‘Утиный Глаз’.

Куһабадлык Кучукта уола/**Kuһabaljuk** Kuçukta uola – от прилаг. *куһабан* ‘плохой, худой’; ~ охр. и.

Куһабан Сырай Күһэнтээхэп/**Kuһaban Suraj** Kyhenteexep ‘Плохое Лицо’; ~ охр. и.

Куһаҕанныыр Киһиргээһэп/ **Kuhavannuushir** Kihirgeeher ~ охр. и. **Кут** Жеюгетев/**Kut** – сущ., религ. *кут* ‘психическая сфера человека, основа его духовного и телесного состояния, жизнеспособности, душа. По представлениям якутов, кут состоит из трех частей: земля-душа, воздух-душа, мать-душа’.

Кут Бохсуулун/**Kut** Voxsuulun – сущ., религ. *кут* ‘психическая сфера человека, основа его духовного и телесного состояния, жизнеспособности, душа. По представлениям якутов, кут состоит из трех частей: земля-душа, воздух-душа, мать-душа’.

Кутайын/Кутажун – от *кутайы* (*кутаайы*?) ‘искорка, ласкательное прозвище, которое дают новорожденным детям, когда разговаривают с ними, пеленая или убаюкивая’ [Пекарский, 1959, I: 1264].

Куттал Күрүөйээхэп/**Kuttal** Күгүөҕеэхеер – прилаг. *куттал* ‘страх, боязнь’; букв. ‘Сын Беглого Страх’.

Кутуйах Покоеков/**Kutujax** – сущ. *кутуйах* ‘мышь’.

Кутурук Дьогдойоон/**Kuturuk** Јөгјојоон – от сущ. *кутурук* ‘хвост; брат бологурского Омоллоона’.

Кучукта Өрөнөһөһөп/**Kučukta** Өгөһөһөһөер – сущ., диал. *кучукта* ‘название растения, которое раньше привозили с речки Уды и лечили с его помощью разные болезни’.

Күлтүрчэ Бөкөөхөп/**Kultyrče** Вөкөөсөхөер – от обр. глаг. *култуй* ‘быть круглым, шаровидным, наголо остриженным (о голове человека)’; калм. *күлти* ‘иметь голую (лысую) голову, быть лысым’.

Күлэр/Кылер – от глаг. *күл* ‘смеяться, хохотать, радоваться; смеющийся’.

Күндэ Бархантыыкап/**Kynde** Barxantuuqap – прилаг. *күндэ* ‘блестящий, сияющий’; ‘небольшая часть озера, отделившаяся от основного водоема’; ~ о светлом человеке; ср.: *күндэ манган* ‘белый, без единого пятнышка’.

Күннээһэй Чикээйин/**Kunneehej** Čikeejin ‘солнечный’.

Күндү Ньардыаахап (**Кенду Нарбахов**)/**Kyndy** Ņarǰaaxap.

Күндүйээнэ/Кундыеене – прилаг. *күндү* ‘дорогой, ценный, дорогостоящий, драгоценный’.

Күндүл/Кундүл – прилаг. *күндүл* ‘сверкающий, блестящий; сияющий’; от сущ. *күн* ‘солнце’ в значении ‘дорогой, подобно солнцу’.

Күндүсхаан/Кундүсхаан – прилаг. *күндү* ‘дорогой, ценный, дорогостоящий, драгоценный’ + антропокомпонент ‘хаан’.

Күндүүнэ/Кундууне, жен. – прилаг. *күндү* ‘дорогой, ценный, дорогостоящий, драгоценный’; ‘Дорогая’.

Күндүлүүнэ/Кундулууне, жен. – прилаг. *күндү* ‘дорогой, ценный, дорогостоящий, драгоценный’; прилаг. *күндүл* ‘сверкающий, бле-

стящий; сияющий'; от сущ. *күн* 'солнце' в знач. 'Дорогая, подобная солнцу'.

Күндэлиинэ/Kyndeliine, жен. – от прилаг. *күндэ* 'блестящий, сияющий'; 'небольшая часть озера, отделившаяся от основного водоема'; ~ о светлом человеке; ср.: *күндэ манган* 'белый, без единого пятнышка'; ~ 'Белолица как солнце'.

Күндэлээх Бахчыгырап/**Kyndeleeх** Вахшигишгар – от прилаг. *күндэ* 'блестящий, сияющий'; 'небольшая часть озера, отделившаяся от основного водоема'; ~ о светлом человеке; ср.: *күндэ манган* 'белый, без единого пятнышка'.

Күндээр/Kyndeer – от прилаг. *күндэ* 'блестящий, сияющий'; 'небольшая часть озера, отделившаяся от основного водоема'; ~ о светлом человеке; ср.: *күндэ манган* 'белый, без единого пятнышка'.

Күннэй Одьуурап (Конней (Кунней) Одюров/**Kynnej** Ојуугар – от сущ. *күн* 'солнце', 'день', 'сутки', прилаг. 'лучезарный, подобный солнцу', перен. 'обращение к любимому, дорогому человеку'.

Күннэй/Купней, жен. – от сущ. *күн* 'солнце'.

Күннэй Абаға уола/**Kynnej** Абага уола, муж. – от сущ. *күн* 'солнце'.

Күннүк/Куппук – от сущ. *күн* 'солнце'.

Күөрэгэй Булумаахап/**Kyoregej** Bulumaахар – сущ. *күөрэгэй* 'жаворонок'.

Күрдьүгэс Күрүөкээн уола/**Kyrjyges** Кугуөкееп уола – прилаг. *күрдьүгэс* 'рыжий с темными полосами; бурый с красноватыми полосами', сущ., диал. 'бурундук'.

Күрдьүгэс Үнүкэйэйп/**Kyrjyges** Үнүкеежер – сущ., диал. *күрдьүгэс* 'бурундук'.

Күрдьэбэс/Куржевэс – *күрдьэбэс* 'червь'; ср.: др.-тюрк. *qurt* 'червь, змей'.

Күрүө Хаптабаайап/**Kyryoe** Хартаваајар – сущ. *күрүө* 'изгородь вокруг стога, покоса, пашни и т. п.; загон для временного содержания скота, лошадей; отгороженное место'.

Күрүөйэх Кылаайап/**Kyryoejex** Кшлаајар – сущ. *күрүөйэх* 'беглец'.

Күрэй Кюпкин/**Kyrej** ~ сущ. *күрэй* 'шест для управления оленями, хорей'.

Күтүөт Бэдьин/**Kutyoet** Вејиј – сущ. *күтүөт* 'зять', 'жених'.

Күтүр Дьураайап/**Kytyr** Југаајар – прилаг. *күтүр* 'скупой, жадный; страшный, опасный, жестокий, грозный; человек с дурным характером, злыдень'.

Күтэр Санньын уола/**Kyter** Саншш уола – сущ. *күтэр* 'водяная крыса, водяная нутрия'.

Күүдээх Киригдин/**Kyudeex Kirigdin** – сущ. *күүдээх* ‘землеройка’.

Күүгэс/Кyyges – сущ. *күүгэс* ‘златоглазик овод, вид слепня’.

Күүстээх Туртаһыынап/**Kyusteex Turtahshunap** – прилаг. *күүстээх* ‘сильный физически’.

Кылдыы/Кулджуу – сущ. *кылдыы* ‘складки на верхних веках’.

Кыкыр Атах/Кукуур Атах ~ ‘Скрипучая Нога’; ‘имя шамана, данное ему, потому что он хромал’; ср.: осм. *кыкыр/шкур* – тонкий, сухой, твердый, шуршащий.

Кылысхан/Кулулсхан – от сущ. *кылыс* ‘старинное якутское холодное оружие с односторонней заточкой, похожее на нож, но большее по размеру, разновидность палаша’, ‘будь острым на язык или будь воинственным’.

Кымыс Мандыраакап/**Kumys Mandurushkap** – сущ. *кымыс* ‘кисломолочный напиток из кобыльего молока, кумыс’.

Кыгнастыгас/Куҥнастугас – прилаг. *кыгнастыгас* ‘скривившийся набок, скособоченный (о человеке)’.

Кырдыбас Ньиилин/**Kurjabas Niilin** ‘Старый’.

Кырдыбыт Махсаанан/Куҕрдьубут Махсаанар – прилаг. *кырдыбас* ‘достигший почтенного пожилого возраста, пожилой, старый (о человеке)’, ‘старик, старец’; букв. ‘Постаревший’.

Кыһа Быччаахап/**Kuha** Виһсэаахар – сущ. *кыһа* ‘кузнечный горн’.

Кыһыл Лүүтүэйэп/**Kuhul** Луутуеҕер – прилаг. *кыһыл* ‘красный’.

Кыһылтай Хамалҕа/**Kuhultaj** Хамалка – от прилаг. *кыһыл* ‘красный; как красный’; ‘боотур из Тылыминского наслега’ [ИПРЯ, 1960, 2: 336].

Кыһылыка Муруунап/**Kuhuluka** Муруунар – от прилаг. *кыһыл* ‘красноватый’.

Кыһыдай/Кыһыгтай/Кухуwtaj/Кухуwдаj – диал. *кыһыдай* ‘красноглазка, сибирская плотва’ [ДСЯЯ, 1976: 139].

Кытарман Мардыакыйап/**Kutarman** Марҕакышҕар – от глаг. *кытар* ‘краснеть’.

Кытархай Түнүкээйэп/**Kutarhaj** Тупукееҕер – прилаг. *кытархай* ‘красноватый, светло-красный’.

Кытарча Хабайхаанар/**Kutarča** Хабайхаанар – от глаг. *кытар* ‘краснеть; краснеющий’.

Кыылай/ Кууллаj – от сущ. *кыыл* ‘дикое животное, зверь’.

Кыылыый/Кууллаj – от сущ. *кыыл* ‘дикое животное, зверь’.

Кынат Пиргин/**Kunat** – сущ. *кынат* ‘крыло’.

Кыракый Сулаарап/**Kurakaj** Сулаагар – прилаг. *кыракый* ‘маленький (по размеру)’.

Кырпас Тойуукун/**Kurpas** Тојуукун ~ от прилаг. *кырна* ‘короткий, мелкий, жидкий, редкий (напр., о волосах)’; ср.: др.-тюрк. *хырт* ‘короткий’; осм. *хырп* ‘стричь, обрезать’.

Кыһалҕа Арчаахап/**Kuhalva** Агсаахар – сущ. *кыһалҕа* ‘страдания, мучения; нужда, лишения; хлопоты, забота о чем-л., думы о чем-л.’.

Кытаанах/**Kutaanax** – прилаг., перен. *кытаанах* ‘строгий, жесткий, суровый’.

Кытыгынаан Кудугууяп/**Kuttugunaan** Kuduguujap – от обр. глаг. *кытыгырай* ‘идти, бежать частыми, мелкими шагами, быстро перебирая ножками’; обр. и.

Кыыкыныыр Кученек/**Kuukunuur** – от звукоподр. глаг. *кыыкынаа* ‘говорить слабым сиплым голосом, издавать слабый скрипучий звук’; ср.: *Айыы Кыыкыллаан* ‘имя шамана в эпосе олонхо’ [Емельянов, 1980: 340].

Кыыһыкай/**Kuuhukaj**, жен. – от сущ. *кыыс* ‘девочка, девушка’, ‘дочь’; ~ охр. и.

Кэкэбий/**Kekevej** – от прилаг. *кэкэбэр* ‘с напряженно застывшей шеей и отведенной назад головой; с длинной шеей’; обр. и.

Кэлтэгэй Маатах/**Keltegej** Маатах – от прилаг., перен. *кэлтэгэй* ‘неполный, частичный, ограниченный, односторонний; имя белого шамана с половиной лица’; обр. и.

Кэлэбэй/**Kelevej** – прилаг. *кэлэбэй* ‘сильно заикающийся’, в знач. сущ. ‘заика’.

Кэнчээри/**Kenčeeri** – ‘отава’, бур. *хэнзэ* ‘вторая трава; отава’ [БМРС, 1951: 628], Н. К. Антонов полагает, что кэнчээри произошло от др.-тюрк. *kejin* ‘затем, после’ [Антонов, 1971: 20].

Кэриэс/**Keries** – сущ. *кэриэс* ‘завет’. ~ как завет, который должен исполнить носитель данного имени; ср.: монг. *гэрээс* ‘завет, завещание’; алт. *керес* ‘завещание’.

Кэрэх Мордохойоп/**Kerex** Моҕохоојор – сущ. *кэрэх* ‘языческая кровавая жертва скотом особой масти, приносимая шаманом для умиловления гнева верхних или нижних злых духов’.

Кэтинчэ/**Ketinče** – сущ. *кэтинчэ* ‘суконные или меховые толстые носки, надеваемые с торбасами, сапогами’.

Кэтит Кэнири/**Ketit Kejirii** ‘Широкая Переносица’.

Кэтит Сонтхойоп/**Ketit** Sontoojop – прилаг. *кэтит* ‘широкий (большой в поперечнике)’.

Лабанха Сүүрүк (Ланха Силик)/**Labuŋxa** Syuryk (Лаңха Силик) ~ *лабанха* ‘надоедливо многословный, многоречивый, с частыми по-

вторами; старший из шести сыновей *Эр Элэйэ*, впоследствии пропавший без вести; он считается первым шаманом, первым распространителем верований и обычаев якутов; песнопевец, заклинатель’.

Лабысха Солтоѳоороп/**Labusxa** Soltoѳоогор – от прилаг. *лабан-ха* (*лабынха*); от звукоподр. слова *лап-*, *лап-лап-* обозначающего повторяемость звуков, ‘надоедливо многословный, многоречивый, с частыми повторами’.

Лаглайа/Laglaja, жен. – от обр. глаг. *лаглай* ‘быть невысоким, приземистым, плотным, равномерно широким (о фигуре человека или предмета)’; ср.: монг. *лаглайх* ‘быть тяжеловесным; иметь широкое основание’; обр. и.

Ланкынай/Lanḡunaj – от звукоподр. глаг. *ланкынаа* ‘издающий громкие гулкие протяжные звуки’; обр. и.

Ласпаѳар/Laspaѳar – прилаг. *ласпаѳар* ‘круглый и широкий (напр., о крупе лошади)’; обр. и.

Лаһай Амыырап/**Lahaj** Амшшгар – обр. глаг. *лаһай* ‘при очень низком росте иметь широкую, плотную фигуру’; обр. и.

Лөгөй/Lөгөј – историческая личность, родоначальник борогонцев; также современное мужское имя.

Лөкөй/Lөкөј – сущ. *лөкөй* ‘матерый самец лося’.

Лыыба Тумуукап/**Luuḡba** Tumuukar – сущ., устар. *лыыба* ‘озерный голян осеннего улова, которым запасаются впрок, заквашивая его в специальных коробах (употребляли в пищу зимой, после замерзания)’.

Лэбин/Lebin – сущ. *лэбэн-түөрэ* ‘лекарственная полевая травка, крестовник’.

Лэкэчэй Бөччөөкүүн/**Lekečej** Вөсчөөсөкүп – от прилаг. *лэкэчэк* ‘невысокий и равномерно широкий, полный’; ср.: татар. *лэкэс* ‘толстяк; нерасторопный человек’; обр. и.

Лэнкэй/Leḡkej – обр. глаг. *лэнкэй* ‘быть несоразмерно большим, широким, округлым (напр., о голове человека)’; обр. и.

Лэптэй Быыккынын/**Leḡtej** Вишкшшшшш – обр. глаг. *лэптэй* ‘шагать или бежать спокойно, в одном темпе, безостановочно, бросаясь в глаза своей будто бы срезанной, плоской макушкой’; обр. и.

Маадья/Мааја – от обр. глаг. *маадьай* ‘стать кривоногим’, прилаг. *маадьяѳар* ‘кривой, имеющий форму колеса (о ногах), кривоногий’; ~ ‘Кривоногий’; с коннотацией ‘медлительный’.

Маадьай Сулууһап/**Maajaј** Suluuḡar – от обр. глаг. *маадьай* ‘стать кривоногим’, прилаг. *маадьяѳар* ‘кривой, имеющий форму колеса (о ногах), кривоногий (о человеке)’; ‘Кривоногий’; с коннотацией ‘неуклюжий’.

Маадьакахыг/Маажакահуит – от обр. глаг. *маадьай* ‘стать кривоногим’, прилаг. *маадьаѳар* ‘кривой, имеющий форму колеса (о ногах), кривоногий (о человеке)’; ср.: др.-тюрк. *майбух* ‘кривоногий’; халх. *маеджигар*; монг. *майжгар* ‘кривой, прогнутый’; бур. *маягар* ‘косолапый’; ‘Кривоногий’; с коннотацией ‘сильно выраженный’.

Маадьанай/Маајагај – ‘Кривоногий’; с коннотацией ‘очень медлительный’.

Маадьары Бөдьөөкөп (Мазары Бозеков)/Маајагуш Вөјөсөкөр – от обр. глаг. *мааһай* ‘быть, казаться толстым, мешковатым (о низкорослом полном человеке)’; обр. и. ‘Кривоногий’; с коннотацией ‘уважаемый’.

Маадьах/Маајах – от обр. глаг. *мааһай* ‘быть, казаться толстым, мешковатым (о низкорослом полном человеке)’; обр. и. ‘Кривоногий’; с коннотацией ‘резко, отрывисто ступающий’.

Маахайбыг Тэһээлгин/Маахажбуит – от обр. глаг. *мааһай* ‘быть, казаться толстым, мешковатым (о низкорослом полном человеке)’; обр. и. ‘С полной маленькой фигурой’.

Маѳалај Вохсонул/Мавалај Вохсоңул – *маѳалај* ‘прожорливое брюхо, утроба’.

Мадьах Киччийэп/Мајах Киççийер – от обр. глаг. *мааһай* ‘быть, казаться толстым, мешковатым (о низкорослом полном человеке)’; обр. и.

Махчаѳар Бөрөө уола/Махсаваг Вөгөсө уола – от обр. глаг. *махчай* ‘с усилием тянуть, поднимать что-л., упираясь широко расставленными и согнутыми в коленях ногами в землю; короткий и кривоногий’; обр. и. ‘Коротконогий’; с коннотацией ‘как будто вросший в землю’ (акцент на фигуру).

Махчай/Махсај – от обр. глаг. *махчай* ‘с усилием тянуть, поднимать что-л., упираясь широко расставленными и согнутыми в коленях ногами в землю; короткий и кривоногий’; обр. и. ‘Коротконогий’; с коннотацией ‘двигающийся как будто с тяжелой поклажей’ (акцент на покладистый характер человека).

Махчар/Махсаг – от обр. глаг. *махчай* ‘с усилием тянуть, поднимать что-л., упираясь широко расставленными и согнутыми в коленях ногами в землю; короткий и кривоногий’; обр. и. ‘Коротконогий’; с коннотацией ‘более быстрый’.

Малтаха Барахайап/Малтаха Вагахаајар – от обр. глаг. *малај* ‘выделяться, бросаться в глаза своим чрезмерно широким, полным лицом’; ср.: монг. *малийх* ‘быть широколицым, скуластым; быть полнолицым’; халх. *мали* ‘иметь широкое лицо’; обр. и.

Манчаары/Manĉaarw ‘аир болотный’.

Маныыһыт Чапчаалап/**Manwuwut** Ćарĉaalap – от глаг. *манаа* ‘пасти (скот); пастух’.

Манан Батыырап/**Maĉan** Batuwrap – прилаг. *манан* ‘белый’.

Манан Эмчэй/Маĉан Емĉей, жен. – ‘одно из имен одной из дочерей Омоѳойа [ИПРЯ, 1960, 2: 337]’; прилаг. *манан* ‘белая; белолицая’.

Мардыаар Боройуун/**Marĉaawar** Borojuun – от обр. глаг. *мардыай* ‘быть дряблым, широким, обрюзглым (о лице)’; обр. и.; с коннотацией ‘внушающий страх, ужас’.

Мардыалла/Marĉalla – от обр. глаг. *мардыай* ‘быть дряблым, широким, обрюзглым (о лице)’; обр. и.; с коннотацией ‘старый’.

Мас Атах Түтүэйэп/**Mas Atax** Тутусейер ‘Деревянная Нога’.

Мас Булгунных/Mas Bulgunĉax – сущ. *мас* ‘дерево’; сущ. *булгунных* ‘возвышенность небольшой окружности, нередко с крутыми склонами, холм’.

Мас Тараах Хонойуун/**Mas Taraax** Хопојуун – букв. ‘Деревянный Гребень’; глаг. *хоной* ‘ходить с высоко поднятой головой, вытянувшись в струнку’.

Мастый/Mastuj – от сущ. *мас* ‘дерево’; ‘одеревенеть; отвердеть’.

Матаѳа Сылгыһын/**Matawa** Sulguĉuun – сущ. *матаѳа* ‘небольшая сумка, котомка, изготовленная из кожи животных или рыб’.

Моѳотой/Мокотой – сущ. *моѳотой* ‘бурундук’.

Моѳой Боотур/Мовой Bootur – от сущ. *моѳой* ‘змея’; ‘Змей Боотур’.

Модьюун Кыччаахап/**Moĉjuun** Киĉĉаахар – сущ. *модьюун* ‘лишай стригущий’.

Молоѳор Уваровскай/**Molowor** Uwarovskaj – от обр. глаг. *молой* ‘быть, казаться гладким, полным, выпуклым, продолговатым (о лице)’; обр. и.

Моой Тулааһынап/**Mooj** Tulaahrap – сущ. *моой* ‘шея’.

Моонньоох/Моонһоох ‘с выделяющейся шеей’; с коннотацией ‘со складчатой шеей’.

Моттоѳор/Моттовор – прилаг. *моттоѳор* ‘пухленький, сбитенький (обычно о ребенке)’.

Мохсоѳол Уоһукап/**Moxsowol** Uohukap – сущ. *мохсоѳол* ‘сок-сапсан’.

Мөлбөстүүр/Mөлbөstyur – от обр. глаг. *мөлбөй* ‘медленно нести себя, плыть, течь, подобно густой, однородной массе’; обр. и.

Мөлөөттүүр/Mөлөettyur ~ от прилаг. *мөдөөт* ‘медлительная’; обр. и.

Мундукаан/Mundukaan – от сущ. *мунду* ‘гольян’.

Мунур Бүтээхэп/**Mu᠋ᠭᠤᠷ** Вуртеехер – прилаг., перен. *мунур* ‘самый главный, главенствующий, основной’.

Муос Тирин/Muos Tirii – сущ. *муос* ‘сделанный из рога, кости’, букв. ‘кожа как из кости’; ‘один из четырех сыновей *Тыгына*’.

Муруку Марѡаакын/**Muruku Mar᠋ᠪᠠᠭᠠᠭᠠᠭᠤᠨ** – сущ. диал. *муруку* ‘бурундук’.

Мурун Кулахыйяп/**Murun** Кулахышцар – сущ. *мурун* ‘нос’.

Мутук Откооноп/**Mutuk** Откооноп – сущ. *мутук* ‘ветка, сук’.

Мутукча Бахсылыын/**Mutuk᠋ᠴᠠ** Вахшшлун – сущ. *мутукча* ‘хвоя лиственницы, ветка лиственницы’; от эвенк. *мучуктэ, мучиктэ* ‘лиственничная хвоя’ [Мыреева, 2004: 382].

Муус Суорулун/Muus Suorulun, жен. – от прилаг. *суорба* ‘без какой-л. почвы, растительности на склоне; сплошной, цельный, утесистый (о реке)’; ср.: *суорба таас* ‘крутая, отвесная скала, утес; дородная женщина’.

Муччанныр/Му᠋ᠴᠠᠩᠨᠢᠶᠢᠷ – в словарях не отмечено; ~ образовано от основы *му-*, *мы-*, которая обычно используется в основах образных слов (глаголов), обозначающих формы, мимику, жесты, отражающиеся в выражении (в настроении) лица: *мылтайбыт* ‘маленькое круглое личико с нежными чертами’; *мылайбыт* ‘маленькое полное, обращенное немного вверх, миловидное лицо’; *муньяннаа* ‘делать ужимки, гримасы, недовольное лицо’; *мылаарый* ‘двигаться медленно, плавно, бросаясь в глаза своим округлым, широким лицом; *мытырый* ‘улыбаться (о человеке с маленьким круглым пухлым лицом)’; *мычалый* ‘искренне улыбаться, светиться улыбкой’; прилаг. *мырчыстаѡас* ‘морщинистый (о лице)’; глаг. *мынаа* ‘не сводить глаз с кого-чего-л., уставить на кого-что-л.’; ~ *муччанныр* ‘гримасничать, выражать недовольство, капризничать, делать что-л. нехотя’; обр. и.

Мэкчиргэ Маачыын/**Mek᠋ᠴirge** Маащшп – сущ. *мэкчиргэ* ‘сова’.

Моѡустаан Куйахаанап/**Movustaan** Куѡахаанар – от прилаг. *моѡус* ‘ненасытный, прожорливый’; с коннотацией ‘возвышенный; уважаемый’.

Монус (Моѡус) Ньиргийиин/**Mo᠋ᠨᠤᠰ (Movus)** ᠨirgijiin – от прилаг. *моѡус* ‘ненасытный, прожорливый’; ср.: монг. п. монг. *тапуус* ‘обжора; чудовище’; тув. *мангыс* ‘дармояд’; тюрк. *моѡус* ‘борец, богатырь’, *мангус* ‘чудовище’.

Мордѡос Тиккирээйэп/**Mor᠋ᠵos** Tikki᠋reeje᠋p – от обр. глаг. *мордѡой* ‘быть готовым дать отпор, считая себя обиженным или оскорбленным’; ср.: халх., калм. *мортши* ‘иметь сердитое лицо, делать недовольное лицо’.

Мөкү Барчыыйап/**Mөкү** Barčııjap – прилаг., разг. *мөкү* ‘дурной, плохой’; ср.: ног. *муьки* ‘недостаток, дефект’.

Мэлдѣх Ат Күһэнгэйэп/**Meljex At** Күһеҕееҕер – сущ. *мэлдѣх* ‘отпирательство, отрицание своей вины’.

Мэник Төбөт Модун Хары уола/**Menik Tөbөt** Modun Харu uоla – прилаг. *мэник* ‘шаловливый, озорной; шалун, озорник, баловник’; сущ. *төбө* ‘голова’.

Мээри/Meeri – прилаг. *мээри* ‘болтливый, говорливый’; монг. *мэ-ргүү* ‘тупица, дурак’.

Наахара Бөбүл Бөрө/**Naaxara** Вөкүл Вөкөсө – сущ. *бөрө* ‘волк’.

Намыын (Номуун)/Namııın (Nomuun) – прилаг. *намыын* ‘спокойный, смиренный, уравновешенный (о человеке)’.

Намыына/Namııına, жен. – прилаг. *намыын* ‘спокойный, смиренный, уравновешенный (о человеке)’.

Ноннойо/Ноҥноҗо, Нонной **Дебягин/Ноҥноҗо Debeegin** – сущ., диал. Аллаиховского улуса, *нонной тар* ‘круг замороженной просто-квашы’ [ДСЯЯ, 1976: 175].

Ньобой Игээһэп/**Ньобој** Igeehep – прилаг., неодобр. выраж. *ньобой* ‘прилипчивый, навязчивый; крайне упрямый, неуступчивый’.

Ньолоох/Ñoloox – от обр. глаг. *ньошой* ‘быть вытянутым в длину (о лице человека)’.

Ньургун/Ñurgun, муж. – прилаг. *ньургун* ‘отважный, смелый, храбрый’, перен. ‘лучший из лучших’, в знач. сущ. ‘человек, выделяющийся среди других силой, умом и красотой’.

Ньургууна/Ñurguuna, жен. – прилаг. *ньургун* ‘отважный, смелый, храбрый’, перен. ‘лучший из лучших’, в знач. сущ. ‘человек, выделяющийся среди других силой, умом и красотой’.

Ньургуйаана/Ñurgujaana, жен. – от ЭИ Дьулуруйар Ньургун Боотур ‘небесный богатырь; богатырь айыы’ [Емельянов, 1980: 356], *Кыыс Ньургун Бухатыыр* ‘девушка-богатырь’ [Филиппова, 2016: 68]; прилаг. *ньургун* ‘отважный, смелый, храбрый’; перен. ‘лучший из лучших’, в знач. сущ. ‘человек, выделяющийся среди других силой, умом и красотой’. Наличие слова *ньургун* в тюркских языках не отмечено; бур. *нюрга(н)* ‘спина; хребет’ [БМРС, 1951: 357; Филиппова, 2016: 69]; эвенк. *нюр* ‘стрела’ [Мыреева, 2004: 434], т. е. ‘быстрый, стремительный как стрела’ [Филиппова, 2016: 86].

Ньургустаан/Ñurgustaan, муж.

Ньургус/Ñurgus, муж.

Ньургуһун/Ñurguhun, жен. ‘прострел’; ‘подснежник’.

Одурууннаах/Oduruunnaax – сущ., устар. *одуруун* ‘трахома’; ср.: др.-тюрк. *адыр*.

Обонньор Ииктийэп/**Овопһор** Iiktijer – сущ. *обонньор* ‘старик, старец’.

Обуруолаах Ойуун/Овугуолаах Ојуун – сущ. *обуруо* ‘бусы, бисер’; сущ., разг. *обуруо* ‘веревка, тонкий ремень для прикрепления к недоуздку’; букв. ‘Шаман с бусами’.

Обуур Сонтобоойоп/**Окуур** Sontokooyop – сущ. *обуур* ‘шест с веревочной петлей на конце, аркан для ловли скота’.

Одьонной Одурууйап/**Ојоној** Oduruujap – от прилаг. *одьюо* ‘косой, кривой (о глазе)’; ‘косоглазый’; обр. и.

Олопоччуйа/Олорочџуја – от обр. глаг. *олопочуй* ‘возбужденно, суетливо оглядываться (о человеке с удлинненным лицом)’; обр. и.

Олорбо/Олорбо разноглазый и с напряжением смотрящий’.

Соххор Долбун/**Soххор** Dolbun – прилаг. *соххор* ‘видящий только одним глазом, слепой на один глаз’; ‘сын *Омобойа*’; ‘кривой, одноголазый, слепой’.

Ойуун Чуор/**Ојуун** Ыуог – сущ. *ойуун* ‘шаман’; прил. *чуор* ‘звонкий, ясный’; ‘острый; чуткий’.

Ойуун Кучуктаайап/**Ојуун** Киџуктаајар – сущ. *ойуун* ‘шаман’.

Олоох/Олоох ‘верхогляд, человек неосновательный, опрометчивый, поступающий необдуманно, зря’ с коннотацией ‘недалекий’.

Олоохоон/Олоохоон ‘верхогляд, человек неосновательный, опрометчивый, поступающий необдуманно, зря’; с коннотацией ‘нехитро живущий; простак’.

Омукаан/Омукаан – сущ. *омук* ‘народ нация’, ‘национальность’, диал. ‘эвен, эвенк’; перен. ‘другой наслег, другой улус’; прилаг. ‘иностранный’; уйг. *омак* ‘чужой, чужестранец’; тув. *омак* ‘племя, род, нация’; монг. *омог* ‘племя, род’. Вероятно, эти имена означали людей с другого рода или улуса. В настоящее время есть и фамилии *Омукчанов, Омукков*. Это слово присутствует в древнем эпосе олонхо как ‘инородец, чужое племя’ [Емельянов, 1980: 356] с коннотацией ‘давний знакомый’.

Омук Дьахалдьаайап/**Омук** Јахајјаајар, **Омук** Макин/**Омук** Makin – сущ. *омук* ‘народ нация’, ‘национальность’.

Онобос Дьокин/**Оповос** Јуохун – сущ. *онобос* ‘в старину: стрела, применяемая в основном на охоте (обычно на зайцев); боевая стрела’.

Оночо Бүттээһэп/**Опојо** Butteehap – сущ. *оночо* ‘лодка, ладья’, монг., п. монг. *онгис*; бур. *ојосо* ‘лодка’ [Калужинский, 1963: 121л].

Ордук/Orduk – прилаг. *ордук* ‘лучший, наилучший’; ~ ‘будь лучшим, чем кто-л.’

Орой Даамай/**Oroj** Daamaj – сущ. *орой* ‘темя, макушка’.

Оройко/Оројко – сущ. *орой* ‘темечко, макушечка; озорник, сорванец’; с коннотацией ‘еще совсем ребенок, малец’.

Оһоҕос/Оһовос – сущ. *оһоҕос* ‘кишка; живот’; ~ ‘всегда голодный, ненасыщающийся’.

Отчут Сонтотойоп/**Otčut** Sontotojop – от сущ. *от* ‘сено’; ‘Сенокосчик’.

От Сыалдыа/Ot Swalja – сущ. от ‘трава’; *Сыалдыа ууһа*, название рода в наслеге *Хамаҕатта*; сущ. *сыалдыа* ‘короткие штаны, сшитые из выделанной кожи, натазники; вероятно, имя обозначает человека с короткими штанами, связанными из травы’; **от* ‘трава (зелень)’ [СИГТЯ, 2001: 119].

Ообуй Хаччыкаанар/Оовуй Хаччүккаанар – сущ. *ообуй* ‘паук’.

Орбой/Orboj, жен. – образ. глаг. *орбой* ‘выставлять, вытягивать свои мясистые губы’; обр. и.

Орболдун удаҕан/Orboljun udagan ‘Шаманка Орболдун; с мясистыми, вытянутыми губами’.

Ороһу Батакаев/**Orohu** Batakaajap – сущ. *ороһу* ‘поздний, родившийся последним, припозднившийся’; алт. *орочы* ‘наследник, младший сын’.

Оччугуй/Оččuguj – прилаг. *оччугуй* ‘малый, маленький, небольшой’.

Өбүчүк/Өбүсүк ~ ласкат. или охр. и. от уменьш. *өбүс* ‘мужской половой орган’.

Өгдөнөс/ Өgdəŋəəs – от глаг. *өгдөй* ‘слегка приподниматься со своего места, привстать; приподнимающийся, непоседливый, непоседа’; обр. и.

Өйөөбүт Моҕоччоохоп/**Өjəəbyt** Мовошчоохор – от глаг. *Өйөө* ‘поддерживать, помогать’; кирг. *сүйө*; ног. *субе* ‘прислонять, подпирать’.

Өлөн Төбө/Өləŋ Təbə – сущ. *өлөн* ‘манник болотный; трава с бледным цветком’; ср.: др.-тюрк. архетип, отглагольное существительное **ölön* ‘трава (зелень)’ [СИГТЯ, 2001: 119], ‘почтительное имя родоначальника наслеге *Болтоно*, вместо обычного *Үрүн Бас*’, ‘обозначает волосы с выцветшим цветом, седые волосы’; послов. *өлөн эрэр өлөнтөн тутуһар* ‘умирающий (утопающий) хватается за траву өлөн’; ‘Седая Голова’.

Өнчөх/Өnčəx – сущ. *өнчөх* ‘спинка ножа, обух’; монг., п. монг. *өнсиг*; калм. *öntсэг* ‘угол, кант’; бур. *wnseg* ‘обух топора’.

Өрөбө/Өrəbə – от сущ. *өрөбө* ‘брюшко, брюшина (животного)’.

Өрөбөттө Артамонов/**Өrəbətətə** Artamonov – от сущ. *өрөбө* ‘брюшко, брюшина (животного)’; с коннотацией ‘уважаемый’.

Өһөй/Өhəjə – от глаг., перен. *өс* ‘мрачнеть, быть в подавленном состоянии; имя, даваемое молчаливому или ленивому человеку’; ср.: др.-тюрк., тюрк. *өс*.

Саадьябай Жидатов/**Saajavaј** Jidatov – прилаг. *саадьябай* ‘с белой полосой вдоль хребта, переходящий на бедра и лопатки (о масти крупного рогатого скота или окрасе птиц)’.

Саарын/Saaruu – прилаг., фольк. *саарын* ‘лучший, самый достойный из людей; от ЭИ *Дугуй Саарын бухатыр, Саха Саарын Тойон* [Филиппова, 2016: 61]. У Н. В. Емельянова наряду с *Саха Саарын Тойон* ‘родоначальник айыы’ отмечено имя *Саха Саалын Тойон* ‘родоначальник айыы’ [Емельянов, 1980: 357], где *саал* ‘жировое отложение на загривке лошади’. ~ *Саарын* означает ‘лучший; верховоходящий’.

Саахтај Ибагаев/**Saaxtaj** Ibaгаev – от *саах* ‘кал, помет’; охр. и.

Сайаана/Sajaana, *жен.* – ~ от сущ., разг. *сай* ‘лето’; ‘летняя’; с коннотацией ‘нежная как лето’.

Сайтаана/Sajtaana, *жен.* ~ от сущ., разг. *сай* ‘лето’; ‘летняя’.

Сайынғы/Sajıñǵı – от сущ. *сайын* ‘лето, летний’.

Салдьар/Saljar – от обр. глаг. *салдьай* ‘стоять, широко расставив ноги, в мешковатых штанах; низкорослый’; букв. ‘Растопча’; обр. и.

Салтабар Бүлтэкэйэп/**Saltavar** Бултекеејер – прилаг. *салтабар* ‘расширенный, слишком широкий в верхней (или передней) части (бур. *һалтагар* – коротконогий)’, ‘с широкими, растопыренными ушами’; обр. и.

Самах Дураһын/**Samax** Durahıuıı – сущ. *самах* ‘промежность’.

Самабайаан/Samavaјaan ~ от *самах* ‘промежность’.

Самыыр/Samııır – сущ. *самыыр* ‘дождь’.

Самыыһыт Сахарин/**Samıııhıt** – сущ. *самыы* ‘нижняя часть спины от поясницы до ягодиц (у животных)’.

Сандаара/Sandaara, *жен.* – от глаг. *сандаар* ‘распространять яркий свет, сиять, освещать’.

Саныйах Анныкаайап/**Saıııııах Annııkaajap** – от сущ. *сабын-ных* ‘дорожная меховая доха или шуба мехом наружу’.

Саргы (Sарга) Будууйап/Sargıı(Sarga) Buduıııap, *муж.* – возвыш., сущ. *саргы* ‘счастливое будущее’.

Саргылаана/Sargulaana, *жен.* – возвыш., сущ. *саргы* ‘счастливое будущее’. В дохристианских именах *Саргы* – мужское имя; с коннотацией ‘ласковая’.

Сардаана/Sardaana, *жен.* ‘саранка’.

Саһарбах Сохтоорон/**Saharbah Soxtoorop** – от *саһархай* ‘желтый, светло-коричневый; карий (о глазах); русый (о волосах)’; *диал.*, *сущ.* ‘овсянка-дубровник – небольшая птица, горло, грудь, брюшко – желтые’.

Саһыл Бүлдьүүкэп/**Sahıl** Булјуукер – сущ. *саһыл* ‘лиса’.

Сага Ааччыһын/**Sata** Аасһһһһһ – сущ. *сата* ‘магический камень, который обнаруживается в желудке или печени скота, лося, оленя, а также глухаря. По народному поверью, его появление вызывает резкое изменение погоды (бурю, дождь, холод и т. п.)’.

Сагабай Муруукап/**Satabaj** Муруукар – прилаг. *сатабай* ‘несовершенный; расхлябанный, разболтанный (напр., о дисциплине)’; ср.: монг., п. монг. *zad i* ‘быть открытым, стоять раскрытым’.

Сатанах Жолин/**Satanax** Jolin – сущ., устар. *сатанах* ‘в старину: столб в якутской юрте или во дворе перед домом из бревна, на котором в верхней части оставлены обрезанные сучья для вешания грубых вещей, старинная вешалка’.

Сахайаан/**Saxajaan** – сущ. *саха* ‘человек, относящийся по национальности к якутам, якут’; с коннотацией ‘из рода саха’.

Сахайаана/**Saxajana**, *жен.* – сущ. *саха* ‘человек, относящийся по национальности к якутам, якут’.

Сахамин/**Saxamin** – сущ. *саха* ‘человек, относящийся по национальности к якутам, якут’.

Сахамир/**Saxamir** – сущ. *саха* ‘человек, относящийся по национальности к якутам, якут’; *саха + мир*.

Сиик Тэмэгээрэп/**Siik** Temegeerep – сущ. *сиик* ‘роса’.

Толон/**Tolon** – сущ. *толон* ‘ослепительный свет, луч, сияние небесных светил’; ‘крупный град’.

Сиэллээх Ыҥаахап/**Sielleex** Шҥаахар – сущ. *сиэл* ‘грива, с гривой’.

Сааскылаан/**Saaskulaan** – от сущ. *саас* ‘весна’.

Сайыына/**Sajyyna** – от сущ. *сайын* ‘лето; летняя, рожденная летом’.

Саппайа/**Sappaja** ‘неотстающая, охвосток’; вероятно, от сущ. *саппай* ‘короткие волосы у основания хвоста лошади и длинные волосы на конце хвоста коровы’; ср.: фразеол. *саппай уобус* ‘наступать на пятки кому-л.’; обр. и.

Сиикэй Бас/**Siikej Bas** – прилаг. *сиикэй* ‘неспелый, незрелый’; сущ. *бас* ‘голова’.

Сиибиктэ/**Siibikte** – сущ. ‘хвощ пестрый’; от эвенк. *сйвуктэ* ‘хвощ; молодая травка на заболоченных лужайках’ [Мыреева, 2004: 498].

Силим/**Silim** – сущ. *силим* ‘клей’.

Солуур/**Solyur** – сущ., разг. *солуур* ‘ведро’.

Силиргэх Үйүөлгүн/**Silirgex** Үјүөlgyn – сущ. *силиргэх* ‘корневище’.

Сиччиикэ/**Siččiike**, *жен.* – прозвище девушки (Сыччыыка) [Пекарский, II: 2255]; ласкат. и.

Собо/Sobo – сущ. *собо* ‘карась’.

Сонтой Улжямин/**Sontoj** Улжаамшин – от обр. глаг. *сонтой* ‘быть большим и выдаваться вперед (о носе человека)’; обр. и.

Сорџо Мурун/Sorџо Murun ‘Длинный Нос’.

Сугуннаах Суотту/Sugunnaах Suottu, жен. – от сущ. *сугун* ‘голубика’.

Сулар Тыымкын/**Sular** Түшүмкүн – сущ. *сулар* ‘недоуздок’; др.-тюрк. *jular*; тув. *чулар*; алт. *дьюлар*.

Сулус Мяженев/**Sulus** – от сущ. *сулус* ‘звезда’.

Суксуп/Suksur – от обр. глаг. *суксуй* ‘лететь, идти вперед, пригнув голову; следующий за другими, хвостик’; от глаг. *суксуй* ‘лететь, идти вперед, пригнув голову’; обр. и.

Суордаайы (Суор Көтүмэх)/Suordaajы (Suor Kөetymex) – один из четырех сыновей *Кэлтэгэй Маатаха* (белый шаман с половиной лица).

Суор Күннээйин/**Suor Kynneejin** – сущ. *суор* ‘ворон’.

Суор Уола/Suor Uola – сущ. *суор* ‘ворон’; ‘шаман, боровшийся с духом оспы’; *суор* ‘ворон’ [ИПРЯ, 1960, 2: 340].

Суор Эмээт/**Suor Emeet** – сущ. *суор* ‘ворон’; ‘один из первых князцов у бетонских якутов’ [ИПРЯ, 1960, 2: 340].

Суох Киһи (старик)/Suох Kihи – букв. ‘Человек, которого нет, или Человек, у которого ничего нет’.

Сутурук Сүпсүүкэп/**Suturuk** Сүпсуукер – сущ. *сутурук* ‘кулак’.

Сутуруо Махчайаанап/**Suturuo** Махсаяаанар – сущ. *сутуруо* ‘предмет традиционной одежды северных народов из меха или замши, покрывающий ноги от бедра до ступни, привязываемый ремешками к натазникам или к ремню, наколенник’.

Сүгэ Түһүүнэп/**Syge** Туһуунер – сущ. *сүгэ* ‘топор’; монг. *süge* [Калужинский, 1963: 108л].

Сүпсүк Халбырап/**Sypsuk** Халбышгар – прилаг. *сүпсүк* ‘суетливый, полный беготни’.

Сүрэх/Syrex, жен. ‘Сердце’.

Сүүрүгэй Таҕаайап/**Sууругөј** Таваајар – прилаг. *сүүрүгүй* ‘не внушающий доверия, неправдоподобный, маловероятный’.

Сыа Харах/Sуа Харах ‘Сальные Глаза’.

Сыатангыр/Sуатангыр – вероятно, от сущ. *сыа* ‘жир’, *сыатыйы* ‘ожирение’, ‘медленно движущаяся из-за чрезмерной тучности’; обр. и.

Сыалаах/Sуалаах – прилаг. *сыалаах* ‘жирный’.

Сыбах Кыланых уола/**Sубах** Куланых уола – сущ. *сыбах* ‘глина или навоз, которыми обмазывают хлеб, юрту, дом’.

Сылан/Sulag – от сущ., диал. *сылан* ‘змея’; др.-тюрк. *jilan* ‘змея’.

Сылгы Бүгдүүкэп/**Sulgu** Бүгүүкер – сущ. *сылгы* ‘общее название лошадей, кобыл, жеребцов’.

Сылгыһыт Сабудуев/**Sulguhut** Sobuduujar – от сущ. *сылгы* ‘конь, лошадь; Табунщик’.

Сыма/Suma – сущ., устар. ‘мелкая рыба (гольян озерный), за-квашенная в вырытых для этого ямах, выложенных лиственничной корой’; ‘большой кожаный мешок для перевозки и хранения вещей’.

Сымала Өһүргүүэйп/**Sumala** Өһүргүүер – сущ. *сымала* ‘смола’.

Сымара Нһырбаайап/**Sumara** Нһыргаајар – прилаг. *сымара* ‘большой, глыбистый; плотный, крепко сбитый’; ср.: каракалп. *жумыры тас*; казах. *жумыр тас* ‘бульжник’.

Сымыыт Сыраев/**Sumuwt** Suraajар – сущ. *сымыыт* ‘яйцо’.

Сынаах Ходьугуурап/**Suŋaax** Хојугууар – сущ. *сынаах* ‘челюсть; подбородок’.

Сынаах Оџонньор/**Suŋaax** Оџонһор – ‘самый древний предок богатыря *Майантылана* – *Сынаах ойуун*’.

Сыраан Бахчыгырап/**Suraax** Вахџыгышгар – прилаг. *сыраан* ‘слабый, немощный, вялый (о человеке)’; ср.: др.-тюрк. *jar* ‘слюна’.

Сырай Мөгдөөрөп/**Suraj** Мөгјөөрөр – сущ. *сырай* ‘лицо’.

Сытыган Өтгүк/**Sutugan** Өттык – прилаг. *сытыган* ‘гниль, тухлятина; имеющий отвратительный запах’; сущ. *өттүк* ‘бедро, бок человека, животного’.

Сыччыка/Suččuka – вероятно, от модаль. сл. *сыччыый* ‘обращение старших к детям, выражающее любовное, ласковое отношение’; перен. знач. ‘детский половой член’ [Пекарский, 1959, II: 2508]; ласкат. и.

Сыыгыныыр Уманаайап/**Suuğunuuwr** Уманаајар – от звуко-подр. глаг. *сыыгынаа* ‘сопеть, тяжело дышать через нос’; обр. и.

Сыын Бырдаы/**Suuŋ** Вшгјај – обр. глаг. *бырдаы* ‘выдавливаться, выступать (напр., о гное, жире)’; букв. ‘Сопляк’; обр. и.

Сэгэйбэх/Segejbex, жен. – от прилаг. *сэгэй* ‘быстрая, расторопная, проворная; кокетка’; обр. и.

Сэгэйээн/Segejeen, жен. ‘грациозная’ – от прилаг. *сэгэй* ‘быстрая, расторопная, проворная’; обр. и.

Сэлликтэй/Sellikteј – от сущ. *сэллик* ‘туберкулез; чахоточник’; ср.: тув. *челбик* ‘простуда; простуженный’; др.-тюрк. *jelpik* ‘дух болезни’ [ДТС, 1969: 255].

Сэргэх Ирчикэйэйп/**Sergex** Ігсікеејер – прилаг. *сэргэх* ‘бойкий, шустрый, живой, восприимчивый’; ср.: тюрк.-монг. *сэргэк*.

Сытыган Мөччөһүүнэп/**Suwtugan** Мөөсбөөһуунер – сущ., перен. *сытыган* ‘обратная, теневая сторона чего-л., порок; порочный, безнравственный человек’.

Сэлэнэ/Seleje (имя старика) – от прилаг., разг. *сэлээр* ‘ветренный, легкомысленный, несерьезный (человек); прозвище человека с распутным характером’.

Сэһэн Оџустуойап/**Sehen** Оџустуојар – от сущ., разг. *сэһэн* ‘мыслитель, философ’; устар. ‘Белый шаман’.

Сэргэ Эркэбиилэп/**Serge** Erkebiiler – сущ. *сэргэ* ‘в старину: устанавливаемый перед входом в дом, т. е. с восточной стороны, столб для привязывания лошадей, коновязь’; монг., п. монг. *šerge*; халх.-монг. *tseryg*, бур. *serge*.

Таас Бас/Таас Bas – *таас* ‘камень’, диал. ‘ёрш (рыба)’, букв. ‘Каменная Голова’; ~ ‘ершистый’.

Таас Одурууйап/**Taas** Oduruujar.

Таас Уллунах (Таас Туйах)/Таас Улуунах (Таас Тујах) ‘имя из преданий и легенд; один из четырех сыновей *Тыгына*’, букв. ‘Каменное Копыто’; ~ ‘неуязвимый’.

Табакый/Табакуј – вероятно, от сущ. *таба* ‘олень’.

Тайах Бас/Тайах Bas – *тайах* ‘лось’.

Тайах Ыт Кыһа уола/**Tajax** Шт Кшшһа уола – сущ. *тайах* ‘лось’.

Такыр Мондуукап/**Takur** Monduukar – прилаг. *такыр* ‘крючковатый, скрюченный (о пальцах), искривленный, сведенный, согнутый (о руке); кривой, искривленный (о ноге, ногах)’; ср.: фразеол. *такыр тарбах* ‘неумелый, неискусный’.

Таман Огдокин (Огдокун)/**Taman** Ogdokun – *таман* ‘открытая, доступная поверхность чего-л.; светлое, чистое тело’.

Танара Хаата (Дизин)/Таңара Хаата – сущ. *танара* ‘по религиозным представлениям: верховное существо, создавшее мир и управляющее им, бог’; в знач. прилаг. перен. разг. указывает на обладание каким-л. качеством в большой степени; ~ букв. ‘Боголюб’.

Танас Болтоно/Таңас Boltogo – сущ. *танас* ‘материал, из которого шьется одежда, белье или обувь, ткань, материя; имя виллойско-го якута’.

Тарабай Бэлтэгээрэп/**Taravaj** Beltegeerer – прилаг. *тарабай* ‘без волос, лысый’; монг. *тарабай* ‘парша на голове’; алт. *таракай* ‘голые скалы на вершинах’.

Тарбах Моруоскаан/**Tarbah** Moruoskaan – сущ. *тарбах* ‘палец’.

Таһахтаах Бахар/**Tahaxtaax** Вахар – от сущ. *таһах* ‘мошонка’, ‘один из четырех сыновей Маатаха’; ~ охр. и.

Тах киһи/Тах kīhi – от обр. глаг. *тахтай* ‘из-за низкого роста или из-за небольшой длины казаться слишком широким, почти квадратным; дается человеку небольшого роста’; обр. и.

Тигиилээх Бэлкэйиин/**Tigiileex** Belkejiin – прилаг. *тигиилээх* ‘сшитый’; сост. слово *тигиилээх сирэйдээхтэр* ‘люди древних северных племен неизвестного происхождения (букв. с шитыми лицами (с татуировкой))’.

Тиинэй/Тiiңej – от сущ. *тиинг* ‘белка’.

Тиистиир/Tiistiir – сущ. *тиис* ‘зубы’; ‘тот, кто свою жену зубами держит, колотит’.

Тиит Уол/Tiit Uol – сущ. *тиит* ‘лиственница’, ср.: п.-тюрк. **tūt*; тув. *дүт*; тоф., хак., шор., др.-уйг. *түт* ‘лиственница’ [СИГТЯ, 2006: 402].

Тимир Аях/Timir Ajax ‘имя девочки; имя мужчины’; сущ. *тимир* ‘железо; железный’.

Тимир Баатырап (**Тимир (Тимиряй, Тюмирей) Батырев/Timir** Baaturap.

Тимир Дыбылынса/Timir Duwbuluṅsa ‘человек с тремя теньями и семью хитростями’.

Тимир Сөгүйэн/Timir Sөгyjen.

Тимирдээйи/Timirdeejii.

Тимир Суодалбы/Timir Suodalbu – имя шамана.

Тимир Чарапчылаах/Timir Čarapčulaax ‘имя древнего шамана’; букв. ‘С головным убором с кондором’.

Тирэх Онкин/**Tirex** Onkin – прилаг. *тирэх* ‘являющийся опорой, оказывающий поддержку’; др.-тюрк. *tirgük* ‘опора’; кирг. *тирек* ‘подпорка, опора’; уйг. *тирэк* ‘опора, подпорка, подставка, стойка, упор’; чув. *терек* ‘оплот’.

Титиик Сүдээрэп/**Titiik** Sydeerep – сущ. *титиик* ‘летний хлев для скота, постройка, служащая для доения коров’.

Тизтэйэбин/Tietejebin – от глаг. *тизтэй* ‘стараться делать что-л. как можно скорее, спешить, торопиться’; букв. ‘Спешу’.

Тобох Тюкюнин/**Tobox** Тукуунун – сущ., перен. *тобох* ‘последний из рода; алт. *томык* ‘остатки’.

Тойон/Tojon – сущ. *тойон* [tojon] ‘до революции 1917 года: богач, имеющий батраков, тойон’; прилаг. ‘большой, крупный’.

Тойоннуур Дылаакап/**Tojonnuur** Jalaakar – сущ. *тойон* [tojon] ‘до революции 1917 года: богач, имеющий батраков, тойон’; прилаг. ‘большой, крупный’; сущ. *дылаа* ‘развязный и бесполовый’; прилаг. *дылааннаах* ‘несерьезный, беспечный, бездумный (употр. в отриц. ф.)’, ‘предсказывающий’.

Тойук Кырынааһап/**Tojuk** Кыгынааһар – от сущ. *тойук* ‘якутская песня-импровизация с запевом «дьиэ-буо»; певец’.

Тойтох Килгэрэй/**Tojtox** Kilgerej ‘известный певец в 1-м Игидейском наслеге Ботурусского улуса’; прилаг. *тойтобор* ‘коротыш’; ср.: бур. *тойтогор* ‘с высоким задом, с округлыми бедрами’.

Толбон (Толбон Мягянин)/Tolbon – от сущ. *толбон* ‘крапинка, пятно; отражение яркого светила, отлив, отблеск, отсвет’; тув. *долбан* ‘румянец’; бур. *толбо* ‘пятно’.

Толомон/Tolomon – сущ. *толомон* ‘самый крупный, лучший, отборный’, от ЭИ *Толомон Суоду Тойон* букв. ‘Лучший Крупный Господин’; обр. глг. *суодай* ‘быть, казаться крупным, большим, иметь внушительный рост’, *Толомон Баай Тойон* ‘Лучший Богатый Господин’.

Тонус Акымаакап/**Tojus** Акишаакар – сущ., устар. *тонус* [tojus] ‘эвенк, эвенки; собирательное название эвенков, эвенов, тунгусов’.

Тооромос Махтыкыыйап/**Tooromos** Махтукушчар – прилаг. *тооромос* ‘маленький, отколотый, отломленный от чего-л.’

Торбос Одурууяп/**Torbos** Oduruujar – сущ. *торбос* ‘теленок в первое лето после отёла’.

Тортобор Молтогин/**Tortovor** Moltuogun – от глг. *тортой* ‘становиться твердым, покрываться ледяной корочкой (напр., об одежде)’; от прилаг. *тойтобор* ‘короткий, куцый; с короткой куцой одеждой; признак бедности’.

Тоттук/Tottuk, *жен.* – прилаг. *тоттук* ‘дерзкая, наглая от пресыщенности жизнью; сытая; живущая безбедно’.

Тоттук Чапчаалап/**Tottuk** Ćarĉaalap.

Төлкө Сэлбийэйэп/**Tælkæ** Selbijer – сущ. *төлкө* ‘судьба, участь, предназначение’.

Төлөбүр/Tælæbyr – сущ. *төлөбүр* ‘плата, оплата, вознаграждение’; др.-тюрк. *töläč* ‘плата, возмещение’; алт. *төлү* ‘уплата, плата; долг’.

Туйаара/Tujaara, *жен.* – от глг. *туйаар* ‘петь с переливами, щебетать, заливаться (о жаворонке); возвыш. сущ. *туйаарар* ‘жаворонок’.

Туйаарыма/Tujaaruma, *жен.* – от глг. *туйаар* ‘петь с переливами, щебетать, заливаться (о жаворонке), возвыш. сущ. *туйаарар* ‘жаворонок’; с коннотацией ‘более возвышенное, эпическое’.

Тууйа/Tuuja, *жен.* – от глг. *туйаар* ‘петь с переливами, щебетать, заливаться (о жаворонке); возвыш. сущ. *туйаарар* ‘жаворонок’; от ЭИ *Туналбаннаах ньуурдаах Туйаарыма Куо* ‘Светлоликая Туйаарыма Куо’ [Филиппова, 2016: 75]; ср.: тур. *туугар* ‘жаворонок’.

Туйгун/Tujgun – прил. *туйгун* ‘очень хороший, отличный, превосходный’. От ЭИ *Кулут Туйгун бухатыр* букв. ‘Раб Лучший бо-

гатырь’, *Кыыс Туйгун бухатыыр* букв. ‘Дева Лучшая богатырь’. Якутское *туйгун* интерпретируется с др.-тюрк. *tojuun* ‘титул’, что подтверждается древнетюркскими ИС *Ozmis Togrul, Basa Togrul, Asan Togrul*, где антропокомпонент *toğil* – название хищной птицы, употребляется как мужское имя [Махпиров, 1997: 208].

Туллук/Tulluk – сущ. *туллук* ‘пуночка’.

Тулуур/Tuluur – сущ. *тулуур* ‘способность человека физически, морально выдерживать трудности, выносливость, стойкость, выдержка, терпение’ [ЛК].

Тумат Көдөкөөйөп (**Тумат Гадюкеев**)/**Tumat** Көдөкөөсөйөр – сущ. *тумат* ‘воинственное племя неизвестного происхождения, смешавшееся в древности с якутами, туматы’; тув. *тумат* ‘этногруппа в составе тувинцев’.

Тумуу/Tumuu – сущ. *тумуу* ‘насморк’.

Тунаар/Tunaar – от глаг. *тунаар* ‘неясно белеть, смутно просвечивать издали или в темноте (о чем-л. белом); сущ. ‘легкая, застилающая что-л. пелена, дымка’. Носитель имени живет в северном районе Якутии [ЛК].

Туораах Ньиргийиин/**Tuoraax** Ñirgijjin – сущ. *туораах* ‘шишка’.

Тураах Ламин/**Turaax** Lamin – сущ. *тураах* ‘ворона’.

Туурчак/Tuurčax – сущ. *туурчак* ‘нельма’.

Тууста/Tuusta – см. **Туустайаан**.

Туустайаан/Tuustajaan ‘прозвище из песни о якуте, у которого с головы постоянно сыплется эпидермис, напоминающий по виду соль’ [Пекарский, 1959, III: 2863].

Түмүк Күлүкээнэп/**Tumuk** Кулукеепер – сущ. *түмүк* ‘заключительный, завершающий’.

Түөрэнэй/Түөрөңей – от прилаг. *түөрэн* ‘шапкий, неустойчивый’; обр. и.

Түөһэлбэ/Түөһелбе – от сост. слова *түөс* буол ‘выжить из ума от старости, впадать в детство (о человеке); в знач. прилаг. ‘достигший старческого возраста, глубокой старости’; в знач. сущ., неодобр. ‘старикашка’.

Түһэх/Түһех – сущ. *түһэх* ‘передняя часть ноги выше колена (у человека)’.

Түтүүк/Түтуук – звукоподр. слово *түт* ‘прибавляющий к словам лишний слог -ту’ [Пекарский, 1959, III: 2928].

Түү Сүрэх/Туу Syrex ‘одно из имен одного из сыновей Тыгына’; букв. ‘Волосяное Сердце’.

Түүн Хара Баттаахан/Туун Хара Battaaxar – досл. ‘Сын Волосы Черная Ночь’.

Тый Бас/Туш Bas – *тый* ‘жеребенок от одного до двух лет; имеющий форму (или размер) головы как у жеребенка’.

Тыйыс/Тыжуу – прилаг. *тыйыс* ‘безжалостный, жестокосердный, бессердечный (о человеке)’.

Тымтай Бас/Тумтај Bas – *тымтай* ‘берестяная или плетеная из лиственничных лучин посуда овальной формы для хранения или перевозки чего-л. (напр., рыбы) на плечах’; ~ ‘С большой головой как тымтай’.

Тымтык/Тумтук – сущ. *тымтык* ‘лучина – в старину использовалась в помещении вместо свечи’; др.-тюрк. *tamduq* ‘огонь, пламя’; ~ о взрывном или обидчивом характере.

Тынырах/Тыңраx ‘Ноготь’.

Тыйаах/Тыјааx ‘вид дикой утки: свиязь’.

Тырылла/Турulla – от глаг. *тырылаа* ‘проториваться, проезживаться; волочиться по земле, оставлять непрерывный след’; обр. и.

Тэбиэх/Теbiex – от глаг. *тэп* ‘бить ногой, пинать кого-л’; в знач. ‘быстро передвигающийся, быстро ходит’; ‘защитный сруб в могиле из лиственничных плах, деревянный склеп’.

Тэллэй/Теллеј – обр. глаг. *тэллэй* ‘опуститься, потеряв упругость, отвиснуть (напр., о нижней губе)’; обр. и.

Тэллэх Хаамыннын/Tellex Хаамыннин – сущ. *тэллэх* ‘то, что подостлано, солома, шкура’.

Тэпсэннир/Тепsegniir – от глаг. *тэпсэннээ* ‘переступить с ноги на ногу, топтаться на месте’, ‘ходить туда-сюда, бесцельно проводить время, болтаться’, ‘ходит как-будто топчется на месте’.

Тэһиин/Теһиin – сущ. *тэһиин* ‘повод, поводья’.

Тээһэнкэ Халгыкка/Тееһеңке Халгыкка – сущ. *тээһэнкэ* ‘мошонка у быка’; ~ охр. и.

Убаһа Булгуев/Ubaha Bulguujar – сущ. *убаһа* ‘жеребенок с первой осени до года’.

Убаалаах Чычыгырыһап/Уваалаах Чыщыщышгар – от прилаг. диал. *убаа* ‘вялый, медлительный, неповоротливый’.

Удурбай/Ujurvaj – сущ. ‘корневое утолщение березы’.

Уйгуяана/Ujgujaana, жен. – от сущ. *уйгу* ‘обилие, изобилие, богатство’.

Уйгулаан/Ujgulaan, муж. – от сущ. *уйгу* ‘обилие, изобилие, богатство’.

Улахан Саимков/Ulaxan Saimkov – прилаг. *улахан* ‘крупный, большой’.

Улахан Уус/Ulaxan Uus – *уус* ‘мастер; мастеровитый, умеющий искусно, хорошо делать что-л. своими руками; прилаг. *улахан* ‘большой’; ‘Большой Мастер’.

Умнаһыт Тебирин/*Umnahut Teebirin* – от глаг. *умналаа* ‘просить подаяние, милостыню; жить, собирая милостыню, подаяние, нищенствовать; просящий подаяние’.

Умналыыр Бырдай уола/*Umnaluur Burdaj uola* – от глаг. *умналаа* ‘просить подаяние, милостыню; жить, собирая милостыню, подаяние, нищенствовать’.

Уолан/Uolan – сущ. *уол* ‘мальчик, юноша, парень’; сущ. *уолан* ‘неженатый молодой человек’; прилаг. ‘молодой, неопытный’. «Термин *оул* первоначально обозначал потомство вообще, с последующей дифференциацией на мужское и женское, и еще более поздним уточнением *оул* ‘сын’» [Покровская, 1961: 17]. В тюркских языках: орх. *облан* ‘сын’, *облон* ‘сын, юноша, молодой’; уйг. (рун.) *облан* ‘сын, юноша’; алт. *уулан* ‘юноша’; хак. *олган* ‘ребенок, детский’; кирг. *улан* ‘холостой парень, паренек, отрок’; уйг. *оглан* ‘сын’ [Левин, 2013: 104].

Уол Ходьугуурап/*Uol Hojuguugar* – сущ. *уол* ‘мальчик, юноша, парень’.

Уохтаах Оџо Орой Дохсун/Уохтаах Ово Орој Дохсун – ‘Очень Сильный Дерзкий Озорник Ребенок’.

Ураанай Боотур/Ураанай Боотур ‘предок сыланцев’; ~ от *ураанай* ‘название водяной курицы, лысухи’.

Уһун/Uhun – прилаг. *уһун* ‘длинный’.

Уһун Бас/Uhun Bas ‘Длинная Голова’.

Уһун Кутурук Бадьаайы Бџџо/Uhun Kuturuk Bajaajsh – сущ. *кутурук* ‘хвост’; ‘боотур, у которого, по преданиям, был длинный хвост, как у коровы’.

Үнүгэс Муруукун/Үнүгэс Муруукун – *үнүгэс* ‘щенок’.

Үрүн Бас Болтоно/Үрүн Бас Болтоно ‘Седая Голова Болтоно’, ‘уважаемый’, *үрүн* ‘белый; седой; седовласый’, ‘имя родоначальника якутов 2-го Хатылинского наслега Ботурусского улуса’.

Үтүлүк/Үтүлүк – сущ. *үтүлүк* ‘рукавицы, варежки’.

Үчүгэй/Үсүгэй – прилаг. *үчүгэй* ‘имеющий качество между средним и отличным, хороший’; ‘*Үчүгэй аҕа ууһа* ‘род по названию Үчүгэй’.

Хаарбах/Хаарбах – прилаг. *хаарбах* ‘старый, изношенный’.

Хаарчаан/Хаарчаан – от сущ. *хаар* ‘снег’; с уменьш.-ласкат. коннотацией.

Хаарчаана Дьол/ Хаарчаана Јол, жен. – от сущ. *хаар* ‘снег’ + *дьол* ‘счастье’.

Хааххай Аколчуров/Хааххай Екџџуугер – от глаг. *Хааххайдаа* ‘препятствовать, противиться чему-л.’

Хабарџа Мымаахап – сущ. *хабарџа* ‘дыхательное горло, трахея’.

Хабар Мэйии/Хабар Мейи ‘Пузырь Голова’.

Хабар Түүтүйэп/**Хабар** Туутујер – сущ. *хабар* ‘мочевой пузырь; вероятно, с головой, похожей на мочевой пузырь’.

Хагдан Чорбоотоп/**Хагдаг** Ыорбоотор – прилаг. *хагдан* ‘увядший, поблекший, высохший; пожелтелый’; ср.: *хагдан энэ* ‘бурый медведь’.

Хадаар/Хадаар – прилаг. *хадаар* ‘несговорчивый, ершистый, упрямый, непослушный’; ср.: др.-тюрк. *хадыр* ‘свирепый, суровый’.

Хайахсыг Нялбяхин/**Хайахсут** Неелбехин – от сущ. *хайах* ‘сливочное масло, сбитое в теплом молоке, пахте или простокваше, употребляемое в замороженном виде’, ‘человек, который занимается приготовлением хаяка, мастер-изготовитель хаяка’.

Халаабыс/Халаабус – сущ. *халаабыс* ‘мешок, торба из ровдуги (замши), рыбьей кожи или из мочевого пузыря животного; калаус, калауш, калауз, кошелек для денег, у бедных он делается из мошонки пороза; сума, сумочка, мешочек из оленьих камусов и ровдуги, с вышитым орнаментом по последней (у долган-якутов); др.-тюрк. *qala* ‘класть, складывать’; ~ от диал. *халаабыс айах* ‘беззубый рот’; обр. и.

Халахай Мулдяахап/**Халахаж** Мулјаахар – сущ. *халахай* ‘сильно торопиться, делать что-л. в крайней спешке’; ср.: *юм халахайга түс* ‘сильно торопиться, делать что-л. в крайней спешке’; обр. и.

Халбардыр/Халбардуур – от глаг. *халбарый* ‘отодвинуться, посторониться, переместиться; ходящий в развалку’; обр. и.

Халбар/Халбар – от обр. глаг. *халбай* ‘быть очень широким, просторным, висеть (напр., о штанах); чрезмерно широкий, большой; с развалистой походкой; одежда, висящая мешком’; ср.: кирг. *калхай* ‘нависать в виде щита, прикрытия’; бур. *халхээ* ‘развеваться (о платье)’; обр. и.

Халтан Нарабаанап/**Халтаг** Нараваанар – прилаг. *халтан* ‘имеющий лысину, лысый’.

Халый Хдороков/**Халуј** – глаг. *халый* ‘разливаться, расплзаться, расплываться по поверхности чего-л.; о фигуре человека, обозначает чрезмерную тучность’.

Хамыйах Мардыахаайап/**Хамујах** Марјахаајар – сущ. *хамыйах* ‘деревянный черпак, половник, деревянная поварешка (обычно из березы)’.

Хампархай Мордьокуунап/**Хампархаж** Морјокуунар – прилаг. *хампархай* ‘разбитый, ветхий, старый’.

Ханнахай/Ханнахаж – от обр. глаг. *ханналын* ‘потеряв былую форму, сплюсцившись, съехать набок; бесформенный, наклоненный’; обр. и.

Хансырыкы/Хаңсырыкы – от глаг. *хансый*, от звукоподр. глаг. *хансырый* ‘говорить невнятно в нос, гнусавить’; ср.: монг., п. монг. *qoŋši*; орд., халх.-монг. *хоңсō*; калм. *хоңсā* = п. монг. *q ŋši* ‘нос, переносица, ноздря, хобот’ [Калужинский, 1963: л.64]; обр. и. ‘Гнусавый’.

Хаппар Кыһалбаанап/**Харпар** Кһһалбаанап – сущ. *хаппар* ‘небольшая кожаная или ровдужная сумочка (кошелек, кисет, мешочек), подвязываемая к поясу вместо кармана или надеваемая через плечо, для хранения мелочи (напр., наперстка, игольника, трубки, огнива)’.

Хаптабай Бадьыһап/**Хартавай** – от прилаг. *хаптабай* ‘плоский, пологий (о носе)’.

Хара Бытык/Хара Вутук ‘Черные Усы (Борода)’.

Хараарбах Бачиков/**Хараарбах** Ваашкар ‘черноватый’.

Хара Баттах Уодьун/**Хара Баттах** Уојун ‘Черноволосый’.

Хара Кыыс/Хара Кууус ‘Черная Девочка’ ~ связано с обстоятельством рождения, где рождались только одни мальчики, что не всегда устраивало родителей, поэтому последнему появившемуся мальчику давалось имя с компонентом *кыыс*. Такая традиция именная речения существует, например, у тувинцев; охр. и.

Хара Кыыс Накый уола/**Хара Кууус** Накыј уола ‘Черная Девочка’; охр. и.

Харалак Быттин/Харалак Вушттун ‘с черной отметиной’.

Харанай Берчохов/**Харанай** Вөгсөсөхсөр ~ ‘смуглый, черный от солнца’.

Хараначчы Баһырыыкап/**Хараҥаҕсһу** Ваһурушкар – сущ. *хараначчы* ‘ласточка’; ‘атрибут женщины, хозяйки домашнего очага’ [Габышева, 2005: 103]; ‘развилчатый хвост ласточки объясняют действиями дьявола’ [Алексеев, 1980: 103, 105; Серошевский, 1993: 121].

Хара Сырай Сырбаанап/**Хара Сурай** Сурбаанап – прилаг. *хара* ‘черный’, ‘Черное Лицо’; обр. и.

Харахаан Ибанаков/**Харахаан**.

Харах Олууйап/**Харах** Олујар – сущ. *харах* ‘глаза’.

Хардааччы Анкыйап/**Хардааҕсһу** Анкышјар – сущ. *хардааччы* ‘ястреб’.

Хаххан Кучюктин/**Хаххан** Куҕууктун – сущ. *хаххан* ‘бородатая неясать’.

Харта Күчүнээһеп/**Харта** Куҕунееһер – *харта* ‘толстая кишка лошади; блюдо, приготовленное из конской толстой кишки, – одно из любимых блюд якутов’.

Харыйа/Харыја ‘ель’.

Хаһаас Ньюхойоп/**Хаһаас** Ыхохојор – прилаг. *хаһаас* ‘заготавливаемый впрок, запасенный; предусмотрительный, запасливый человек’.

Хатан Эдьээйэп/**Xatan** Ejeejer – прилаг., разг. *хатан* ‘крепкий, сильный физически’; прилаг., перен. ‘суровый, твердый, жесткий (напр. о характере)’.

Хатаг Чигдин/**Xatan** Čigdin – сущ., устар. *хатаг* ‘кусок чистой стали или камня для обтачивания лезвия чего-л. или высекания огня из кремня, огниво, кресало’.

Хатга/Хатта – *хатга* ‘толстая кишка лошади; блюдо, приготовленное из конской толстой кишки, – одно из любимых блюд якутов’.

Хатырык Былчангаайап/**Xaturuuk** Булсагаајар – сущ. *хатырык* ‘наружный покров ствола, стебля хвойных деревьев, древесная кора’.

Хахай Миссэр/**Хахаж** Misser – сущ. *хахай* ‘лев’.

Хаччабай Енkteв/**Хачсавај** – прилаг. *халчабай* ‘облысевший, лысеющий’; бур., монг. халсагай ‘с короткой шерстью’, ‘облезший (о животном)’ [БМРС, 1951: 541].

Холлобостуур/Холлобостуур – от сущ. *холлобос* ‘большая берестяная посуда в виде бочки для хранения кумыса, простокваши’ или от сущ. *холлобос* ‘остов, сруб стены дома, строения’.

Хомуос Күлүкээнэп/**Хомуос** Кулукеенер – сущ. *хомуос* ‘ковш, черпак; др.-тюрк. *qamıç* ‘черпак, ковш’.

Хонтой/Хонтој – обр. глаг. *хонтой* ‘иметь высокую переносицу или с большой горбинкой нос’.

Хонтобор Куһаҗалдааайап/**Хонтогор** Куһаҗалјаајар – прилаг. *хонтобор* ‘имеющий высокую переносицу’; с возможной коннотацией от бур. *хонтогор* ‘надутый, высокомерный, недружелюбный’.

Хонтойсо Нэлэһэйэйп/**Хонтојсо** Neleheejer – от обр. глаг. *хонтой* ‘иметь высокую переносицу или с большой горбинкой нос’; с коннотацией ‘высокомерный’.

Хорохой Халтаанап/**Хорохой** Халтаанар – сущ., диал. *хорохой* ‘оса’.

Хорук Быһыкаайап/**Хорук** Буһукаајар ~ *хорук* ‘сонная артерия’.

Хотой Өкөнньөөйөп/**Хотой** Екөнһөсөјер – сущ. *хотой* ‘орел’.

Хотойоон Соһуукап/**Хотойоон** Соһуукар – глаг. *хотой* ‘от тяжести прогибаться, оседать, провисать; человек как бы от тяжести с прогнувшейся фигурой’.

Хотокоон/Хотокоон – от сущ., диал. *хотохоон* ‘охотничий нож, похожий на пальму, с более широким острием, длиной в две пяди’.

Хохту/Хохту – сущ., устар. *хохту* ‘вяленый озерный гольян’.

Хоччоххой/Хочсоххой – прилаг. *хоччорхой* ‘жесткий, грубоватый, резкий (о характере человека)’.

Чакыр/Сакир – от прилаг. *чакыр* ‘белый (о масти лошади)’; диал., *чакыр улар* ‘глухарь с светлым оперением; *бэс улара* ‘глухарь, который водится в сосновом бору’.

Чарчыгыныар Килеков/Čarčygunnar Kileeker – сущ. *чаччы-гыныар* ‘дрозд’.

Чокуруос Оросев/Čokuruos Orouhar ‘Светлоглазый’.

Чолбон/Čolbon, муж. ‘Венера; утренняя звезда’.

Чооруос Яконин/Čoouros – сущ. *чооруос* ‘птичка; чечетка или вьюрок’.

Чыгычаах/Čышšаах ‘птичка; пташка’.

Чаалбаан Мохсойун/Čaalbaan Moxsojun – сущ. *чаалбаан* ‘жесть, жестяной’.

Чаархаан/Čаархаан – от сущ. *чааркаан* ‘капкан на мелких зверей’.

Чабычахаан Дырдыев/Čabyčaxaan Dyrdyšar – сущ. *чабычаха* ‘широкая плоская берестяная посуда в виде чаши’.

Чагда/Čagda – от эвенк. *чагда* ‘сосновый лес’ [Мыреева, 2004: 709].

Чабаан Барчыыкап/Čabaan Barčyškar – прилаг. *чабаан* ‘страшный, грозный, внушительный; серьезность; строгость’; *чабаан киһи* ‘человек, внушающий страх и трепет’.

Чабылбан/Čавылбан – сущ. *чабылбан* ‘молния; гроза; сверкающий, блестящий, сияющий, испускающий лучи, лучезарный; блеск, блистание’.

Чалкахтай уол/Čalkaxtaj uol – от прилаг. *чалкахтаах* ‘Пухлый’, от сущ. *чалахай* ‘слизь, густая тягучая слюна’, ‘водянистая, пенистая нечистота; ср.: осм. *чалках* ‘дряблый, мягкий’.

Чалхах/Čалхах ~ *чалахай* ‘слизь, густая тягучая слюна’; ‘облачная пелена; водянистая, пенистая нечистота’ [Пекарский, 1959, III: 3564].

Чинэй Сэликэйэп/Činej Čelikeejep – глаг. *чинэй* ‘вытянуться и откинуться назад всем телом’.

Чой Мойбоотоп/Čoj Mojbootor – прилаг. *чой* ‘тупой; тупица’.

Чокуур Одукаев/Čokuur Odukaajep – сущ. *чокуур* ‘кремень’.

Чолофор/Čолофор – от обр. глаг. *чолос гын* ‘поднимать глаза наверх; с поднятым кверху лицом, невнимательный, шалун’; бран. ‘бездельник, бедокур, сорванец’.

Чолоодо Өлөөнө/Čoloodo Өlөөнө, жен. ‘одноокая Олена’.

Чолоох/Čолоох – от обр. глаг. *чолос гын* ‘поднимать глаза наверх; мотающий головой, с задранной головой, с заброшенной назад головой, длинношей’.

Чомой/Čомой – сущ. *чомой* ‘подсобный рожон, прикрепляемый к прямой рукоятки вил; подсобный работник, помощник’.

Чопчу/Čорчу – сущ. *чопчу* ‘круглая пуговица, привеска; отрок-ток’; монг., п. монг. *tobči*, бур. *tobšo*; калм. *toptši* ‘кнопка, пуговица’

[Калужинский, 1963: 91л]. ЛИ в тюркских языках: кирг. *Топчу* ‘пуговица’ [Жапаров, 1989: 136].

Чорбойбут Сыраайап/**ЎCorbojbut** Suraajap – от глаг. *чорбой* ‘выступать, выдаваться, торчать (о губах)’; обр. и.

Чоруун/Соруун – прилаг. *чоруун* ‘резкий, грубый, жесткий’, ‘крепкий, выносливый’; *чоруун сутурук* ‘крепкий кулак’.

Чохоо/Сохоо – сущ. *чохоо* ‘небольшая, но глубокая деревянная чашка (чашечка) для молока к чаю и пр.’; монг. *ᠵᠣ᠎ᠠ bastāx* ‘круглоголовый’; п. монг. *ᠵᠣ᠋ᠨᠢ* ‘выпуклая часть лба’; халх., монг. *тсохо* ‘неровные места на затылке’.

Чоху Модьунаайап/**ЎСоху** Mojunaajap – сущ. *чоху* ‘водяной жук; водолюб’.

Чохчоѳор Тумуукап/**ЎСохѳовор** Tumuukap – глаг. *чохчой* ‘подгибать колени, приседать на корточки, сидеть на корточках; иметь фигуру, похожую на человека, сидящего на корточках’.

Чочу/Соѳу – сущ. *чочу* ‘точило, точильный камень’.

Чочу Кылыыһыт/**ЎСоѳу** Kwlyshhwt – сущ. *чочу* ‘точило, точильный камень’.

Чөмчүүнэ/Сөмтсүүне, жен. – от сущ. *чөмчүүк* ‘жемчуг’.

Чуор Уобаахап/**ЎСуор** Uobaaxap – прилаг. *чуор* ‘имеющий острый слух’.

Чэлчик/Селѳик – прилаг., бран. *чэлчик* ‘урод, уродливый; сопляк; медленно развивающийся, слабый (ребенок, жеребенок, теленок)’.

Чэмэлинэ/Семелине, жен. – от глаг. *чэмэлий* ‘иметь веселый, радостный вид, сиять’; ‘опрятная’ [Тэрис, 2012: 38].

Чэнэрэ/Сенере – диалектный вариант прилаг. *чөнгөрө (чангара)* ‘глубокий; широкий и в то же время глубокий’; ср.: *чэнэрэ харахтаах* – букв. ‘с глубокими глазами’.

Чэчир/Сейр, муж. – сущ. *чэчир* ‘ветка зеленая’ [ЛК].

Ыгдаанай Лебергин/**Шгдаанай** Lebergin – от обр. глаг. *ыгдаѳар* ‘иметь высоко приподнятые плечи и короткую шею’.

Ыйааһын/Шжааһун – от прилаг. *ыйаастыгас* ‘косо поставленный, раскосый (о глазах); косоглазый’.

Ыйдана/Шјдаја, жен. ‘лунная ночь’.

Ыкаайыс/Шкаайыс ‘человек с неправильным корпусом’.

Ымыы/Штмыш – *ымыы* ‘клёст’.

Ынай/Шнаја – обр. глаг. *ынай* ‘иметь очень большой живот’; обр. и.

Ыранныыр/Шраһнышр – от прилаг. *ырыган* ‘тощий, худой, истощенный; прозвище, даваемое очень худощавому человеку, у которого виднеются ребра’.

Ырбанча Оттууйап/**Шрбанҕа** Ottuuҕар – обр. глаг. *ырбай* ‘улыбаться (о широкоротом человеке)’.

Ырҕанча/Шгванҕа – от обр. глаг. *ырбай* ‘быть, казаться толстопузым (о человеке); прозвище, даваемое богатому и брюхастому’.

Ыт Кыыс Чоокуун/**Шт Кууш** Сокуун, *муж.* – букв. ‘Дочь Собаки’; охр. и.

Ыт Кыыһа Дабаахап/**Шт Кууһа** Dabaахар, *муж.* – букв. ‘Дочь Собаки’; охр. и.

Ытгаах Күртэ/Шттаах Күрте ‘Кюртэ с собакой’; ‘боотур из Курбусахского рода’; охр. и.

Ыт Тириилээх/Шт Тiriileex ‘богач из Баягантайского улуса’; сущ. *ыт* ‘собака’; букв. ‘С собачьей шкурой’; охр. и.

Ыт Чаахап/Шт Ыаахар – букв. ‘Собака’; охр. и.

Ытык Майахыылап/**Штук** Мајахшчулар – прилаг. *ытык* ‘почтенный’.

Ытырыык Күөчүнээхэп/**Штурууук** Куссүпеехер – прилаг. *ытырыык* ‘склонный кусаться, злой’.

Эбилик/Ебилик – сущ. *эби* ‘прибавка, добавка; прибавление’.

Экчилгэ/Ексілге – от прилаг. *экчэгэр* ‘впалый, втянутый (о животе); поджарый’.

Эллэй, Элэй, Эр Эллэй, Эр Соботох Эллэй, Эллэй Сыччаахап (Эллэй Сеччахов)/Ellej – слово ‘эллэй’ означало в старину большой, громадный; имя одного из предков якутов татарского или бурятского происхождения; по преданию, от брака его с одной из дочерей омоҕой баайа родилось несколько сыновей, от которых и произошли якуты Якутского округа (кроме якутов Баягантайского улуса); по другому преданию, *Эллэй* был братом *Омоҕойа* [Пекарский, 1959, I: 922]. Вероятно, слово восходит к др.-тюрк. *el* ‘племенной союз, племенная организация’, *elči* ‘посол, вестник’, *ellä* ‘создавать союзы племен’, ИС *Elči* [ДТС, 1969: 169–171].

Элэмтэ Чемчин/**Elemte** Ыемчин – от глаг. *элэй* ‘стираться, изнашиваться’.

Элэк Хоочун/**Elek** Хооһун – сущ. *элэк* ‘насмешка’.

Элэс Быкеев/**Eles** Букеев – от обр. глаг. *элэс гын* ‘промелькнуть, мгновенно, проскочить, прошмыгнуть’.

Эмньик Кулун/**Emñik Kulun** – сущ. *кулун* ‘жеребенок (с рождения и до шести-семи месяцев)’; прилаг. *эмньик* ‘сосунок, пасущийся с матерью’.

Эмэхэ Ньиргийин/**Emehе** Ñirgiijin – сущ. *эмэхэ* ‘ягодицы; задний проход; задняя часть’; ~ охр. и.

Эрилик/Erilik – от сущ. *эр* ‘муж, супруг; мужчина; мужественный’; от эпич. имени *Күөкэри Дьабыл аттаах Күүстээх-уохтаах Күн Эрили бухатыыр*, букв. ‘С конем по имени Длинная шея Большое Пятно Сильный Солнце Мужчина богатырь’, *Күүстээх киһи Күн Эрилик* букв. ‘Сильный человек Солнце Мужественный’, *Сүнкэн Эрилик Тойон* ‘Огромный Мужчина Господин’ [Филиппова, 2016: 69]. Фольклорист Н. В. Емельянов отождествляет *эрилик* с *эрэли* ‘человек с большими, круглыми, вращающимися глазами’ [Емельянов, 1980: 353].

Эркин/Erkin – сущ. *эркин* ‘защита, стена’ [Пекарский, 1959, I: 304]. Имя, отражающее древние религиозные воззрения: *Суонан эркин*, *Суоһун эркин*, *Сохсо эркин* ‘название одного из семи братьев лесных духов, постоянно препятствующего промыслу’; *Эркин Эрэлэһэ/Erkin Erelehe* ‘мужское сказочное (эпическое) имя’. В тюркских языках: орх. *иркин* ‘титул’; алт. *эркин* ‘свобода, воля, свободный, вольный; свободно; активный’; уйг. *аркан* книж. уст. ‘сановники, вельможи, придворные’ [Левин, 2013: 191].

Эрчимэн/Erçimen – сущ. *эрчим* ‘сила, энергия’. В тюркских языках: алт. ‘муж’; хак. *ир* ‘мужчина, муж’; тув. *эр* ‘мужчина, муж’; кирг. *эр* ‘муж, мужчина; возмужалый; герой, богатырь, храбрец’; уйг. *эр* ‘мужчина, муж; перен. герой’; монг. *эр* ‘мужчина, муж’; бур. *эрэ* ‘мужчина; муж’; ср.-монг. *эрэ*, м.-п. *эрэ* ‘мужчина, муж’ [Левин, 2013: 99–100]; бур.-монг. эршэ ‘сила, энергия’ [БМРС, 1951: 737]; От ЭИ *Эрчимэн Бэргэн*.

Эрэл Кинтээйп/Erel Kinteejer – от сущ. *эрэл* ‘надежда’; ~ как надежда и опора семьи.

Эрэбил/Erebil – от сущ. *эрэл* ‘надежда’, ‘надежда и опора семьи’.

Эскэл Тый/Eskel Tuj – сущ. *тый* ‘жеребенок’.

Эт Бас/Et Bas – сущ. *эт* ‘мясо’; сущ. *бас* ‘голова’.

Этэбэ Көскөөйөп/Etebe Koeskoejeep – сущ. *этэбэ* ‘бокоплав’.

Эһэ/Ehe – сущ. *эһэ* ‘медведь’.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А	– антропоним
авар.	– аварский язык
адыг. (черкес.)	– адыгский (черкесский) язык
азерб.	– азербайджанский язык
АК	– антропонимический концепт
башк.	– башкирский язык
БМРС	– Бурят-монгольско-русский словарь
бран.	– бранный
БТСЯЯ	– Большой толковый словарь якутского языка
букв.	– буквально
бур. (западн.)	– западно-бурятский язык
бур.	– бурятский язык
возвыш.	– возвышенный
глаго.	– глагол
ГСЯЛЯ	– Грамматика современного якутского литературного языка
ДАЯЯ	– Диалектологический атлас якутского языка
диал.	– диалект
досл.	– дословно
др.-тюрк.	– древнетюрский
ДСЯЯ	– Диалектологический словарь якутского языка
ДТС	– Древнетюркский словарь
ен.	– енисейский
жен.	– женское имя
заим.	– заимствованное (слово)
звукоизобр.	– звукоизобразительный
знач.	– значение

и. числ.	– имя числительное
ингуш.	– ингушский язык
ИПРЯ	– Исторические предания и рассказы якутов
ИС	– имя (имена) собственное (собственные)
казах.	– казахский язык
какой-л.	– какой-либо
калм.	– калмыцкий язык
каралкалп.	– каракалпакский язык
карач.-балкар.	– карачаево-балкарский язык
кирг.	– киргизский язык
книж. уст.	– книжное устаревшее (слово)
кому-л.	– кому-либо
кто-л.	– кто-либо
кумык.	– кумыкский язык
лакск.	– лакский язык
ласкат.	– ласкательный
ЛИ	– личные имена
ЛИС	– личные имена саха
литер.	– литературный
ЛИХ	– личные имена хакасов
ЛК	– личная картотека
ЛСГ	– лексико-семантическая группа
м.-кмч.	– магадано-камчатский
миф.	– мифологический
модаль. сл.	– модальное слово
монг.	– монгольский язык
муж.	– мужское имя
нареч.	– наречие
неодобр. выраж.	– неодобрительное выражение
ногай.	– ногайский язык
обр. глаг.	– образный глагол
обр. и.	– образное имя

ойр.	– ойротский язык
орд.	– ордосский язык
орх.	– орхонский язык
осет.	– осетинский язык
осм.	– османский язык
охр. и.	– охранное (апотропеическое) имя
п. монг.	– письменный монгольский
п. тюрк.	– письменный тюркский
перен.	– переносный
погов.	– поговорка
пратюрк.	– пратюркский
преим.	– преимущественно
прилаг.	– прилагательное
разг.	– разговорный
религ.	– религиозный (термин)
РИБ	– Русская историческая библиотека
РЯС	– Русско-якутский словарь
САиАНТЯ	– Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка
СИГТЯ	– Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков
СЛИ	– система личных имен
СЛИН РСФСР	– Справочник личных имен народов РСФСР
СЛИС	– система личных имен саха
совр.	– современный
сост. слово	– составное слово
ср.	– сравни
ср.-монг.	– среднемонгольский
ст.-п. монг.	– старописьменный монгольский язык
сущ.	– существительное
табасаран.	– табасаранский язык
тат.	– татарский язык
топон.	– топоним

тоф.	– тофаларский язык
ТСЯЯ	– Толковый словарь якутского языка
тур.	– турецкий
тюрк.	– тюркский язык
тюрк.-монг.	– тюрко-монгольские языки
узбек.	– современный узбекский язык
уйг. (рун.)	– уйгурский рунический язык
уйг.	– уйгурский язык
уменьш.-ласкат.	– уменьшительно-ласкательный
употр. в отриц. ф.	– употребляется в отрицательной форме
усилит. част.	– усилительная частица
устар.	– устаревшее
фольк.	– фольклорное
фразеол.	– фразеологизм
хакас.	– хакасский язык
халх.-монг.	– халха-монгольский язык
ч.-л.	– чего-либо
чечен.	– чеченский язык
что-л.	– что-либо
шор.	– шорский язык
эвенк.	– эвенкий язык
эвф.	– эвфемизм
ЭИ	– эпические имена
эпич.	– эпический
ЭСЧЯ	– Этимологический словарь чувашского языка
як.	– якутский язык
ЯРС	– Якутско-русский словарь

Условные обозначения

~	– вероятно
---	------------

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНЫХ ИМЕН САХА	8
1.1. Из истории изучения тюркских личных имен	–
1.2. Изучение личных имен саха	16
1.3. Проблема разграничения прозвищ и личных имен саха	23
ГЛАВА 2. СТРУКТУРНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНЫХ ИМЕН САХА	29
2.1. Способы образования личных имен саха	–
2.2. Диалектные признаки в личных именах саха	55
2.3. Правописание личных имен саха	58
ГЛАВА 3. СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЛИЧНЫХ ИМЕН САХА	62
3.1. Имена-дескриптивы	65
3.1.1. Образные личные имена	87
3.2. Имена-меморативы	100
3.3. Имена-дезидеративы	104
3.4. Апотропеические имена	107
3.5. Ласкательные имена	108
ГЛАВА 4. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНЫХ ИМЕН САХА	112
4.1. Концепт как аспект лингвокультурологии	113
4.2. Код культуры личных имен саха	123
4.3. Концептосфера личных имен саха	134
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	138
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	142
ПРИЛОЖЕНИЯ	165
Приложение 1. Схематическая карта № 1	167
Приложение 2. Схематическая карта № 2	168
Приложение 3. Транслитерация личных имен саха	169
Приложение 4. Краткий именник саха	170
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	210

Научное издание

Тематический план выпуска изданий
Сибирского отделения РАН на 2020 г.

Егор Револьевич **Николаев**

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА САХА
В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Редактор *И. А. Абрамова*

Художественный редактор *В. Ю. Антонов*

Технический редактор *Н. В. Бутакова*

Подписано в печать 18.12.2020. Формат 60 × 90 1/16.

Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 11,7. Тираж 300 экз.

Заказ № 214

ФГУП «Издательство СО РАН»

630090 Новосибирск, Морской просп., 2

E-mail: psb@sibran.ru

Тел. (383) 330-80-50

Отпечатано во ФГУП «Издательство СО РАН»

Интернет-магазин

<http://www.sibran.ru>